

ВАЛЕРИЯ ВЕДЕНЕЕВА

ТОМ 2

ПОСЛЕДНЯЯ
ИЗ СВОЕГО

РОДА

Annotation

Кажется, что в жизни Риэль Шоралл не все так плохо: Дух Бездны ушел, Мервин рядом, и даже лорд Дракон больше не стремится ее убить. Вот только к старым врагам добавляются новые, те, кому нужна сила, заключенная в крови последней из королевского рода.

- [Последняя из своего рода \(Том 2\)](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Интерлюдия 1](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Интерлюдия 2](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Часть 2](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Часть 3](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
-

Последняя из своего рода (Том 2)
Валерия Веденеева

Часть 1

Глава 1

Мы вернулись в столицу...

Или правильнее сказать — бывшую столицу?

Дракон слишком ненавидел Алм–Тирен, чтобы позволить ему вновь называться сердцем королевства, но город на роль новой столицы он еще не выбрал.

Мервин не рассказывал мне подробностей своего общения с Каросом, но по его немногим обмолвкам я поняла: Дракон был не слишком доволен своим наместником. Я не расспрашивала — казалось, будто вопросами я могла нарушить некий невидимый баланс, и тогда случится страшное.

Глубоко в душе сидело ощущение неправильности происходящего, его незаконченности. Дракон сказал, что Дух Бездны действительно освободил меня. Но отчего тогда я просыпалась с бешено колотящимся сердцем, помня обрывки снов про непостижимых, невероятно могущественных существ? В моем разуме они высились словно мрачные колоссы, бессмертные полубоги...

Дракон знал многое про Духов, но не делился ни с Мервином, ни, тем более, со мной. Как получилось, что он точно назвал дату моего пробуждения? Таирт сказал, что именно Карос велел отнести меня в тот день из замка, где я пролежала больше месяца, на простор. Велел, но не объяснил причину. Мервин предположил, что это могло быть связано с восстановлением моей магии, что открытое небо было необходимо для пробужденного сознания...

* * *

Мы ехали по развалинам улиц. С двух сторон — оплавленный в застывшую лаву камень домов, черная копоть...

В этом городе, в его ныне разрушенном королевском дворце я родилась и выросла, в его роскошных парках — теперь сожженных дотла — провела беззаботное детство. Эти страшные черные руины были моим погибшим домом...

Я оглянулась. Из эль-туань здесь были только я и Мервин, все остальные в процессии — выходцы из Сдвоенного мира, оборотни и вампиры. Оборотни в человеческом облики не казались страшными, но дикие вампиры — с восковой бледностью лиц и алыми, будто кровоточащая рана, губам, — пугали.

Во главе кавалькады ехал Карос. Дракон не носил доспехи — его магическая защита была совершенна, ничто враждебное не сумело бы проскользнуть сквозь нее. А еще — с тех пор, как, после пробуждения, я впервые увидела его, в магии Дракона мне постоянно чудилось нечто знакомое — еще один штрих к общей неправильности мира.

— Зачем Дракон велел мне прибыть сюда? — шепотом спросила я у Мервина.

— Не думай, будто я допущен к его мыслям, — негромко ответил таирт.

Мы пересекли то, что когда-то было центром столицы, и углубились в извилистые улочки, где дома нависали над головами, почти закрывая небо. Эта часть города пострадала меньше, некоторые здания стояли совсем целые, лишь присыпанные пеплом от большого пожара. Все дальше и дальше, и только Дракон знал, куда мы едем.

Вот, наконец, и пункт назначения — дом в три высоких этажа, с узкими стрельчатыми окнами, построенный из серого камня. Обычный дом, ничем не отличающийся от остальных. Внутрь зашли только мы трое: Карос, я и Мервин; брат еще кого-то из сопровождения Дракон не посчитал нужным.

Впечатление дом производил гнетущее: на стенах темные от времени, кое-где протертые до дыр драпировки, неровный потолок из покосившихся, почерневших от времени досок. Мы сворачивали во все новые переходы, пару раз прошли сквозь просторные комнаты, вся мебель в которых носила печать давнего запустения. И никаких признаков существования прислуги.

Еще один длинный мрачный коридор. По наклону пола мне стало понятно, что спускаемся вниз. Дракон шел впереди, но вот его шаги замедлились. Высокая, в два человеческих роста, дверь, открылась легко, без малейшего скрипа, выпустив в темный коридор сноп яркого света. Карос вошел первым. Я увидела, как он склоняет голову в приветствии обитателю покоев. Затем Дракон обернулся и жестом велел приблизиться мне.

Комната была невелика, овальной формы, со сглаженными углами, и без окон. Источником света были ее стены, сияющие сами по себе. И все в этой комнате было призрачно белым. Настолько белым, что моим глазам стало больно.

В центре комнаты стояло кресло, больше похожее на трон; на нем, положив на подлокотники худые старческие руки, сидел... человек? Эль-туань? Оборотень? Я могла сказать только то, что он был стар, очень стар и слеп — за белесыми бельмами уже невозможно было определить природный цвет глаз.

Седая голова повернулась ко мне, чуть шевельнулись бескровные губы, хриплый старческий голос спросил:

— Это она?

— Да, тэрайи, — ответил Карос, и в голосе его прозвучало искреннее почтение. — Я привел последнюю из рода Шоралл.

Невидящие глаза посмотрели на меня, высохшая рука поднялась.

— Подойди, — голос слепца прозвучал равнодушно. Мне сделалось не по себе, но и послушаться показалось невыносимым. Старец коснулся моего лица пальцами, обтянутыми пергаментной кожей. Прикосновения были легкими и почти неощутимы, но только благодаря усилию воли я сумела их вынести — словно бы по моей коже скользнуло тело змеи.

— Я был прав, тэрайи? — спросил Дракон.

— Да, — прошептал старик, и его рука безжизненно упала на подлокотник. — Все верно. А теперь пусть уйдет.

— Ступай, — кивнул мне Карос, и я торопливо развернулась к выходу. Чем скорее я покину это место, тем лучше!

В коридоре Мервин, так и не вошедший в белую комнату, обнял меня, и только тогда я поняла, что меня трясет.

Мы молча прошли по темному переходу, и лишь когда я уверилась, что мой голос не донесется до нежеланных слушателей, то спросила:

— Кто этот старик? Что они хотели от меня?

Мервин лишь молча покачал головой. Не знал, или просто не хотел говорить? Я поежилась, не настаивая на ответе. Пусть. Ускорила шаг — лишь бы уйти дальше от этого страшного старика. Его прикосновение вызвало во мне и страх, и омерзение, и тошноту, и что—

то еще, что невозможно было описать словами. Словно он оторвал частицу моей души.

Потом несколько часов мы ждали у входа. Когда Карос вышел, солнце уже клонилось к закату.

— Возвращайтесь в Нейгес, — велел Дракон Мервину. Голос Кароса звучал мрачно, его глаза, обычно синие, казались такими же черными, как у таирта. — Проверь срединные потоки, потом запечатай Источник. Похоже, все пойдет именно так, как я говорил. А ты, — он развернулся ко мне, и я невольно отступила на шаг, — ты, *принцесса*, постарайся сделать так, чтобы я не пожалел о том, что сохранил тебе жизнь.

Я торопливо кивнула, не решаясь хоть что-то сказать. Что бы там ни рассказывал Мервин, но Дракон, сдувающий с меня пушинки, — это вещь в реальности неосуществимая. Лучшее, что я могла сделать — это позволить Каросу вообще забыть о моем существовании. Убедить в его в моей абсолютной безвредности. По идее, легкая задача, поскольку я и в самом деле не представляла для Дракона никакой опасности.

Вот только он сам отчего-то полагал иначе.

Глава 2

Мервин открыл Портал, сжал мое запястье — после нашего знакомства с Духом Бездны таирт не отпускал меня во время переходов. Несколько мгновений абсолютной пустоты — и мы оказались Нейгесе, родовом гнезде ан-Тоэль, в месте, которое я уже начала считать домом.

Теперь, попадая в Бездну, я больше не видела ее. Вообще. Все эти переходы для меня стали непроницаемой чернотой, и ничем больше...

— Мервин, что происходит? Потоки? Источник?

— Не сейчас, Риэль, — таирт отпустил мою руку. — Сперва я должен выполнить приказ.

Через несколько часов он пришел в мою комнату. За недолгое отсутствие лицо Мервина сильно осунулось, и без того бледная кожа приобрела пергаментный оттенок, губы отсвечивали синевой. Я нахмурилась, но ничего не сказала: и без вопросов было понятно, что у таирта магическое истощение. К счастью, не до такой степени, чтобы тело отказало и он впал в транс. Однажды я видела, как подобное случилось с Седдом — брат пробыл без сознания почти неделю и все это время выглядел, как трехдневной свежести мертвец.

Мервин криво улыбнулся в ответ на мой озабоченный взгляд и сел в кресло:

— Ты хотела узнать подробности?

— Да! — я пододвинула свое сиденье к нему поближе. — У меня такое чувство, будто что-то готовится, что-то очень большое.

— Верно, — Мервин устало потер виски. — Готовится.

Оттенок обреченности в его голосе испугал меня.

— Что? — спросила я отчего-то шепотом.

Мервин посмотрел мне в глаза, и я поняла, как давит на него это знание, это ожидание неизбежного. Потом он произнес только одно слово:

— Война.

— Война... Война с кем?

Мервин невесело усмехнулся:

— С твоими любимцами.

— Кадари? — не выдержав, я вскочила на ноги. В моем голосе прорвались и гнев, и страх, и ненависть, и что-то еще, странно похожее на удовольствие, на предвкушение. И это последнее испугало меня не меньше, чем слова таирта.

— Да, — согласился он, не отрывая от меня внимательных глаз.
— Кадари.

— Но почему? Что им нужно?

— Наш мир, — спокойно ответил Мервин.

Я вновь села в кресло.

— Наш мир? Для чего?

— Бездна изгоняет их, — таирт скривил губы, и это не походило на улыбку. — У меня остались знакомые среди полукровок-кадари, единственных, кто снисходил до общения с чужаком... Что-то изменилось за последний месяц, Духи Бездны научились проникать за защиту крепостей кадари. Несколько кланов уже полностью вырезано...

— Что же могло измениться? — повторила я. — Духи ведь и прежде хотели уничтожить народ предателей, но не могли.

— Я не знаю, — Мервин смотрел так, словно это я должна была дать ответ. — Не знаю, но можно спросить у Духов...

Нет уж, одной одержимости мне хватило!

— Кадари нужно убежище, — сказала я, начиная понимать, — но они не придут просителями. Все же, почему именно мы?

— Они могут находиться на Теритте дольше, чем в любом другом мире. Как видишь, нам не повезло жить на самой гостеприимной для кадари земле, — Мервин пожал плечами, пытаясь притвориться, будто речь идет о чем-то малозначительном, а не о нашем будущем.

Война.

С кадари.

Да, я могла их ненавидеть, могла относиться с брезгливостью, но не могла отрицать, что они великолепные воины и маги. Как минимум не хуже, чем эль-туань. В конце концов, не нам пришлось на протяжении сотен поколений отражать постоянные атаки врагов, когда каждый вырванный у смерти день можно считать победой. Я почти уважала их за то, что они выжили и сохранились как народ, как цивилизация.

Почти.

Потому что для всех было бы лучше, окажись они менее удачливы.

— Какие кланы договорились напасть? — спросила я, пытаюсь вспомнить их точное число.

— Все, — сказал Мервин.

И тут я действительно поняла. Не просто набег, а настоящая война. Возможно, война на наше полное уничтожение.

— Дракон? — произнесла неуверенно. — Он вмешается? Остановит их?

Мервин покачал головой:

— Он один, Риэль, а их миллионы. Карос обещал помочь, но это наша война, никто из его народа не будет в ней участвовать. Только он сам. Но Драконы не всемогущи...

Я кивнула. Хотя бы так. Это было лучше, чем ничего.

— Кадари нужен весь мир, или только наш континент? — спросила, мысленно прокручивая варианты, вспоминая, кто из соседних правителей был союзником отцу, кто — врагом.

— Весь мир. Их слишком много, их кланы не умеют мирно уживаться друг с другом. Ради выживания кадари согласились забыть о внутренних разногласиях, но после окончания войны, каким бы оно ни было, они вновь перегрызутся. Чтобы этого не случилось, им потребуется весь наш мир. Они заранее поделили континенты Теритта между собой.

Я встала и подошла к окну. Снаружи было темно, только бледный огрызок луны висел в небе, да несколько звезд проглядывали в разрывы между облаками.

Несколько минут мы оба молчали, думая о не столь отдаленном будущем.

* * *

В замке было все также пусто и тихо, даже слуги куда-то исчезли. Странное ощущение: идти по огромному дому, едва ли уступающему размерами королевскому дворцу, и понимать, что, кроме нас двоих, здесь никого нет. Словно бы замок рода ан-Тоэль — это весь мир,

внезапно вымерший, и только мы, по непонятному капризу Властелина, остались живы.

Эта абсурдная мысль застряла у меня в голове, вызывая смятение. Словно бы она была отпечатком будущего, которое не здесь, но уже приближается, от которого никуда не деться.

Я встряхнулась, заставляя себя вернуться к настоящему. Провидцев в роду Шоралл никогда не рождалось, и быть первой я не планировала. Нет уж, это была просто глупая идея, вызванная волнением и страхом, и ничем больше.

Мервин нашелся в своей любимой лаборатории. Сидел за столом, заваленном бумагами. Удостоил меня мимолетного взгляда и вновь уткнулся носом в какой-то очень официально выглядящий документ. Затем прозвучала и его первая фраза сегодня, вместо приветствия и пожелания доброго утра:

— Риэль, ты помнишь Тора Аш-Когрэ?

— Наследника островной империи? — я тоже могла забыть о хороших манерах и о том, что при встрече полагалось здороваться. — Еще бы мне его не помнить.

Вот уж кто умел произвести впечатление, так это Тор! И не скажу, что впечатление было целиком положительное.

— Для чего тебе?

— Этим вечером он прибудет в Квейн, на встречу с Каросом. Дракон пожелал, чтобы ты тоже присутствовала.

— Ясно, — большой радости я не испытывала. Тор ладно, но опять столкнуться лицом к лицу с Каросом?

Мервин усмехнулся, прекрасно понимая, что творится у меня в голове:

— Риэль, Дракон тебя не съест! Честно!

Я фыркнула.

— Конечно нет. Он меня просто разжует и выплюнет!

— Райша, — таирт укоризненно покачал головой, — Дракон не причинит тебе вреда... — и после секундного размышления добавил: — Главное, не спорь с ним и ни в коем случае не зли. Когда Карос в ярости, он... м-м... плохо себя контролирует.

Несколько мгновений я недоверчиво смотрела на Мервина, но он явно не шутил. Я нервно сглотнула:

— Всегда знала, что ты, как никто другой, умеешь подбодрить!

Таирт посмотрел с сочувствием и виновато пожал плечами.

Глава 3

Квейн был старым городом, намного старше Алм–Тирена, нашей столицы. Теперь уже точно бывшей столицы — Карос не выказывал никакого желания восстанавливать ее из обугленных руин.

Квейн... Я была там однажды, еще с Камиром, когда брат отчего-то решил навестить собственные владения в компании сестренки. Может быть, пытался показать местным жителям свою преданность семье и традициям, а может быть, предполагал, что мое присутствие развлечет его во время пребывания в провинции. Что ж, это действительно были веселые три недели — по крайней мере для меня.

* * *

И вот — небольшой прием в небольшом зале мелкопоместного дворянина, чье лицо отражало одновременно гордость и страх от того, что сам Дракон счел его дом достойным своей временной резиденции. А видимость благородного собрания на приеме создавали эль–туань из малоизвестных родов с плохо развитым Даром.

Я приветствовала гостей и улыбалась, непрестанно улыбалась, как и положено принцессе, пусть даже бывшей. А их взгляды, направленные на меня, наполнились растерянностью и опасением. Они никак не могли понять, какую роль я, последний отпрыск уничтоженного рода, теперь играла; для чего Дракону понадобилось мое присутствие.

В глубине души я полностью разделяла их недоумение, но мое лицо оставалось маской невозмутимости и спокойствия. Когда вечер закончится, я сниму ее вместе с тяжелым роскошным платьем, вместе с десятками золотых шпилек, которые держат волосы в изысканной прическе, сниму и стану собой. Но это будет потом.

Карос Дакаант сидел в высоком кресле, Мервин стоял рядом с ним, слева и чуть позади, как молчаливая тень. На руке таирта отливал холодным металлом браслет, и назвать его украшением мог только очень несведущий в магии эль–туань. Даже на значительном расстоянии я чувствовала силу Дракона, исходящую от браслета.

Мервин все же сподобился ответить на мои вопросы — когда я впервые увидела «обнову» — и объяснил, что это амулет связи с Каросом.

Вот Карос что-то спросил, таирт наклонился к нему и ответил. А я — совершенно случайно оказавшаяся рядом — не смогла разобрать ни единого слова, услышала только неясный шелест звуков. Да уж, магическая защита от навязчиво любопытных подданных в действии.

Несколько минут спустя, с необходимым торжественным представлением и в сопровождении немалой свиты, появился Тор. Все гости были без оружия, и... Я с трудом спрятала изумление под неизменной маской благожелательности: магия островитян оказалась связана Нитями подчинения. Да-а, излишняя доверчивость среди недостатков Дракона явно не значилась. И наши традиции гостеприимства он тоже очевидно не уважал.

Я была более чем уверена, что никто из присутствующих, ни по отдельности, ни вместе, не сумел бы причинить Каросу Дакаанту серьезного вреда. И несерьезного — тоже. Все же Дракон — это Дракон, пусть даже в человеческом облике. Интересно, была ли у данной предосторожности реальная причина, или Карос просто страдал приступами паранойи?

Тор шел, вернее, шествовал по залу, на лице — торжественное выражение, во взгляде — высокое вдохновение... Я отвела взгляд, изо всех сил борясь с сильнейшим искушением выбросить перед ним всего одну Нить, маленькую и незаметную, но достаточную, чтобы надутый от важности принц ткнулся в пышный ковер носом. Я даже прикусила губу, пытаясь это искушение подавить. Карос и так не особенно меня любил, не стоило давать ему еще один повод.

Тор подошел ближе к месту, где я стояла. Я подняла голову, наши глаза на мгновение встретились... Увы, младший Аш-Когрэ всегда умел предугадывать мои еще невысказанные желания и идеи.

— Даже не вздумай, кузина! — прошипел он сквозь зубы.

Я проводила его взглядом. Даже если бы я попробовала сейчас что-нибудь, Тор уже насторожился и успел бы вовремя заметить. Жаль.

Поклон со стороны Тора, вежливый кивок со стороны Кароса, продолжительные взаимные расшаркивания и уверения в приятности встречи. Вскоре я с удивлением поняла, что кузен говорил абсолютно

искренне: встреча с Драконом для него не просто необходимость, а величайшая честь.

Да, действительно, я как-то подзабыла, что жречество островной империи последнюю тысячу лет клеймило нас проклятыми еретиками как за первую войну с Драконом, так и за последующие набеги. После смерти моего деда отношения между нашими государствами немного наладились, отец даже взял в жены дочь ныне покойного императора — мою маму. Мы были союзниками несколько десятилетий, но все начало распадаться, когда отец заключил договор с Адептами Хаоса. Окончательный разрыв произошел пять лет назад — именно тогда я в последний раз видела Тора.

Старший кузен не очень-то изменился за прошедшее время. Высокий — выше меня почти голову — темноволосый, загорелый и такой же франт. Вся эта золотая вышивка, кольца, бесценные камни, браслет из тирина стоимостью в целую провинцию... Я невольно сравнила его с Каросом, одетым во все черное, без единого украшения. Внешне, если не обращать внимания на одежду, эти двое казались похожи; вот только выражения лиц, глаза, магия — было иным. По меркам эль-туань у Тора был сильный Дар, но по сравнению с тем, что я ощущала в Дакаанте, он казался крохотным.

Едва официальная часть аудиенции закончилась, как я ощутила легкое прикосновение к руке.

— Тор хочет поговорить с тобой, — сказал Мервин.

Кузен ждал меня в малой приемной. Когда я вошла, Тор стоял у окна, рассматривая закатный город. Потом повернулся и стал с таким же задумчивым видом, чуть склонив голову набок, рассматривать меня. Несколько мгновений я отвечала ему столь же пристальным взглядом. Впрочем, игра в гляделки мне быстро надоела. Окинув взглядом комнату, я остановила выбор на самом удобном на вид кресле. Уселась, аккуратно расправила юбки, потом снисходительно кивнула Тору:

— Ты тоже можешь присесть, кузен.

Моя фраза было нарушением всех норм этикета. Тор был старше меня, выше по положению и титулу. Приглашению следовало исходить от него...

Кузен вскинул брови, потом покачал головой и рассмеялся:

— Ты невозможна, Риэль!

— Разве? Просто пытаюсь быть гостеприимной, — я обиженно надула губы. Тор не стал спорить, сел в соседнее кресло, развернувшись так, чтобы лучше меня видеть.

— Ты выросла и похорошела, кузина, — произнес светским тоном, а потом серьезно и искренне добавил: — Рад, что тебе удалось выжить.

Я опустила голову, давая непрошеное чувство вины. Я — последняя из своего рода.

— Да... я тоже рада, что выжила, — согласилась тихо.

Кузен рассказывал о доме, о семье, о том, что хочет пригласить Кароса Дакаанта в империю, и о том, как рады и *благословенны* будут все, кто увидит Дракона. Я слушала по большей части молча, не упоминая, что именно Дракон уничтожил *мою* семью и превратил в пепелище *мою* столицу. Я знала, что если скажу что-нибудь, то Тор лишь покачает головой, посмотрит на меня со скорбным сожалением и обвинит во всем моего отца.

По решению короля мы стали союзниками врагов лорда Дракона, союзниками тех, кто убил его брата и пытался убить наследника. А Крылатые не прощают обид. Тор обязательно добавит что-нибудь о вселенской справедливости, о том, что пришла пора платить за грехи, накопленные столетиями, платить за все набеги на Сдвоенный мир, принадлежащий Драконам.

Я знала, что скажет Тор, поэтому молчала, никак не комментируя восторг в его голосе и почти влюбленность во взгляде, когда кузен вновь и вновь упоминал Кароса Дакаанта. Сомнительно, впрочем, что все эти чувства относились к Каросу как к личности. Для Тора он был лишь одушевленным символом, живым воплощением фанатичной веры имперцев.

В такие моменты, как сейчас, мне начинало казаться, что имперцы — особая ветвь эль-туань, почти другая раса, хотя мы и говорили на одном языке и разделяли некоторые обычаи. Жители королевства Шоралл тоже молились Властелину, но все же не растворялись в вере до полного самозабвения.

Между тем кузен продолжал говорить. Рассказывал, как его отцу-императору — моему дяде — было больно узнать о гибели сестры и племянников. Рассказывал, что дядя очень хотел бы увидеть меня. И если Дракон позволит...

— Если Дракон позволит, я буду рада побывать в империи, Тор, — кивнула я кузену. Мне было приятно слышать, что брат моей матери беспокоился обо мне, но вместе с тем я понимала, каким окажется его решение, если однажды встанет выбор между моей жизнью и приказом Дракона.

Глава 4

Крыша беседки пыталась защитить меня от морозящего дождя, но каждый порыв ветра бросал внутрь все новую гроздь мелких капель. Часть оседала на лице и стекала сладкими слезами, часть блестела жемчужинами на одежде, не впитываясь. Это я пыталась усовершенствовать свое умение управлять стихией Воды, но получалось пока не очень.

Проще всего было создать общую стену Силы, загородив себя не только от дождя, но и от ветра. Но я хотела разделить стихии: оставить вокруг вольное движение воздуха, но поймать дождь. Пальцы плели узоры из невидимых, осязаемых лишь для эррэ, Нитей, но те высказывали. Я чувствовала, как они повисают рядом, издевательски дразнясь.

Сорокадневный сон явно не пошел мне на пользу: хотя Мервин и снял все ограничения, я никак не могла вернуть прежнее — каким оно было до прихода Дракона — владение Силой. А еще я запрещала себе вспоминать то невероятное могущество, которое принадлежало мне-Духу. Вспоминать было больно: словно бы слепому от рождения показали всю красоту мира, чтобы потом безжалостно забрать.

Дочь Властелина снилась мне почти каждую ночь — словно мы вновь превратились в единое существо, летящее на иллюзорных — но таких реальных — крыльях. Во сне наше время было бесконечно, без торопливости смертной жизни, без ограничений живого тела, и мы парили над мирами, сменяющимися в ритме песен Бездны. Все новые и новые, невероятные, фантазмагорические миры, каких, наверное, просто не бывает...

Я встряхнулась, отгоняя воспоминания, — в очередной раз, но не в последний. Все осталось в прошлом, она ушла и не вернется.

И это было хорошо.

Я вновь и вновь повторяла себе, что это хорошо, что это замечательно. Что я не хотела становиться живым сосудом для Духа Бездны. Что я хотела остаться собой, Риэль Шоралл, собой и только собой! Кажется, я даже начала этому верить...

Дождь продолжался, я сплетала Нити, движения были привычны и позволяли мыслям бродить, где тем захочется. Пожалуй, мне следовало отвлечься, вспомнить нечто более важное, чем магия, более притягательное, чем потерянное могущество.

Я улыбнулась — Мервин, мой упрямый таирт.

Мой эль-эро.

Мне было семь лет, когда мы впервые встретились...

* * *

Много лет назад...

Мне было пять, когда я научилась погружать няньку в магический сон и сбегать из *гиммея* — женской части дворца.

Гиммем остался пережитком тех седых времен, когда только мужчинам Рода было дозволено видеть лица благородных жен и дочерей эль-туань и заходить на их половину. Я мало что знала о тех древних обычаях, узнать больше совсем не стремилась, но наличие гиммея и необходимость мне, единственной королевской дочери, находиться там взаперти, была невыносима.

Тогда-то я и научилась незамеченной проскальзывать под носом стражников, иногда через черный ход, предназначенный для слуг, иногда через окна. Я не сплетала Нити и не управляла Стихиями, я растворялась в тенях. Или так мне тогда казалось.

Я представляла, как моя собственная тень удлиняется, смешивается с тенями в углах комнат и переходов, как они шепчутся между собой, словно близкие подружки, а потом соглашаются принять в свой круг и меня. И тогда мои шаги становятся неслышны даже самым лучшим стражам, мое платье — яркое, вышитое золотом — становится бесцветным и незаметным, а серый налет покрывает мои волосы и лицо, пока я окончательно не растворяюсь в тени.

Не знаю, была это особая магия или мое слишком живое воображение, но, пока я оставалась ребенком, никому не удавалось увидеть меня, если я сама того не хотела.

К счастью, королевская чета не подозревала, каким на самом деле был уровень Силы их единственной дочери. Самая младшая, самая опекаемая, самая слабая и беззащитная... Необходимости разуверять

короля и королеву я не видела: мне ни к чему были новые няньки и гувернантки, виртуозно владеющие Нитями, ни к чему бдительные стражники, следящие не только за возможным внешним врагом, но и за мной. И так — до самых двенадцати лет, пока не будет заплачена дань традициям и Его Величество не позволит мне покинуть эту роскошную клетку.

Мне было шесть, когда я обнаружила соблазнительность внутреннего леса королевского замка. Там всегда казалось тихо, спокойно, уютно и тепло, всегда, даже зимой. Это тоже являлось магией, но иного рода, магией самой земли.

Во внутренний лес заходить позволялось только Шоралл, и я, несмотря на юный возраст, уже знала это. Родители занимались управлением государством, братья — уже взрослые — непрерывно искали все новые развлечения, так что лес был мой. Однажды мне сказали: когда что-то принадлежит тебе, ты должна присматривать за этим. Я была хорошей девочкой, я всегда заботилась о том, что было моим.

Мне было семь. Стоял жаркий летний день, напоенный терпкими ароматами распускающихся белых акрий и сиреневого куста тши-уни. В гиммее, в моей опочивальне, няня дремала на кушетке, уверенная, что и я крепко сплю за опущенным пологом своей кровати, а за дверью покоев терпеливо стояли стражники. Обычный день. А я сидела на берегу ручья, наблюдая за его зеленоватой, медленно текущей жизнью.

Потом что-то неясное отвлекло меня от любования светлыми змейками, копошащимися на дне, и заставило вскочить на ноги. Чье-то присутствие. Лес принадлежал только Шоралл, лес был недоволен вторжением и передал это недовольство мне.

Лес был намного больше, чем казался со стороны. Тоже магия, рассказывал отец, древняя и забытая. Теперь уже никто не умел сгибать пространство, вмещая в несколько акров земли сотни тысяч вековых гигантов, бесчисленную мелкую поросль, ручьи, озера, даже лабиринт подземных пещер... Внутренний лес — королевский заповедник дикой природы на лужайке перед парадным входом.

Лес вел меня вдоль ручья, и с каждым шагом ощущение чужого присутствия становилось все сильнее. Пока я не увидела, что именно так возмутило древнюю магию. Вытянувшись во весь рост, подложив под голову руку вместо подушки, на лужайке, словно на своей

любимой кровати, мирно спал незнакомый мне эль-туань. Примерно того же возраста, что и мой старший брат, того же, пожалуй, роста и... И на этом вся схожесть между ними заканчивалась.

Камир, светловолосый, загорелый красавец, пронзительно синеглазый, и чужак — такой бледный, словно ему никогда не доводилось бывать на солнце, с жестковатыми чертами лица, с волосами, чернее которых невозможно представить... Я склонила голову, разглядывая спящего. Было в нем что-то притягательное, что-то правильное и неправильное одновременно. Но мог ли он, настолько непохожий на моих братьев, считаться красивым?

Вопрос оказался не из легких, и я глубоко задумалась.

Чужак открыл глаза. Только что крепко спавший, он очнулся меньше, чем за одно мгновение. Я, всегда долго и мучительно просыпавшаяся по утрам, была уже готова выразить ему свое восхищение, когда чужак посмотрел на меня. Один взгляд — и все мысли куда-то потерялись. Осталась лишь гулкая странная пустота.

Не знаю, сколько это длилось. Я стояла, оцепенев, забыв, кто я, что я, зачем я... Словно что-то менялось в тот миг во Вселенной, а я оказалась в самом сердце изменения. Весь простой мир моего детства раскололся на мириады осколков и собрался заново, и все это за несколько бесконечных мгновений.

Когда я очнулась, все оказалось одновременно и по-прежнему, и по-иному. Черноволосый эль-туань все так же смотрел на меня, только приподнял удивленно брови, словно ожидая объяснений. А на меня медленно нисходило осознание того, что этот эль-туань, даже имени которого я еще не знала, уже никогда не будет мне чужим, что каким-то непонятным образом он оказался вдруг частью меня, такой же, как мое тело, мои мысли, моя магия...

И сама моя жизнь словно бы разделилась на две неравные части: до этого изменения — и после.

Глава 5

Чужое присутствие заставило меня вынырнуть из воспоминаний. Я огляделась, ощущая, как нарастает тревога.

Дождь и не думал стихать: уже не капли, а сплошные струи звонким маршем барабанили по крыше беседки. Потоки воды, как густой туман, смазывали очертания. Вот по ступеням беседки поднялся смутный силуэт, но я не смогла различить ни лица, ни фигуры.

Вскочив на ноги, я собрала вокруг себя Нити, формируя из них кокон — жалкая защита, но это все, что я могла сейчас сделать.

— Прошу простить меня за вторжение, Ваше Высочество, — донеслось из глубины дождя, и силуэт нежданного гостя, наконец, обрел четкие формы. Не гостя — гости. Камила Крий, бывшая возлюбленная Седда, моего третьего брата, почтила меня непрошенным визитом. Я и не подозревала, что она выжила.

Чуть расслабившись, я вновь села на скамейку, но не распустила кокон Нитей. За последние месяцы все слишком перемешалось, и я больше не знала, чего ожидать от бывших подданных.

— Не уверена, что имею сейчас право на титул принцессы, — сказала я со вздохом.

Камила остановилась в паре шагов и смерила меня оценивающим взглядом.

— Действительно, — произнесла дочь Крийского герцога, и я вздрогнула от ее тона. Вгляделась внимательнее, подмечая произошедшие в Камиле изменения: болезненную худобу, неестественную бледность и жесткий, жестокий даже, блеск глаз. Эльтуань казалась совсем иной, чем год назад, когда я в последний раз видела ее.

— Стало быть, ты осознаешь, что потеряла право на свой титул, Риэль, — продолжила Камила, и я непроизвольно поморщилась от того, как она произнесла мое имя. Когда тебя столь сильно ненавидят, это... неприятно.

— Последняя из Шоралл, — Камила подошла ближе, и я торопливо отодвинулась.

— Почему вся твоя семья погибла, но ты осталась жива? — спросила дочь Крийского герцога, и ее голос прозвенел гневом. Не отвечая, я поднялась со скамьи и отступила к выходу из беседки, огибая Камилу по широкой дуге. За моей спиной сад тонул в дождевой воде; пустой сад, здесь были только я и Камила.

— Ответь мне, почему?! — Камила сорвалась на крик, и я замерла, но не потому, что вдруг решила ей ответить. Нет, я просто наткнулась на стену Силы, и это была не магия эль-туань, не магия стихий, не магия рун. Прежняя я-Дух Бездны знала бы, что это такое, но я-смертная не имела ни малейшего представления. Пока я понимала только одно: сама Камила, магия которой всегда была слабее, чем моя, не сумела бы это создать.

— Почему? — прошипела эль-туань, и в ее зрачках отсвечивало безумие.

— Какое тебе дело до этого? — ответила я резко. — Ты теперь свободна. Все равно ты никогда не любила Седда...

— Не смей говорить о нем! — снова крик, полный боли и гнева. — Да что ты знаешь о любви? Что ты знаешь о том, как потерять самое дорогое?

Она сделала глубокий вздох и продолжила почти спокойно:

— Ты знаешь, что Седд любил тебя больше, чем братьев, чем родителей, чем *меня*? Когда он говорил о тебе, его голос, его взгляд... он менялся. Его милая сестренка, его солнышко, невинная малютка, ставшая прекраснейшей девушкой нашего королевства... Принцесса, которая, вместо мести за семью, предпочла спасти предателя, встала на сторону убийцы своих родных! Мервин Ан-Тоэль никогда не был одним из нас, его порченная кровь должна была однажды проявиться. Но ты, Риэль Шоралл... Какое оправдание может быть у тебя?

Я молчала, не отводя взгляда от Камилы, и пыталась одновременно если не пробить стену Силы, то хотя бы нащупать в ней слабое место, трещину, которая может расколоться от удара. Но стена плотно окружала беседку, закрывала ее со всех сторон, шла под ногами и нависала сверху. Я молчала, никак не отвечая на обвинения Камилы, но та едва ли заметила, что вся наша беседа — почти сплошной монолог. Ей не нужны были ответы. По ее глазам я видела, что все уже решено и приговор вынесен.

— Настоящий предатель — это ты, — с абсолютной уверенностью произнесла Камила. — Предать может лишь тот, кого любишь и кому веришь. Мы не доверяли ан-Тоэлю, мы знали, что в любой момент он может стать врагом, но ты, золотое дитя Шоралл, именно ты предала нас всех! Не только свою кровь, но и свой народ!

В стене Силы не было слабых мест, не было трещин. Монолит, готовый в любой момент сомкнуться и раздавить меня, сделать мертвой не-принцессой.

Сад оставался пустым, но совсем рядом, едва ли в сотне шагов, возвышались стены замка, и где-то за ними беседовали о важных делах мой кузен, Карос Дакаант и Мервин. Сколько пролежит здесь мой остывающий труп прежде, чем кто-то хватится? Впрочем, Дракон будет только доволен — одной проблемой меньше. А Мервин...

Я встряхнула головой. Ну уж нет!

Мы нанесли удар одновременно — я и Камила. Из меня выбило весь воздух, но и изящная эль-туань напротив конвульсивно содрогнулась. Я не могла дышать, совсем не могла — стены Силы давили со всех сторон, Нить Воздуха перетянула мне горло... Но дыхание необязательно, чтобы выслать еще одну Нить. Для этого достаточно оставаться живой.

Щит на Камиле защищал от Нитей всех стихий — от классических Нитей... Дочь герцога не успела даже вздохнуть в изумлении, когда ледяная корка покрыла ее лицо, стала ее лицом, ее телом. Стихия Холода, Нить Холода — мой наставник по боевой магии пришел бы в восторг.

Камила еще жила там, под ледяным панцирем. Мне следовало сделать лишь шаг и толкнуть ее, и эль-туань, ставшая ледяной статуей, разобьется на десятки кусков. Но стена Силы по-прежнему давила на меня, я по-прежнему не могла дышать, перед глазами уже плавали красные круги. Даже когда Холод доберется до сердца Камилы, когда разорвет все ее кровеносные сосуды, мне это не поможет, потому что магия, держащая меня, принадлежала кому-то другому... другому...

Я чувствовала, что теряю сознание. Легкие горели огнем, умоляя о глотке воздуха, глаза отказывались видеть, но слышать я еще могла. Моим последним воспоминанием оказался мужской, неприятно знакомый голос, произнесший короткую фразу на чужом языке...

Интерлюдия 1

Тор Аш–Коргэ смотрел на полупрозрачную сферу с выражением неприкрытого, почти благоговейного изумления.

Мервин отвел взгляд, скрывая усмешку, и напомнил себе, что его собственная реакция полугодовой давности была ничем не лучше. Именно тогда он впервые увидел, как создаются межмировые Щиты, как внутренняя сила Дракона сплетается с энергией стихий, а затем — и с самой Бездной...

— Это только пример, — Карос отвел ладонь, и сфера начала замедлять вращение, одновременно наполняясь густым синим цветом. — Такого щита едва ли хватит на один небольшой замок. Чтобы закрыть всю империю, мне потребуется несколько недель...

Мервин перестал вслушиваться в слова Дракона, заранее зная, что именно Карос собирался сказать принцу. Они обговорили все это задолго до аудиенции. Куда больше таирта занимало то, что ощущение неправильности, ощущение неясной тревоги, преследовавшее его уже несколько дней, и источник которого он никак не мог определить, начало усиливаться.

Карос и Тор продолжали разговор, обсуждая детали, не обращая внимания на Мервина, отвернувшегося от них и отошедшего к окну. Вид оттуда не вдохновлял: дождь, дождь и дождь, бурлящим потоком заливающий двор и каменные постройки.

Таирт прикрыл глаза, сосредоточиваясь, вслушиваясь в хор щитовых Нитей, тех, в плетении которых он участвовал. Управлять самим Щитом мог только создавший его Дракон, но определить состояние защиты можно было и по голосу Нитей.

Все было спокойно, как вчера, и позавчера, и неделю назад.

— Если дело в энергии, то все наши храмы... — донесся до Мервина голос принца. Стало быть, разговор дошел до храмов. Много веков имперцы накапливали магическую энергию в тириновые кристаллы. Каждый алтарь в каждом храме имел хотя бы один такой кристалл — полный жертвенной Силы верующих и источник защиты для них же на случай войны. Стало быть, император всерьез

воспринял угрозу нападения кадари, раз готов распечатать свою главную сокровищницу.

Тор продолжал говорить, но внимание Мервина вновь сместилось на Нити. Показалось, словно хор их голосов изменился. Мгновение тишины, и...

Принц прервался на полуслове, когда Карос неожиданно вскочил на ноги, разворачиваясь к таирту:

— Мервин, что ты делаешь? Мерв...

Что именно хотел сказать Карос, таирт уже не услышал: закрывшиеся за его спиной Врата отрезали все звуки, оборвав связь с этой реальностью.

Глава 6

Дышать оказалось так вкусно, так сладко...

Я вновь смогла наполнить легкие воздухом, и прежний ужас медленно отступил. Еще несколько мгновений — и я была уже чем-то большим, чем тело, обезумевшее от страха смерти.

Я — эль-туань, владеющая магией по праву рождения и крови.

Я — Риэль Шоралл.

Я... — но где я?

Оказалось, что я лежала на полу в небольшой овальной комнате, стены которой излучали бледный свет — и являлись единственным его источником. Здесь не было окон, не было дверей, — по крайней мере, видимых. На мне была та же одежда, что и в саду, и я не ощущала ни голода, ни жажды — очевидно, времени прошло немного.

Поднявшись, я попыталась вызвать Нити, найти выход отсюда — и в собственном разуме наткнулась на плотную стену. Полная блокировка. Кто бы ни принес меня сюда, сделал он это не из благих побуждений.

Текли медленные минуты. Я пыталась снять блок, сделать хоть что-то... И изо всех сил давила страх, заставляя себя не гадать о том, что ждет меня в будущем...

Потом, без всякого предупреждения, одна из стен растаяла в воздухе. В проеме стоял мужчина — мой старый знакомый.

— Мое почтение, Ваше Высочество, — он склонил голову в пародии на придворный поклон, но его взгляд ни на мгновение не покидал моего лица. Наша прошлая встреча кое-чему научила этого кадари.

— Стинн ар-Гор, какая неожиданность, — я попыталась любезно улыбнуться, но ощутила, что результат больше походил на звериный оскал. В душе поднялась злость, кожу на лице начало неприятно покалывать.

— Чем обязана столь приятной встрече? — в мой голос прорвалась ярость. Увы, притвориться невинной овечкой во второй раз не получится.

— Я соскучился по вашей волшебной красоте, принцесса, — улыбнулся в ответ Стинн, но взгляд у него был ледяной.

— Тронута, — я кивнула в ответ.

Несколько мгновений мы оба молчали, но воздух между нами почти звенел от напряжения.

— Мы с таким нетерпением ожидали вашего визита, принцесса, — после краткой паузы продолжил Стинн. — Он так много значит для нас. Прошу.

Кадари отошел в сторону, освобождая проход, предлагая мне выйти из белой комнаты. Низкие потолки коридоров давили почти физически, вызывая желание сгорбить плечи. Я стряхнула неприятное ощущение, гордо вскинула голову. Поворот, еще один, и я замерла на середине движения — это место мне было знакомо. Хотя я никогда не бывала здесь во плоти, видения в Зеркале Истины забыть невозможно. Крепость клана ар-Гор, которую я-Дух Бездны уничтожила в одной из ветвей будущего. Если бы ко мне вернулась хоть часть Ее силы! Но я оставалась беспомощна, как никогда не имевший Дара человек.

Стинн обернулся ко мне, вопросительно приподнял брови, ожидая объяснений задержки.

— Где мы? Как я здесь оказалась? Не сделаю больше ни шага, пока не услышу объяснений!

— Ничего страшного, — кадари вновь любезно улыбнулся, но взгляд его наполнился откровенной издевкой. — Вашего согласия, принцесса, вовсе не требуется.

Я хотела сказать что-то еще, но внезапно поняла, что язык отказывается подчиняться. А потом мои ноги, без всякого моего на то согласия, возобновили движение. Первые шаги чувствовались деревянными, даже болезненными, но потом тело нашло правильный ритм и плавность движений вернулась. Все, что осталось моим собственным, — это жжение в глазах от подступающих слез. Мне было жутко, жутко еще и оттого, что я знала: магия Разума, которую применил ко мне ар-Гор, недоступна нам, эль-туань, и, как мне казалось прежде, недоступна и кадари.

Мне не пришлось гадать, кто владел ею, я и так прекрасно помнила: дженнай, любимцы Богов Хаоса, первыми отступившие от законов Властелина. Наши жрецы говорили, что Духи Бездны уничтожили всех дженнай. Похоже, жрецы ошибались...

— Мы почти на месте, — кадари поднял руку, и стена перед нами исчезла. Черный купол, высоченные колонны, аскетически обнаженные стены без фресок и украшений, пол, выложенный гладким красным камнем. Черное каменное возвышение посередине, все в глубоких трещинах. Возвышение, слишком похоже на алтарь для жертвоприношений.

Мы оказались во внутреннем храме кадари — ничем другим это сооружение просто не могло быть.

Не отрываясь, я смотрела на алтарь, чувствуя, как страх горьким комом поднимается к горлу. Среди эль-туань давно ходили слухи, что кадари практикуют жертвоприношения разумных, но политика моего отца диктовала закрывать глаза и на это, и многое иное. И вот...

Потом я посмотрела на кадари, собравшихся в храме. Здесь вместились не меньше половины клана; кадари старались казаться спокойными, но во взглядах нет-нет и проглядывало радостное ожидание, предвкушение чего-то замечательного. Я видела это в глазах и взрослых, и стариков, и детей.

Кадари не собирались ничего объяснять мне: жертве ни к чему знать подробности ритуала. Кукловод дернул за невидимые нити, и я послушно подошла к алтарю. Это походило на мерзкий кошмар, и я даже уверила себя, что это он и есть — на одно краткое мгновение.

— Прошу, принцесса, — Стинн щедрым жестом указал на алтарь. — Ваше последнее ложе ждет вас.

Я вновь посмотрела на алтарь. Трещины в его камне не казались больше беспорядочно разбросанными по поверхности, теперь они складывались в рисунок, в древний, почти позабытый символ. В руну Хаоса. Стинн задумал не просто принести меня в жертву своим темным богам, он задумал развоплотить меня, убить не только тело, но и душу! Для Хаоса нет лакомства приятнее, чем душа смертного.

Ужас сжал мне горло, кровь оглушающе забила в висках, глуша иные звуки. Мне стало страшно почти до физической боли, страшно как никогда прежде, и мысли вернулись к единственной сущности, которая могла бы помочь. Пусть за дорогую цену, но не дороже, чем мое посмертие!

Я не знала имени Дочери Властелина, и было ли вообще у нее имя — кроме моего. Не знала, бывают ли у Духов Бездны имена... Мне

сказали, что я свободна от нее, что она ушла — но мои сны, но мои воспоминания...

«Вернись!» — закричала я в собственном сознании, потому что только там я вольна была это сделать. — «Вернись, стань со мной единым целым! Спаси меня! Пожалуйста, вернись!»

Никто не отозвался.

Никто не пришел...

...Алтарь под моим телом оказался теплым, словно изнутри его подогревала невидимая печь. И еще — я не могла избавиться от ощущения, будто тепло камня не сухое и чистое, как ему положено, а теплое, вязкое и влажное, как внутренности животного. Словно меня, еще живую, уже переваривал какой-то злой божок.

Мои открытые глаза, не мигая, смотрели на купол храма, весь испещренный рунами, и каждая из них была лишь вариацией руны Хаоса.

Ритуал начался с песнопения... со скребущего, возрастающего звука, от которого, казалось, лопнут барабанные перепонки. Звук был настолько отвратителен, что через несколько мгновений я мечтала только об одном — чтобы он прекратился. И не сразу заметила, что на куполе в такт этой дергающейся, пронзительной мелодии начали двигаться руны: изгибались, свивались, словно змеи во время совокупления. Их танец завораживал, держал, и я не могла отвести взгляда, не могла даже моргнуть. Я словно падала, но, вопреки всем законам природы, падала вверх, в круговерть пляшущих рун, в перевернутое небо купола.

Мысли начали путаться, замельтешили воспоминания, вскидываясь в сознании разорванными отрывками:

... вот я на охоте с братьями, смотрю, как величавый олень проносится перед всадниками — благородная добыча для благородных эль-туань...

... вот я в королевской малой приемной, с покаянным выражением лица выслушиваю очередной отцовский нагоняй...

... вот я в лаборатории тауртов, только что испортила очередную заготовку, и Мервин терпеливо объясняет, в чем я ошиблась...

... вот я кружусь в танце, но взгляд то и дело устремляется к стоящему в самом темном углу эль-туань — мой эль-эро... мой...

мой... навсегда мой...

Воспоминания неслись перед мысленным взором все быстрее, их образы казались все более и более смутными, и я внезапно осознала: всего, что я уже вспомнила, во мне больше нет. Моя личность, моя память, мое осознание самой себя распадалось на части, с каждым мгновением, каждым проходящим образом меня становилось все меньше.

Накатил ужас, но тут же исчез, украденный рунами Хаоса.

И, когда это произошло, я испытала столь сильное облегчение, что не сразу поняла: ощущения тела исчезли. Вообще. Я не видела, не слышала, не чувствовала...

Наверное, меня тоже больше не существовало...

Интерлюдия 2

Небо Бездны, всегда спокойное и полное ярких немигающих звезд, в этот раз встретило Мервина яростной бурей. На магических вихрях неслись обрывки реальностей–миражей, звездный путь больше не казался установленным однажды и навсегда — он менялся буквально на глазах. Рисунки созвездий искажались. То здесь, то там закручивались спирали темной материи, пожирающей пространство и время. Границы миров расплывались, щиты на немногих защищенных вздрагивали от внешнего давления, а передвижение сквозь Бездну больше не ощущалось привычным полетом — теперь это было почти неконтролируемое падение...

Почти.

След кадари воспринимался как пространство, измененное чуждостью, — и только это и осталось привычным. Это, и еще вплетенный в след похитителей отзвук магии Риэль. Все остальное... Бездной будто овладело безумие...

Осколок мира, крепость клана ар-Гор, куда привел Мервина след, оказался окружен молочно–белой стеной, постоянно пульсирующей, — словно обесцвеченное и вывернутое наизнанку сердце. И ни сам Мервин, ни одна из Нитей стихий не могли пройти сквозь эту стену. А вот Темная магия таирта могла...

Глава 7

Кто я?

Все кружилось, цветные пятна беспорядочно мельтешили, менялись местами, переливались из одного в другое.

Что я такое?

Эмоции, названия которых я не знала, накатывали волнами, не давая вспомнить и осознать хоть что-нибудь.

Зачем я?

Для чего я существую?

Постепенно возвращались ощущения тела, моего тела... У меня были руки и ноги, и сердце, которое гнало по жилам горячую кровь, и глаза, которые видели... Я вновь воспринимала звуки, тепло и холод, мягкость и жесткость, гнев и смятение.

Я... Но что значит — «я»?

Что значит — быть собой?

Я помнила обрывки образов, цветные картинки, несвязанные друг с другом слова. Я пыталась и не могла составить из этих обрывков целое. Мое тело... Сейчас оно подчинялось мне, но отчего-то казалось, будто совсем недавно было иначе. И еще — я чувствовала себя словно бы тоже составленной из кусочков, плохо подогаанных друг к другу.

Быть собой, быть целой...

Что это значит — быть целой?

Медленно поднявшись, я посмотрела по сторонам, стараясь понять и осмыслить. Пространство, ограниченное стенами и выпуклым потолком, заполненное... — медленно, словно нехотя, из памяти выплыло слово «кадари». Пространство вокруг меня заполняли кадари. Они были разумными, как и я, но они мне — не нравились?

Возникло ощущение неприятия, очередной обрывок эмоции.

Все кадари вповалку лежали на каменном полу: кто-то свернулся калачиком, закрывая голову руками, кто-то вытянулся во весь рост и бормотал себе под нос литанию непонятных звуков.

Я снова огляделась, но никто из лежащих не обратил на меня внимания, не сделал попытки помочь или помешать моим движениям.

Им не было до меня никакого дела. И я пошла, безо всякой цели, аккуратно обходя или переступая через тела. Возможно, если я выйду отсюда, то найду что-то важное и нужное, и обрету целостность? Тогда я стану собой... Тогда мне будет хорошо и радостно...

Выход обнаружился внезапно — просто стена впереди оказалась иллюзией — и вывел меня в узкий коридор, вырубленный в черном с желтыми прожилками камне. По пути мне то и дело попадались разные вещи; иногда они имели имя, иногда нет. Например, длинная узкая блестящая полоса, которую сжимал в ладони очередной лежащий на полу кадари, — название томилось у меня на кончике языка, но я не помнила. Не могла вспомнить точно так же, как название прозрачной стены, в которую неожиданно уткнулась.

Потом, резко, пришло ощущение срочности, необходимости спешить. И я побежала.

Переход, еще один, и еще... Мои ноги почти не касались пола, стремительный бег казался полетом, чувствовался, как полет. Словно бы у меня выросли крылья. Вот впереди возникла стена, в этот раз сплошная, без иллюзий. Но я знала — мне нужно было туда, за нее.

Я прижала ладони к камню, прижалась лицом. Почувствовала внешний холод, проморозивший стену насквозь, потянулась к нему... И вот — мое тело провалилось в камень. Шаг, бесконечный в вязкой каменной материи, еще один — и я уже в объятиях холода, уже вовне.

Воздух здесь потерял прозрачность, стал белым и жестким, закружился вокруг. А еще я ощутила направленное на меня раздражение. Или это был гнев? Понятия эмоций путались, не давая определить, но в любом случае мне здесь были не рады.

Однако необходимость спешить осталась, и я вновь побежала — вперед, сквозь белый и колючий воздух, сквозь холод и чужое недовольство. И, на бегу, упала в переливающийся разноцветный проем, из ниоткуда возникший в окружающей белизне...

— Риэль! — воскликнул знакомо-незнакомый мужской голос, и я повернулась на звук. Сперва вокруг было темно, но стоило мне осознать это, и я поняла: если захочу, то смогу видеть.

Я хотела.

Разумный. Не кадари, хотя с первого взгляда он и казался похожим на них, такой же белокожий и черноволосый. Я знала его. Я была уверена в этом. Я сделала по направлению к нему шаг, другой, а

потом неожиданно для себя перешла на бег. Обхватила его руками, крепко.

После внешнего холода его тело казалось приятно теплым, но эта мысль пронеслась и исчезла, вытесненная другой: рядом с ним я чувствовала себя цельней! Собранные как попало кусочки моего «Я» начали тесниться, занимая правильные места. Но до чего же медленно это происходило, мучительно медленно, а я так хотела скорее стать собой!

— Жива, — прошептал мужчина, обнимая меня в ответ. — Я так боялся, что не успею! Райша, малышка...

Я улыбнулась в ответ на его явную радость от нашей встречи и задала первый пришедший в голову вопрос:

— Райша — это мое имя?

Наверное, вопрос был неуместен: мужчина вздрогнул, крепко сжал мои плечи и отодвинул от себя, вглядываясь в глаза. Мы больше не обнимали друг друга, и кусочки моей личности, так и не успевшие занять правильные места, затрепетали в пределах сути. Более того, процесс разрушения начался заново. И я чувствовала: времени для восстановления осталось совсем не много.

— Что с тобой случилось, Риэль? Что они успели сделать?

Я не знала, кто эти «они», о которых говорил мужчина, не знала, что «они» делали и насколько в этом преуспели. Но нечто внутри меня подсказало: сейчас это было не важно. Важна была лишь моя суть. И этот разумный рядом — именно он мог помочь мне стать собой.

Я посмотрела ему в глаза — обсидианово-черные, полные тревоги, — и успокаивающе улыбнулась. С ним я становилась целой...

Я осторожно сняла его руки со своих плеч — мужчина не протестовал, лишь внимательно наблюдал за каждым моим движением. Потом я поднялась на цыпочки, притянула его к себе и коснулась губами его губ. Приятно...

Еще одна из расколотых частей меня вернулась, и у этой части было его имя:

— Мервин, — шепнула я на выдохе. — Теперь я помню: ты мой эль-эро, моя разделенная душа.

Мужчина застыл и больше не пытался отодвинуться. Я вновь поцеловала его, и каждое биение наших сердец — таких близких друг к другу — приносило мне все новые воспоминания.

— Райша, — не выдержал он. — Что с тобой происходит?

— Пытаюсь вновь стать собой, — ответила я искренне, — собрать себя из кусочков. Я словно разбитая мозаика, Мервин. Мне... — я сглотнула, ища нужные слова, — мне больно *быть*.

— Значит, они успели начать жертвоприношение, — произнес он, и за внешним спокойствием слов я ощутила холодный, наполненный ненавистью гнев — на «них». На... кадари? Мысль эта споткнулась об одно из моих первых воспоминаний — о лежащих вокруг, словно погруженных в транс, разумных.

— Кого они призвали? — спросил Мервин напряженно.

Я сдвинула брови, пытаюсь найти нужное среди теснящихся воспоминаний. Вот оно, совсем рядом:

— Я помню руны Хаоса!

— Хаос, — повторил Мервин таким тоном, словно я только что призналась в своей неизбежной кончине. — Хаос никогда не отпускает своих жертв.

— Наверное, — мне не хотелось думать ни о Хаосе, ни о чем другом. Только об этом мужчине рядом. Но Мервину был важен ответ, и я добавила: — Кажется, что меня совсем скоро не будет.

Взгляд Мервина потемнел, и я сказала:

— Когда ты рядом, мне лучше. Я вспоминаю. Мне легче осознавать себя.

— Твой эль-эро, так? — кончики его губ приподнялись в грустной усмешке, подразумевая что-то, прежде мне известное. Но сейчас я не знала и потому просто вновь поцеловала его.

По песчинке, по крупице — возвращалась память. Воспоминания, — горькие и сладкие, страшные и веселые, — они кружились вокруг меня в хороводе, соглашаясь вернуться лишь в обмен — на поцелуй, на прикосновение, на вздох. Они возвращались, а я становилась собой. И в мире, во всей вселенной было только двое. Только Мервин и я. Я и Мервин.

В его глазах я видела и грусть, и радость, и нежность. И страх. Словно бы он знал то, что мне пока оставалось недоступно. Но это было неважно. Мы были вместе, и только это имело значение.

По-настоящему вместе...

Глава 8

Мир менялся. С каждым вздохом, с каждым сбежавшим мгновением мир переставал быть прежним. А вместе с ним изменялись и пути, ведущие нас в будущее...

Я не знала, снились ли мне в ту ночь сны — и была ли та ночь действительно ночью... Но едва проснувшись, еще не открыв глаза, я почувствовала, как кипит во мне энергия, как магия струится в моем эррэ. Моей первой мыслью было, что жизнь прекрасна, а каждый ее миг — бесценный дар.

И хотя подобное счастливое пробуждение случалось у меня нечасто, но увидеть над собой, едва открыв глаза, радужный купол, преломляющий лучи всех оттенков, мне и вовсе никогда не доводилось. Какое-то время я просто смотрела наверх, бездумно улыбаясь, любуясь игрой красок. Память молчала, не желая ничего подсказывать.

Я повернулась, одновременно проводя ладонью по меху одеяла, и замерла. Рядом лежал мужчина. Спутанные черные волосы упали на лицо, скрывая черты, но одна его рука обнимала меня поверх одеяла. Я потянулась к нему, откинула волосы, вглядываясь в лицо. Я знала его? Да, кажется, я знала его...

Мужчина открыл глаза и чуть улыбнулся:

— Доброе утро, Райша.

Имя.

Это было мое имя.

Мое детское имя, немногие его помнили.

Наверное, он был последним.

Мервин...

— И тебе... доброе...

Я вспомнила все. Теперь — все. И то, как мы оказались здесь, в этом странном месте, в одной постели... Покраснев, я натянула на себя сползшее одеяло, хотя смысла в этом жесте было немного. Мысли скакали галопом. Мервин молчал, лишь чуть улыбался, и оттого я неожиданно для себя самой начала злиться. Воспользовался

ситуацией, ага... Или это я воспользовалась? При том, что не соображала, что делаю, а он все прекрасно понимал?

Так, но что с моей потерей памяти? Каким образом наша близость помогла мне восстановиться? Я замерла, прислушиваясь к себе. Внутри, в сути моей магии, что-то в очередной раз поменялось.

Закутавшись в меховое одеяло, как в королевскую мантию, я отважно ступила на ледяной пол. Ледяной в прямом смысле — полупрозрачное покрытие было создано из сухого льда, неприятно ледящего ступни, но не таящего от тепла. Внизу, под полом, виднелось движение теней — других обитателей этого странного места.

Мервин против моего начинания не возражал: остался сидеть на ложе, ничуть не стесняясь собственной наготы, и наблюдал за мной. Ну да, сумасбродная принцесса требовала постоянного пригляда, а вот то, что я тут разрывалась между желанием откровенно его разглядывать и глупым стеснением, значения не имело!

Сделав широкий круг по комнате (ее белоснежные стены покрывал постоянно меняющийся узор из синих и голубых бликов, но ни окон, ни двери я не увидела) я вернулась к кровати. Единственный предмет мебели занимал немало места, и от него отчетливо несло магией. Значит, сотворенная вещь, как, кстати, и меховое одеяло.

Я присела на край кровати, с той же стороны, где устроился Мервин.

— Значит, решено, — сказала твердо.

— Что? — он приподнял брови — вот уж воплощение невинности. Я ответила ему прямым взглядом. И я вовсе не покраснела при этом... ну разве что самую малость, которая не считается.

— Мы поженимся, как только вернемся в свой мир, — уточнила я.

Улыбка с лица Мервина пропала, теперь он выглядел предельно серьезным.

— Ты так решила?

— Да.

По нашим обычаям не было ничего зазорного в том, что девушка предлагала супружеские узы первая — вот только кавалер мог и не согласиться.

Мервин медленно покачал головой, а потом одной фразой вернул меня в реальность, которую я почти позабыла:

— Риэль, ты понимаешь, что от наших желаний ничего не зависит? Решение примет Дракон.

— Но, — попыталась я возразить, — но ведь на самом деле это удобно. Если ты станешь моим мужем, то получишь законные права на королевство.

— Именно, — Мервин кивнул, — королевство. А ты уверена, что Карос хочет его восстановить? Разве для этого он разбивал его на дюжину провинций и делил между наместниками?

— Но он же не собирается присоединить нас к своим владениям? — я растерялась.

Таирт усмехнулся:

— Будь уверена — нет. Он просто отдаст нашу страну Островной Империи, под власть твоего дяди. Бывшее королевство Шоралл станет новой имперской провинцией. Или несколькими провинциями.

— Но, но... но это ведь невозможно! — с языка у меня рвались десятки возражений. Я знала, что мой народ никогда не примет подобной кабалы. И Мервин тоже не мог этого не знать.

— Риэль, как ты думаешь, зачем на самом деле приезжал твой кузен? — спросил он мягко. — Зачем на этом приеме была ты?

Я молча покачала головой. Я уже, кажется, поняла, но не хотела думать об этом.

— Это будет династический брак, мирное присоединение земель. Это не будет кабалой. Мы получим равные права с прочими гражданами империи, а империя позаботится, чтобы никто из эль-туань не смел и подумать о нападении на мир Дракона. Всего через несколько поколений мы будем ходить в их храмы, верить всему, что говорят их жрецы, и молиться о прощении преступлений наших предков.

— Это его план? — спросила я тихо.

— Да.

— И ты согласишься? Ты отдашь меня? — я смотрела Мервину в глаза. Сейчас он не пытался отвести взгляд или спрятаться за привычной холодной маской.

— Мое согласие Дракону не требуется.

— Ты же мой эль-эро, моя половина! — весь этот разговор о высокой политике походил на бред. Альянс с империей, я в роли будущей императрицы — чтобы подсластить моим бывшим подданным горькую пилюлю оккупации.

Нет!

— Давай сбежим! — я вскочила на ноги. Сбежать прямо сейчас! Найти свободный тихий мир, где мы будем вместе! А дорогой дядюшка с кузеном пусть забирают себе королевство!

Мервин качал головой.

— Риэль, я принадлежу Дракону.

— Что?! — я не понимала.

— Я дал клятву служения. Ты никогда не задавалась вопросом, отчего Карос, при всей его паранойе, мне доверяет? Мне, чужаку, рожденному и воспитанному во враждебном мире?

— Но ты же... ты же полукровка? И ты помог ему, — я действительно не задумывалась об этом, все и так казалось ясно.

— Риэль, крови двусущных во мне капля, все остальное принадлежит эль-туань. Как ты думаешь, что, с точки зрения Дракона, перевешивает? А помощь с Барьером — он действительно мог обойтись без меня, потратил бы чуть больше сил и времени. Клятва была его условием.

— Но зачем? Ты так хотел стать наместником?

— О да, — губы Мервина скривились в невеселой усмешке. — Всегда мечтал, чтобы моя страна меня ненавидела, сородичи проклинали.

Я смотрела на него, чувствуя, что еще немного, и прежде разрозненные кусочки мозаики сложатся в истинную картину.

— Тогда ради чего? — спросила я почти шепотом.

— Чтобы сохранить тебе жизнь, — ответил он так же тихо. — Дракон долго не хотел соглашаться. В Сдвоенном Мире хорошо знают о вашей династии, твои предки слишком сильно там наследили. Карос желал уничтожить всех Шоралл, избежать той ошибки, которую допустил его предок тысячу лет назад, когда оставил в живых младшего принца. Но он пообещал мне, что до тех пор, пока ты ничем не угрожаешь ему, его семье и его миру, твоя жизнь будет в безопасности. Дело даже не в тебе самой, Риэль, дело в твоей крови, в магическом наследии, в том, кем могут стать твои дети. Островная

империя никогда не доставляла Сдвоенному Миру забот; если ты... если ты выйдешь замуж за принца, ваши наследники с рождения привыкнут чтить Дракона. Не будет альянса с Адептами Хаоса, не будет грабительских походов за добычей и рабами. Но если твоим мужем стану я, наши дети будут Шоралл, потому что кровь и магия твоей династии сильнее крови ан-Тоэль.

— Но мы можем быть вместе и жить в империи! Мы будем ходить в их храмы, будем чтить Властелина так, как привыкли они! Наши дети никогда не станут угрожать Сдвоенному миру. Мервин, неужели это невозможно? Пусть он ненавидит меня, но к тебе Дракон относится хорошо.

Таирт молчал.

— Или мы можем уйти в другой мир, так далеко, как получится. Оттуда мы никому не будем угрозой.

— Я попробую уговорить его, — наконец произнес Мервин, но уверенности в его голосе не было. Потом выражение его лица изменилось.

— Риэль, как получилось, что ты выжила во время жертвоприношения? Хаос не отпускает своих жертв.

Я недовольно поморщилась, понимая, что настало время расспросов.

— В этот раз отпустил — и хватит об этом!

Мервин сжал мое лицо в ладонях, разворачивая к себе:

— Ты призвала Ее?

— Кого? — притворяться было глупо, но я пыталась.

— Духа Бездны.

— Да! А что мне еще оставалось? — я вздохнула. — Но Она не пришла.

— Так ли?

— Она не пришла! — я вырвалась из его рук. — Ты же видишь: я — это я, а не кто-то другой.

— Тогда как ты спаслась? — Мервин был неумолим.

— Не знаю! Представления не имею! Хватит меня мучить!

Он покачал головой, едва ли поверив, но больше не говорил об этом...

Спустя несколько часов мы стояли у внешних врат, в одеждах таких же белых, как и у местных жителей.

Я смотрела на них украдкой, не желая привлекать к себе излишнего внимания; любовалась их ледяной красотой. Именно сюда, к Потерянным Братьям (со времен знакомства с Духом я не могла называть их иначе) перенес нас Мервин после того, как я пробила внешние границы мира кадари.

— Скоро будем дома, — Мервин сжал мою ладонь. Он был серьезен, даже мрачен: должно быть, мысленно репетировал, что и как будет объяснять Каросу Дакаанту. По его обмолвкам я поняла, что Дракон не успел одобрить порыв Мервина по моему спасению.

Перед нашим уходом Потерянные Братья подтвердили — Духа Бездны во мне нет. Я была рада этому. По крайней мере, я убеждала себя, что рада этому. Пока получалось не очень, но, возможно, однажды я действительно в это поверю...

Глава 9

Дом. Мой родной мир. Мое второе возвращение. В первый раз я едва не стала воплощением для Духа Бездны, во второй — жертвой Богам Хаоса, сущностям куда более неприятным.

Стоило задуматься об этом, как я почувствовала себя плюшевой игрушкой, которую, словно капризные дети, перетягивали друг у друга могущественные бессмертные существа. Интересно, скоро ли явится строгий родитель и решит по справедливости? Впрочем, нет, после знакомства с детишками я предпочла бы не встречать суть, которая еще более непредсказуема и страшна...

Дракон появился в покоях Мервина едва ли через минуту после нашего прибытия. Посмотрел на меня пронзительным взглядом, нахмурил брови, но ни о чем не спросил. И как это я забыла: вот еще один, для кого я даже не игрушка, а просто ходячая проблема.

Забрав Мервина, Карос ушел, а я осталась одна; не зная, чем заняться, нарезала по комнате круги, ощущая себя на редкость бесполезным существом.

Дракон действительно не нуждался в том, чтобы задавать мне вопросы. Спустя несколько часов бывшая принцесса оказалась призвана пред его светлые очи единственно затем, чтобы выслушать принятое господином решение и послушно склонить голову.

И вот я стояла перед ним в центре малой приемной, сжав руки в замок, чтобы не дать им дрожать. Карос сидел на простом стуле, но поведение его слишком напоминало отцовское во время королевских приемов. Аудиенция для впавшей в немилость подданной.

— От вас одни неприятности, принцесса, — сказал Дракон резко. — Впрочем, это предполагалось с самого начала.

Я молчала — это лучшее, что я могла сейчас сделать. Молчала и всем своим видом выражала раскаяние — правда, я еще не знала, в чем.

— Мало мне было одной Шоралл, так теперь вы осчастливите нас пополнением, — добавил Карос, скривив губы. Вздрогнув, я испуганно вскинула голову. Он что, серьезно?

Но ведь...

Я же не...

...так вот что за изменение я ощутила в своей магии этим утром...

Я прижала ладони к моментально запыхавшим щекам. Одно простейшее заклятие, всего одна фраза — перед *этим* — и никаких неожиданностей бы не было. А я ее не сказала. И Мервина винить было глупо — это ведь женская магия, мужчинам она неподвластна.

— Умно с вашей стороны, принцесса, — продолжил Карос ледяным тоном. — Отличное подкрепление *скромной* просьбы моего *верного* наместника.

Я сглотнула. Вся моя прежняя храбрость куда-то пропала. Когда мы были у Потерянных Братьев, казалось, что ради своей любви я готова выстоять любой гнев Дракона, любую угрозу. Но сейчас я могла только молча смотреть в пол, а мои руки против воли судорожно теребили кружево платья.

— Мервин ведь рассказал вам, принцесса, о планах на присоединение вашего королевства к империи? — после паузы продолжил Карос.

— Да, — собственный голос показался мне не громче писка мыши.

— Династический брак — это единственный способ слияния, который бывшие подданные вашего отца могли бы принять. Но из-за вашего каприза, принцесса, гражданская война будет полыхать еще долго. Согласны взять на свою душу вину за смерть тысяч эль-туань?

Я молчала.

— Хотя о чем это я, — в голосе Дракона прозвучала издевка. — Какое дело дочери рода Шоралл до чужой смерти и страданий, если речь идет об *ее счастье*? Об исполнении *ее желаний*?

Я продолжала молчать, хотя нестерпимо хотелось сказать хоть что-то в свою защиту. Карос Дакаант тоже замолк, но я ощущала его тяжелый неприязненный взгляд.

— Ступайте, принцесса, — произнес он наконец. — Я решу, что с вами делать.

Я склонилась в поклоне, как делала дома, во время официальной аудиенции, и вернулась в свои покои.

Мервин не пришел ко мне ни в тот день, ни в последующие. Вместо него в конце недели появился Тор.

— Ты прекрасно выглядишь, кузина, — принц был куртуазно вежлив.

— Уверен? — уточнила я. Всегда сомневалась, что темные круги под глазами и набухшие веки — результат нескольких бессонных ночей и частых слез — могли кого-то украсить.

— Вообще-то нет, — согласился мой честный кузен и, не спросив разрешения, уселся в кресло. — На самом деле, Риэль, ты выглядишь ужасно.

— Знаю, — я посмотрела в окно, где моросил привычный уже дождь. В его безостановочном ритме я чувствовала отголоски недавней волшбы, сильной и незнакомой. Карос Дакаант? Кадари? Тор или кто-то из его сопровождения? Можно было, конечно, и спросить, но гадать интереснее.

— Зачем ты пришел?

— Поговорить, объяснить, попрощаться, — Тор вздохнул. — Даже не знаю, жалеть ли, что у нас с тобой ничего не получилось.

— Не жалею, — я посмотрела на кузена. — Я точно знаю, что сделала бы тебя несчастным.

— Но почему Мервин? — любопытствовал Тор, ничуть не удивленный моим заявлением. — Почему он?

— Не знаю, — ответила я честно. — Судьба, наверное.

— Судьба?

— Он мой эль-эро.

Тор вздрогнул, потом покачал головой.

— Дракон не сказал мне об этом.

Я пожала плечами:

— Он может не знать, или, как Мервин, считать это глупостью.

— Шутишь? — Тор удивленно вскинулся. — Мервин не желает признавать тебя своей эль-эро?

— Сказки жрецов... — повторила я слова таирта.

— Как у вас все запущено. — Тор покачал головой. Я тихо засмеялась. И впрямь, как все запущено...

— Ты знаешь, где он?

Кузен кивнул:

— Дракон его отослал с каким-то поручением.

На мой вопросительный взгляд он виновато развел руками:

— Куда — не знаю, и зачем — тоже не знаю. Но можешь рискнуть и спросить у Самого.

Да, наверное, я могла бы. Но стоило ли лишний раз напоминать Дракону о себе?

— Я подожду, — сказала я тихо. — Все равно мне больше нечем заняться.

Тор кивнул, сделал движение, словно собирался встать, но остался в кресле:

— Если Дакаант разрешит... если ты захочешь... и я, и отец будем рады видеть тебя у нас дома. Одну или с Мервином, как пожелаешь.

— Спасибо, Тор.

Он смотрел на меня, кусая губы:

— Я не посмею пойти против Дракона, сестренка, но, если смогу, то постараюсь помочь.

Я протянула руку и благодарно сжала его ладонь.

* * *

Время тянулось так медленно, что казалось, будто один день состоит из тысячи. Я ждала. Тор вернулся к себе. Никто мне ничего не объяснял, но из обмолвок эль-туань вокруг — а мне разрешалось ходить по замку — я понимала, что идет подготовка к войне.

Прошло еще десять дней.

А потом вернулся Мервин. Зашел ко мне, без слов обнял и стоял так, зарывшись лицом мне в волосы.

— Я боялся за тебя, малышка, — сказал наконец.

Я улыбнулась.

— Я тоже боялась, — я боялась за нас обоих. Даже нет, уже за нас троих. — Что теперь будет?

— Война. — Мервин отстранился, осторожно провел ладонью по моему лицу. — Уже очень скоро. Кадари почти закончили Ветвь Бьелльхелла.

— Что это такое? — я никогда не слышала о подобном.

— Это соединенная сила всех открытых ими Врат, ведущих в наш мир. Только щиты Дракона способный отразить Ветвь Бьелльхелла, но

он не успевает их достроить. — Мервин на мгновение отвел взгляд, и я сжалась, понимая, что таирт готовился сказать что-то, что мне не понравится.

— Я попросил Кароса отправить тебя в Сдвоенный мир.

— Что?! — я оттолкнула его, чувствуя себя преданной.

— Только там ты будешь в безопасности, — Мервин смотрел почти умоляюще, пытаюсь заставить меня понять. — Райша, они похитили тебя однажды, могут сделать это и во второй раз.

— Да зачем им!

— Затем же, зачем потребовалась и в первый. А сейчас... Они пообещали тебя своим богам, но жертвоприношение не состоялось... Последняя из рода Шоралл, твоя смерть одновременно высвободит бездну энергии и даст им благоволение Хаоса. Ты думаешь, они отступятся?

— Но если они могут украсть меня отсюда, то сумеют и из Сдвоенного мира, — я была уверена, что нашла брешь в его логике, но Мервин покачал головой.

— Нет, для кадары Сдвоенный мир закрыт. Последнее время он закрыт для всех чужаков как на вход, так и на выход, и только Дракон может открыть Врата.

— Я не хочу, — я отвернулась от таирта. — Здесь мой дом, моя родина. Я не хочу прятаться в какой-то норе, как...

— Риэль, не упрямясь, прошу тебя, — сказал Мервин устало. — Мне будет легче, если ты окажешься в безопасности. Пожалуйста, хотя бы ради ребенка.

Несколько секунд я молчала.

— Это Карос сказал про ребенка?

— Да. Ты... ты не жалеешь? Не жалеешь, что так все получилось?

Я подняла взгляд. Мервин смотрел на меня... впервые на его лице не было ни одной из тех масок, за которыми мой эль-эро прятался столько лет. Он стал таким, какой есть, настоящим. Моложе, искреннее, уязвимее...

— Любишь меня? — спросила я тихо.

— Люблю, — ответил он.

— Значит, не жалею. Ни о чем не жалею.

Глава 10

Сдвоенный мир оказался удивительно похож на наш. Такое же солнце и такие же звезды, собранные в созвездия, знакомые с детства. Такая же осень: с желтыми листьями, утренними туманами и ночными дождями.

Я жила в главном гнезде клана Алатос, оборотней, способных перекидываться Волками. По словам Мервина, Волки были одной из самых вменяемых рас среди зверей... среди двусущных. Теперь я даже мысленно старалась избегать их прежней оскорбительной клички.

Гнездом двусущные называли свои резиденции. Оборотни не любили одиночество, предпочитая жить вместе, всей стаей, часто — без всякого отношения к кровному родству. В одной резиденции — или гнезде — могло обитать от трех до пятидесяти семей. Говорили, бывают стаи и крупнее. Хотя у каждой семейной пары была своя комната — а супругов Волки выбирали однажды и на всю жизнь — дети их росли вместе, щедро получая заботу, любовь и ласку от всего клана.

Ко мне Алатос отнеслись с неожиданной добротой, особенно Мара, жена главы клана. Может быть, мой вид воззвал к ее материнскому инстинкту — у Мары была дочь почти моего возраста — или же сыграла роль просьба Алекса Дакаанта...

Единственное, что сделал сам Дракон, так это открыл Врата, чтобы перебросить нас в свой мир, не забыв при этом на прощание одарить меня недобрым взглядом. Впрочем, очень удивлюсь, если однажды он посмотрит в мою сторону как-то иначе.

Мервин остался со мной на три дня.

Наше время. Только мы, вдвоем, и никого больше. Объятия, поцелуи, нежность — и мой страх, засевший глубоко внутри, страх, что этого не повторится: ведь война забирает, не спрашивая, и я слишком хорошо знала, как это бывает.

Однажды, не выдержав, я поделилась своими мыслями, но Мервин только засмеялся. Теперь за один день я видела его улыбку чаще, чем за несколько лет прежде. Без своих масок, без прежней колючей брони он оказался другим. Моложе, добрее...

Наше время закончилось слишком быстро, хотя, будь у нас вместо трех дней три года, и они пролетели бы столь же мимолетно.

И вот я жила здесь, любуясь рассветами и закатами чужого мира, дыша его воздухом, питаясь его пищей. Иногда закрадывалось подозрение, что и ребенок мой увидит свет тоже здесь, в мире двусущных.

Новости с родины доходили с опозданием, но все же я знала, что открытых военных действий пока не началось, пока длилось противостояние, редкие вылазки, разведка. Ветвь Бьелльхелла была еще не достроена, но и щиты Дракона пока не покрывали весь мир. Но в любой день, в любой час все могло измениться...

Часть 2

Глава 1

Мне снился сон. Сперва это было обычное сновидение, наполовину отражающее реальность, наполовину создающее ее. Я находилась в гнезде клана Алатос, в своей комнате. В эту ночь Алатос не бежали в своей звериной оболочке на охоту, эта ночь была ночью пустой луны — я знала это во сне и не удивлялась тишине, царящей вокруг.

Под потолком кружили светлячки, сияющие драгоценности, ограненные самой природой. Они звали меня туда, в непроглядную ночь, в прекрасную осеннюю ночь, полную сладкого запаха умирающей листвы и свободы. Они обещали мне кусочек счастья и осколок вечности, они вели так уверенно, так легко, что я побежала следом, полетела на подаренных ими крыльях. Туда, в распахнутое окно, в ночь...

И тут, как обычно бывает во сне, все изменилось. Сладкая греза превратилась в кошмар, исчезли путеводные огни и призрачное счастье, появился страх, появилось одиночество — в тишине пустого леса с корявыми стволами, с деревьями, что ловили меня черными сучьями. Я забыла, как оказалась здесь, я не знала, что делать дальше. В сердце осклизлыми щупальцами вползло отчаяние, вполз ужас.

А потом я увидела их. Обернулась и поняла, что окружена.

Ночь уже не казалась столь непроглядной: то ли ко мне вернулось ночное зрение, то ли опять сменился сон. Их было четверо — малый круг, но трижды по столько застыли бледными статуями между громад деревьев.

Вампиры.

Проклятые.

Один из них выступил вперед: высокий, седой, страшный. И голос его прозвучал, как змеиное шипение:

— Ты пойдешь с нами.

Сети упали на меня, погребли под собой, закутали в кокон, как несчастную, попавшую в паутину, муху. Странная магия, липкая, мерзкая, неживая. Я пыталась вырваться, но тщетно. Чужая воля давила, ломала, заставляла сдаться, лишала сил. Я упала на мокрую

землю, отстраненно заметив, как перемазаны в грязи мои босые ноги, как порвалось в нескольких местах ночное платье, как набухают красной росой царапины, нанесенные колючими ветками.

Перед тем, как потерять сознание, я поняла, что это был вовсе не сон.

Глава 2

Сознание вернулось сразу. Вот — серая пелена, и вот — я вспомнила все...

Открыв глаза, я села, огляделась по сторонам.

Крохотная комната с единственным окном почти у самого потолка. Окно было без решетки, но в него пролезла бы только изголодавшаяся кошка. Узкий топчан в качестве кровати, крохотный стол у противоположной стены, рядом с ним — кособокий стул, на спинке которого висела простая женская одежда, на полу стояли темные кожаные туфли без каблуков. В другом углу — ведро с крышкой. На столе — кувшин с водой, ломоть хлеба и незнакомый мне фрукт. И все. Больше ничего. Четыре шага в ширину, пять в длину — таково было мое обиталище.

Я без сожалений скинула свою изодранную ночную рубашку и оделась. И одежда, и обувь оказались мне впору.

Судя по тому, как лежало на полу пятно солнечного света, близился полдень. Похитившие меня вампиры, скорее всего, спали — если я ничего не путала в их распорядке дня. И да, самое главное — похитители запечатали мою Силу.

Я ждала и осторожно, по крупице, собирала Нити. Да, Силу они мне запечатали, но печати были наложены с расчетом на одного мага, а нас было двое. Повезло, что похитители не знали о беременности их пленницы. Чтобы открыть Портал, мне следовало собирать Нити еще пару дней, но кое-что по мелочи я могла и сейчас.

Солнце садилось, скоро должны были явиться хозяева, но я не боялась. Как будто после пережитого ночью ужаса я потеряла эту способность. Я была раздражена, недовольна, я волновалась — за себя, за Мервина, за ребенка. Пожалуй, я злилась — но и только.

В комнате уже сгущался сиреневый сумрак, когда мое одиночество нарушили. Лицо вампира, появившегося в проеме открытой двери, выглядело незнакомым. Молодой, с типичной для своей расы внешностью.

— Выходи, — велел он небрежно.

За целый день я накопила достаточно Силы, чтобы убить и этого мальчишку, чей слабый уровень я отчетливо ощущала, и еще пару таких же. Но я не знала, сколько всего вампиров было в этом здании, какими возможностями обладали остальные, и как отсюда выбраться.

Дверь моей камеры открылась в глухой, без окон, коридор, освещенный тусклыми лампами, где стояли еще четверо острозубых. Нет, со всеми мне было не справиться.

— Что вам от меня нужно? — спросила я, позволяя голосу дрогнуть от страха и неуверенности, а в глазах закипеть слезинкам.

Мальчишка презрительно фыркнул, остальные сохраняли молчание. Судя по одинаковой одежде и стандартному оружию четверки, по тому, как цепко они смотрели, это были либо профессиональные солдаты, либо наемники. Лучше бы второе: тех, кто служит за деньги, всегда можно перекупить.

Мальчишка, отступивший в сторону, когда я вышла из комнаты, подтолкнул меня в спину, направляя в коридор, и через несколько мгновений я оказалась в центре вампирской четверки.

— Зачем вы меня похитили? — в моем голосе зазвенели слезы.

Я была почти уверена, что и в этот раз на мое выступление никто не отреагирует, но вампирчик не удержался:

— Тебе оказана большая честь. Твоя жизнь послужит для возрождения великого народа эль-руавви!

— Замолчи! — это было обращено не ко мне, это один из старших вампиров рявкнул на мальчишку.

— Да брось, Гатор! — вновь фыркнул тот. Похоже, фыркание являлось любимым способом вампирчика выражать эмоции.

— Господин запретил говорить с пленницей, — произнес стражник веско.

Интересно, что за «господин»? Не тот ли седой и страшный, который спеленал меня в лесу клана Алатос? Этого вампира я точно не хотела вновь видеть, слышать, или даже находиться с ним в одном здании. Сильный маг, очень сильный. Пусть он не дотягивал до Кароса Дакаанта, но с Мервином сумел бы потягаться на равных. В отличие от нас, от эль-туань, очень малая часть вампиров обладала Даром. Наш средний уровень у них считался за весьма высокий. Не думала, что среди потомков проклятых найдутся уникамы, подобные седому.

— Да ты посмотри на нее! — возмутился между тем вампирчик.
— Она же боится собственной тени. И этой трусихи дядя велел нам опасаться?

Я мысленно улыбнулась — мама была бы мной довольна. Сила женщины в ее слабости — так часто говорила мне королева.

Тихо всхлипнув, я позволила слезам катиться по щекам. Никаких истерик, нет, только вот так: бедная испуганная овечка.

— Отпустите меня. Пожалуйста, отпустите меня домой!

Я подняла голову и обвела шагающих рядом вампиров умоляющим взглядом. Маска равнодушия на лице одного из них, того, что шел справа, дала трещину, ему стало явно не по себе. Должно быть, запугали солдата рассказом о страшной ведьме, а на деле оказалась молоденькая девчонка с глазами на мокром месте. Хорошо.

Мы шли долго. Повороты, сотни запертых дверей, много боковых проходов, много лестниц, ведущих вниз, но ни одна из них не привлекла моих конвоиров. Что ж, я могла только надеяться, что наша цель — не подземелье с очередным алтарем: роль жертвы мне не понравилась.

В присутствии вампиров я не осмеливалась и дальше тянуть Нити: если заметят, шанса сбежать не будет.

Алатос уже должны были поднять тревогу. Только бы не решили, будто я ушла добровольно... Ну да, добровольно, в одной ночной рубашке и через окно.

Потом мы оказались в части здания, где на стенах почти не было светильников.

— Тебе не темно, человечка? — издевательски спросил мальчишка, и я на мгновение сбилась с шага, пораженная пришедшей в голову мыслью. Они не знали, что я — эль-туань! Они были уверены, что имеют дело с человеком, возможно, с человеческой магичкой, но и только.

Я опустила взгляд, пряча усмешку.

— Темно, — согласилась дрожащим голосом.

— Что же ты не жалуешься? — продолжил мальчишка.

— Я хорошо ориентируюсь по звукам, — объяснила я тихо.

Вампирчик хмыкнул, всем видом показывая, насколько презирает людей. Подобное поведение для вампиров хотя и было свойственно, но не доходило до того гротеска, который демонстрировал мальчишка.

Пытался самоутвердиться? Кому—то что—то доказать? И было ли мне до этого дело?

За размышлениями я не заметила, как коридор закончился, и вампир, идущий первым, открыл массивную деревянную дверь. Снаружи царила ночь, яркая, звездная. Вдали чернела гора, на самой ее вершине под холодным светом блестел снег. Очертания горы показались мне смутно знакомыми.

Потом я обернулась, и мои брови невольно поползли вверх. То, что нависало надо мной, нельзя было назвать замком, это сооружение было слишком велико и слишком странно, если не сказать — уродливо. Ночное зрение не давало мне видеть оттенки цвета, но казалось, что и днем это плоское, широкое здание окажется таким же серым и мрачным; этакая гигантская медуза.

— Садись в карету, — подал голос, впервые обратившись прямо ко мне, Гатор. Я вздрогнула, вжала голову в плечи и послушно пошла в ту сторону, куда показывал вампир. Если хотя бы двое из них останутся здесь, не поедут, то я сумею, сумею справиться. И сопротивления они не ждут...

Старая обшарпанная повозка обнаружилась за углом, а рядом с ней стоял тот самый седой, который так легко поймал меня на поляне...

Как же мне захотелось затопать, как в детстве, ногами, и крикнуть — «Нечестно!»

Глава 3

Мы ехали уже второй час. Дорога оставалась пустынна, за все время я увидела едва ли пару всадников. Седой расположился напротив и что-то тихо, на незнакомом языке, говорил племяннику. Вампирчик время от времени косился на меня, и, судя по выражению лица, очень хотел сказать гадость, но присутствие дяди его сдерживало. Я молчала и по большей части смотрела в окно.

— Вы ни о чем не хотите меня спросить, тарэса? — неожиданно обратился ко мне старший вампир. Хотя волосы его были полностью седыми, но теперь, вблизи, я видела, что он еще не стар, хотя, впрочем, и не молод.

— Хочу, — ответила я с небольшой задержкой, повернулась к вампиру, подняла взгляд. Заставила себя вздрогнуть и вновь опустила глаза. — Почему вы меня похитили?

— Мой племянник уже просветил вас на этот счет, — любезным тоном произнес седой.

— Это прозвучало как издевка.

— Понимаю, — согласился вампир. — Понимаю, но вы, тарэса, действительно были избраны, чтобы спасти мой народ, избавить его от Жажды.

По тому, как дрогнул голос вампира на последнем слове, я поняла: для него это так серьезно, что стоит явно больше, чем жизнь всех тарэс иных миров.

— Властелин не простит вас ради принесенной в жертву чужачки. Или думаете обратиться к Богам Хаоса? — кажется, я переборщила с ядом в голосе, но вампира это не задело.

— Понимаю вашу реакцию, тарэса, но разве я говорил что-то о жертвоприношении? Более того, надеюсь, вы останетесь жива и здорова.

— Вот как? — это было уже интересно.

— Вам нужно лишь войти в одно место, вынести оттуда две вещи и отдать нам.

— И после вы отпустите меня на свободу?

— Слово чести, — торжественно пообещал седой. — Вернем туда, откуда забрали, и щедро вознаградим. Золото, драгоценности, магические артефакты...

— Но выбора у меня нет? — уточнила я.

— Увы, — вампир вздохнул, и, кажется, что искренне. — Мы знаем, что шанс есть только у вас. Пришлось потратить немало времени и сил, чтобы убедиться в этом. Ритуалы со всей определенностью указали именно это.

— И сколько своих вы в этом одном месте прежде потеряли?

Взгляд вампира похолодел, он поджал губы.

— Это ведь естественно, — пояснила я. — Если данные вещи и впрямь так ценны, то вам не желательно отдавать их в чужие руки даже на недолгое время. Но вы готовы это сделать. Значит, те, кто пытался прежде, кто был достоин доверия — погиб. Так сколько?

— Двадцать восемь, — наконец ответил вампир. — Вам легче?

Я отвернулась к окну кареты:

— Да, намного.

В обещание вампира отпустить меня на свободу, да и еще и наградить, верилось слабо. Вернее, не верилось вовсе. Не так эти дела делались, совсем не так.

Однажды Мервин спас меня, а в награду получил смертный приговор. И только потому, что умел то, что простым эль-туань не полагалось. А я... Я слишком много знала. Да взять хотя бы сам факт, что вампиры в нарушение законов Дракона открыли Портал на территорию двусущных, да еще и клана, особо приближенного к Дакаантам. За одно это не сносить кое-кому головы. А тут еще и похищение.

Моя жизнь Дракона волновала мало, разве что с политической точки зрения, но дело было не во мне, дело было в принципе.

— Что это за место? — спросила я, не поворачиваясь к вампиру.

— Лабиринт, — ответил тот после секундной паузы. — Старое место. Древнее.

— Опасное, — добавила я за него.

— Опасное, — согласился седой. — Но не для вас, тарэса.

Почему-то я ему не поверила.

Глава 4

Я продолжала смотреть в окно повозки, пытаюсь определить, где нахожусь.

Вампиры, насколько я знала, обитали на архипелаге, а очертания увиденной горы напомнили мне потухший вулкан Ратой — самую известную достопримечательность одноименного с вулканом острова. Других подобных громадин во владениях вампиров просто не было...

Потом я почувствовала на себе пристальный взгляд седого. Ах да, вещи, которые нужны вампирам.

— Что именно я должна вам принести?

Вампир, ждавший, похоже, именно этих слов, достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул мне.

— Вот, посмотрите.

Два схематичных рисунка. На первом нечто, напоминающее дротик — укороченное копьё — с вырезанными по всей длине древка рунами. Часть рун походила на искаженные руны Древних, а часть я никогда прежде не видела. На втором — обруч с зубцами. Корона? Артефакт?

— Для чего они нужны?

— Этого вам знать не требуется, тарэса, — седой был вежлив, но непреклонен.

— Скажите, хотя бы, какие с ними нужны меры предосторожности? — я продолжала рассматривать рисунки. Изображения ничего не говорили о мощи искомым предметам, но старые магические реликвии бывают очень опасны. В том, что вещи магические, я не сомневалась.

— Для вас — никаких, — любезно сообщил вампир.

Многозначительно. Я отложила рисунки.

— Что же во мне такого особенного?

— Мы провели некий ритуал, подробности которого сейчас не важны, — с готовностью сказал седой, — и сумели определить точное местонахождение и внешность единственного существа в нашем мире, которого Лабиринт не только впустит, но и выпустит.

— Правильно ли я понимаю, что суть моей уникальности — для вас тайна?

— Абсолютно, милая тарэса, — легко согласился вампир.

Не слишком ли легко?

Вампирчик, молчавший все время нашего разговора, хмыкнул. Честно сказать, я про него почти забыла.

— Да нет в тебе никакой уникальности, человечка, простое совпадение, — сказал он презрительно. — Звезды над тобой сошлись, вот и все. С каждой заурядностью может случиться.

Я перевела вопросительный взгляд на старшего вампира, и тот слегка пожал плечами:

— Может быть и так, — сказал примирительно. И после паузы добавил: — Вы очень хорошо держитесь, тарэса.

Я опустила взгляд, чувствуя недовольство на саму себя — забылась. Вздохнула:

— А что мне остается?

Поездка продлилась еще несколько часов. За это время я успела получить карту Лабиринта, еще более схематичную, чем предыдущие рисунки, с белыми пятнами во многих местах, и выслушать краткие пояснения на тему того, что в этом Лабиринте обитает. И кто. Некоторые описания звучали очень знакомо, особенно упоминания желтоглазых тварей с ядовитыми зубами. Но намного интереснее оказалось другое — из Лабиринта невозможно было открыть ни Портал, ни Врата, а значит моя идея — докопаться Нити и выбраться самостоятельно — была невыполнима. Жаль. Придется действовать иначе.

— Какие вы даете гарантии, что сдержите обещание и отпустите меня?

— Я же дал вам свое слово! — возмущенно воскликнул вампир.

— Это очень любезно с вашей стороны, — мой голос звучал кротко. — Но я бы хотела чего-то более конкретного. Например, клятву именем Савэто.

Оба вампира замерли, и если взгляд младшего выражал открытую злость и даже, пожалуй, страх, то взгляд старшего, потеряв маску любезности, заледенел.

— Да что ты себе позволяешь, человечка! — взорвался вампирчик. — Это оскорбительно!

— Я хочу жить, — объяснила я очевидное. — Вы же, господа, не сделали ничего, чтобы заслужить мое доверие.

— Видите ли, любезная тарэса, — сказал старший из вампиров. — Данная клятва для нас запретна. Мы не можем клясться именем Савэто.

Слушая седого, я смотрела на вампирчика, особо отметив блеснувшее в его взгляде удивление.

— Лжете, — прервала я вампира. — Можете. И будете, если хотите, чтобы я вам помогла.

— Милая тарэса, — с ядом в голосе сказал седой. — Боюсь, у вас нет выбора.

— Ну отчего же? — я опустила взгляд и сплела слегка подрагивающие пальцы в замок. — Я могу навсегда остаться в Лабиринте.

— Дядюшка, — не выдержал младший. — Просто заставь ее!
Я ждала.

Гипноза седого в прошлый раз хватило, чтобы выманить меня из гнезда, но достанет ли его силы на все время, что я пробуду в Лабиринте, и будет ли там его магия вообще действовать?

Я ждала, но ничего не происходило. Подняла голову — седой выглядел напряженным, должно быть просчитал в уме варианты и пришел к тем же выводам, что и я. Потом кивнул.

— Я принесу клятву Савэто, тарэса, хотя это и идет вразрез с нашими законами.

Я продолжала смотреть на него — очень внимательно. Реакция оказалась не той, которую я ожидала, и взгляд у него был не тот. Должно было проявиться раздражение, злость, но вместо этого я увидела обреченность. Значит, чтобы убить меня, свидетельницу, он готов был нарушить клятву и принять наказание? Сохранение тайны для вампира казалось важнее, чем собственная жизнь? Что же могло заставить этого представителя расы эгоистов и одиночек принести себя в жертву?

— Оба, вы оба принесете мне эту клятву.

— Нет, — старший вампир отказался категорично, но я опять смотрела не на него, а на младшего. Мальчишка струхнул. И куда только делось все его нахальство?

— Да, — так же твердо ответила я. — *Своей* жизнью вы жертвуете, но не его.

— Тарэса, я в мыслях не держал вас обманывать, — попробовал убедить меня седой. — Поймите, мы действительно не имеем права приносить эту клятву. Если мой племянник так поступит, его будущая жизнь, положение в обществе его семьи и его самого — все окажется под угрозой.

— Будем знать только мы трое, — сказала я мягко. — Вашему племяннику ничем не потребуется жертвовать.

— Тарэса, клятва Савэто действует на нас не так, как на людей, — возразил седой. — Она будет видима всем эль-руавви...

— Любезнейший тар, — перебила я его. — Прошу вас, довольно. Свое условие я сказала. Боюсь показаться грубой, но дальнейшая жизнь ваших родственников меня не занимает. Сейчас меня волнует единственно моя жизнь, и пока я вижу только один способ ее сохранить.

— Ты получишь деньги, человечка, — вклинился мальчишка. — Драгоценности! Ну что тебе еще нужно? Вернешься домой, купишь себе дворец, будешь жить, как принцесса...

Не выдержав, я засмеялась. Ну и ну, меня пытался подкупить вампир! И как красноречиво.

— Крочере тагой, а-алш, — резко сказал дядюшка. Вампирчик запунцовел и отвернулся, подчеркнуто глядя в противоположное окно кареты. Жаль, что не я понимала по-вампирьи.

— Ваше упрямство меня расстраивает, тарэса, — снова начал седой.

— А меня ваше, — отозвалась я на его слова. Расправила на коленях бумагу с изображениями нужных предметов, обвела их контуры кончиками пальцев, чувствуя жадный взгляд вампира, направленный на рисунки.

— Тарэса, — проникновенно сказал седой. — Вы не в том положении, чтобы спорить. Кроме того, подумайте сами: зачем нам убивать вас? Я владею магией Разума. Вы выйдете из лабиринта с реликвиями, я заставлю вас забыть обо всем, что произошло за последние дни, и верну во владения клана Алатос с наградой по вашему выбору. Все так, как мы обговорим в клятве.

— Мое условие остается прежним, — сказала я твердо.

Карета замедлила движение, остановилась.

— Мы на месте, тарэса, — сказал седой, первым направляясь к выходу. Следом выпрыгнул мальчишка. Я вышла последней, огляделась, но не увидела ничего, кроме поля. Мы ехали долго, но осенью ночь длинна, и небо оставалось все таким же черным. Жаль, я хотела бы еще раз посмотреть на солнце.

— Ступайте вперед, тарэса, — вампир рукой указал мне направление, прямо в поле, заросшее сухой высокой травой. Я сделала два шага — и застыла на месте. Если это и было искомое, но называть его следовало только так — Лабиринт. С большой буквы. С очень большой.

Такого огромного здания мне еще не доводилось видеть. По сравнению с ним мерк даже наш главный храм, хотя прежде мне казалось, будто он подпирает небеса. Здесь же... Этого не могли построить люди, вампиры или оборотни. И мы, эль-туань, тоже. Это как построить гору, которая вырастает из самих корней земли и упирается в небо.

Вершина здания пряталась за облаками, на самом деле пряталась — небо было уже не такое ясное, как вечером, и несколько туч, похожих на грозовые, скрыли от моих глаз верхние этажи Лабиринта.

— Это он? — я обернулась к старшему вампиру.

— Да, — ответил тот неохотно. — Он.

Странно. Я думала, что интонации седого будут иными, полными гордости за явленное чудо.

— Кто его построил?

— Бог, тарэса, — тяжело ответил тот, и я сглотнула. Вот оно что. Тот, кто проклял их народ Жаждой. Тот, кого предали предки вампиров. Да, таким отражением прошлого не будешь гордиться, такое постараешься забыть.

— Не построил, просто создал, — сказал я тихо.

Бог вампиров, бог эль-туань, Властелин.

Появление Лабиринта уничтожило иллюзию дикого поля, теперь впереди до самых ворот лежала лишь каменистая земля, кое-где усеянная мелкой галькой и редкими островками низкой желтоватой травы.

— Здесь почти ничего не растет, — пояснил седой, не дожидаясь моего вопроса. — Слишком много Силы.

Да, я чувствовала это: давящее присутствие, от которого хотелось спрятаться, забиться в нору и замереть. Зеленая растительность просто не желала расти тут, и я ее прекрасно понимала.

— Нас кто-то встретит там? — я показала на ворота, видневшиеся у основания Лабиринта. Идти до них было еще полчаса, не меньше.

— Нет, — не сразу отозвался седой.

Я оглянулась. Сейчас он казался погруженным в собственные мысли, судя по выражению лица, довольно неприятные. А мальчишка просто молчал. С тех пор, как мы вышли из повозки, он не произнес ни слова. Я мысленно пожала плечами и продолжила путь в безмолвии.

Вблизи махина Лабиринта уже не казалась такой страшной, особенно если не поднимать голову и не слишком смотреть по сторонам. Гора и гора, только с рукотворным входом. Седой подошел к воротам вплотную и несколько мгновений стоял неподвижно, но я чувствовала отголоски работы Нитей. Потом он толкнул створку. Никаких вспышек и громовых раскатов, та просто бесшумно ушла в темноту.

— Прошу, тарэса, — кивнул мне вампир.

— Сперва клятва, — напомнила я сухо. — От вас обоих.

Седой долго смотрел на меня, потом медленно склонил голову. За спиной я услышала сдавленный вскрик. Вампирчик.

— Араэс, неро! Неро! — голос мальчишки срывался.

— Тагой аше, мор креч, — резко ответил ему седой, потом повернулся ко мне. — Вы получите наши клятвы, тарэса.

И я получила их.

— Я, Арэд из клана Кронэ...

— Я, Митац из клана Кронэ...

Хотя, когда дело дошло до вампирчика, мне несколько раз казалось, что вот сейчас он прервется и не закончит клятву. Но имя Савэто было призвано, и на запястьях вампиров появились его метки.

— Идите же, тарэса, — сказал мне седой. И только когда за моей спиной бесшумно закрылась створка врат, я поняла — за все путешествие никто из них не спросил моего имени.

Глава 5

Темнота и пустота — пока Лабиринт мог порадовать меня только этим.

Темнота оказалась настолько непроглядна, что даже перестроенное зрение помогло слабо. Неужели вампиры решили, что я сумею найти невидимые в темноте предметы с помощью невидимой в темноте карты? Тогда они меня переоценили...

Или нет?

Я прислушалась к собственным ощущениям. Вот оно что — оков на магии больше не было. Или седой успел снять печати, или это сделал сам Лабиринт. Скорее последнее — я чувствовала, что резерв наполнялся энергией с такой скоростью, будто я стояла в центре Источника. Ну конечно, Источника... Богу не требовалось искать место пересечения Стихий, он создал его — из ничего, из пустоты. Не удивлюсь, если этот Лабиринт на самом деле — огромный искусственный Источник, возможно, величайший из существующих во всей Сфере Миров.

Повезло.

Наверное.

Я призвала Нить Огня и зажгла вокруг себя несколько световых шаров... М-да... То, что меня окружало, походило на естественную пещеру с неровными стенами и растущими кое-где пятнами синеватого мха. Потолок пещеры оказался достаточно высок, чтобы я не чувствовала себя погребенной заживо, но достаточно низок, чтобы можно было разглядеть все складки камня. Я пошла вперед — это было единственное направление, так что пока Лабиринт никак не оправдывал свое название. Карта начиналась со второго уровня, до него, если верить седому, дорога была одна. Правда, вампир не уточнял, как именно эта дорога выглядит.

На всякий случай я накинула на себя несколько щитов, потом попыталась открыть Портал, следом Врата, — результат одинаково обескураживал. В этом седой не соврал.

Очень скоро мне стало скучно. Захотелось остановиться и сделать что-нибудь, как-то отвлечься от однообразия дороги. Например,

исследовать синий мох. Может, его поджечь? И какого цвета будет пламя?

Я призвала Нить Огня... и опомнилась. Да что это со мной? Экспериментировать с магией в таком месте — форменная глупость. Лабиринт, съевший почти три десятка вампиров, не мог быть безопасным.

Я шла дальше, на всякий случай по самой середине прохода. Скука исчезла без следа, мне стало не по себе. Что-то здесь влияло на меня, изменяя сознание. Сумею ли я вовремя это понять и воспротивиться?

Ход резко свернул налево и бесконечной лестницей — сразу вниз. Я остановилась. Вниз — это же было неправильно. Предметы, нужные вампирам, находились на втором уровне, и с него же начиналась карта. Но это надземные уровни, а не подземные...

Вздвогнув, я сделала невольный шаг назад: лестница прямо на глазах изгибалась, из глубины поднимались ступени и тянулись наверх вместе с меняющим направление ходом. Вот они застыли. И откуда-то издалека донесся самодовольный и самую малость насмешливый голос:

«Теперь довольна?»

Стало неожиданно светло, так светло, что мои огненные шары оказались почти невидимы. Свет шел из-за спины.

Я обернулась — пещеры с грубыми каменными стенами там больше не было. Теперь позади раскинулся огромный бальный зал, где в такт неслышимой музыке кружились прекрасные существа в ярких одеждах. Высокие, изящные, бледнокожие, с трепещущими крыльями за спиной. Я замерла, затаив дыхание: зрелище казалось прекрасно до боли в груди. Хотелось смотреть на них — вечно.

Но вот танец закончился, и существа все, как один, развернулись в мою сторону; одинаково огромные, в пол-лица, глаза без белков смотрели на меня. Я не могла понять их эмоций. Не знала даже, способные ли они вообще на чувства...

Инстинкт заставил меня броситься ничком на пол, и тот же миг правая рука каждого существа поднялась в одинаковом жесте.

Стена за мной распалась в щебень и пыль.

Да, на чувства они точно способны, и я им явно не понравилась.

Не выпрямляясь, чуть ли не ползком, под прикрытием еще не осевшей пыли, я попятилась к лестнице. Вот так-то верить вампирам! «Вам ничего не грозит, тарэса...» Да-да, конечно! Замешкайся я на мгновение, и эта волна Силы вбила бы меня в стену, никакие щиты бы не помогли. Щит хорош, когда ты с противником один на один, но при таком неравном соотношении сил помощи от него...

Взбежав по ступеням, я одновременно раскинула Нити по всем направлениям. Преследователей за спиной не было — уже хорошо. Впереди тоже казалось пусто, но с теми сюрпризами, которые начал подкидывать Лабиринт, я готова была ничему не удивляться. Яркость бального зала осталась позади, но и темно здесь не было, хотя я никак не могла определить, откуда исходит свет.

Постепенно я перешла на спокойный шаг, одновременно пытаюсь вспомнить, рассказывал ли седой о крылатых существах. Нет, точно нет. Но до чего же они были прекрасны!

Жаль, что я забыла спросить о том, кто составлял карту. Пусть двадцать восемь вампиров погибло, но кто-то же должен был вернуться и рассказать об увиденном.

Достав карту, я еще раз изучила второй уровень. Достаточно близко от его начала крестом было отмечено место, названное «храмом Памяти». Затем длинной извилистой лентой были вычерчены «Сады» (что в них растет, седой рассказать не смог). Потом шло пустое пятно и, наконец, у самого края, оказалась «сокровищница», с маленькими крестиками нужных артефактов. Ну и, собственно, сам Лабиринт: ходы, которые заканчивались тупиками, ходы, которые водили по кругу, ходы, возвращающие назад, а также ходы, попросту отмеченные одной руной — «смерть».

Таков был второй уровень — самый легкий, со слов седого, среди уровней Лабиринта. Да, именно так. И всего двадцать восемь потерянных жизней.

Наверху появилось пятно света, яркое, солнечное, и я поняла, что лестница заканчивается. Сделала последние шаги по каменным ступеням. Вот и он, второй уровень.

Лестница вывела меня на площадь. На обычную, мощеную булыжниками, широкую площадь, какую можно найти в любом городе, населенном разумными. В пронзительно голубом небе сияло солнце, вокруг спешили по своим делам горожане — люди. Если здесь и были

двусущные, то по внешнему виду мне их было не отличить. В небе парили те самые существа, что совсем недавно чуть не убили меня, только одежда их здесь была обычная, будничная, а движения скучающе–размеренные. Они походили скорее на городских стражников, следящих за порядком.

Иллюзия? Или Лабиринт на самом деле связывал в себе разные миры?

Я обернулась: то, что было бесконечной темной лестницей, сверху виделось милым тупичком в десяток ступеней, ведущим к двери подвала, запертой на массивный замок. Опять шуточки Лабиринта?

Отойдя в сторону, я встала в тени неказистого здания, пытаюсь понять, что делать дальше. Со слов вампира внутренность Лабиринта представлялась мне мешаниной многочисленных ловушек и каменных проходов, где разнообразия ради бродят монстры, но никак не обычным городом, населенным людьми.

Пока я оглядывалась по сторонам, меня заметили. Одно из крылатых существ спустилось с небес прямо передо мной, сложило за спиной свои стрекозиные крылья.

— Даана новенькая? — голос существа, говорящего на языке Сдвоенного мира, странно вибрировал в гортани, коверкая слова.

— Да, — ответила я после короткой паузы, так и не придумав, что еще можно было бы сказать — ведь притвориться, что местная, точно не получится.

— Тогда к жрецам, — решило существо и показало куда–то в сторону. Я развернулась. Там, за редкой зеленой рощицей, которую кто–то посадил в самом центре города, высился шпиль храма.

— Идите, даана, — кивнуло мне существо.

Я сделала в указанную сторону несколько шагов, оглянулась: существо уже вновь было в воздухе, но смотрело на меня. Я пошла дальше, спустя некоторое время вновь оглянулась: существо продолжало смотреть. Похоже, от посещения храма мне было не отвертеться.

Храм вблизи оказался до удивительного обычен: такие стояли у нас на каждой главной площади каждого города, храмы Властелина. Я поднялась по ступеням, прошла между колонн, но пока никого не увидела. Ни один жрец, ни один служка не вышел мне навстречу.

Остановилась, оглядываясь, прислушиваясь — тихо, пусто. Храм не казался заброшенным, но и обитаемым он тоже не выглядел.

Я обернулась в ту сторону, где парило следящее за мной существо. Отсюда оно казалось размером со шмеля, но продолжало, как мне казалось, наблюдать за мной. Вздохнув, я с легким трепетом вступила под своды святилища.

Внутри было непривычно темно. В наших храмах всегда горели сотни лампад, но здесь оказалось иначе, свет был только тот, что попадал в узкие боковые окна почти у купола, так что по углам и у внутренних колонн таился сумрак. Я оставила дверь предусмотрительно открытой и остановилась недалеко у входа. Если никто так и не выйдет поприветствовать «новенькую даану», уйду, постаравшись избежать внимания крылатых существ.

Но долго ждать не пришлось: едва ли протекла минута, как у одной из колонн я заметила движение. Из глубокой тени выступил мужчина, высокий, светловолосый, одетый, как положено благородному эль-туань.

Сердце у меня внутри замерло, потом начало бешено колотиться. Я сделала неуверенный шаг навстречу, потом еще один, и прошептала:
— Камир?

Глава 6

Мужчина подошел ближе, оказавшись как раз под солнечным пятном одного из верхних окон, золото волос вспыхнуло огненным ореолом, глаза, такие же синие, как мои, засияли внутренним светом. Улыбнулся — так, как он всегда улыбался только мне и мне одной, раскинул руки:

— Обнимешь, сестренка?

Вскрикнув, я кинулась к нему, обхватила крепко—крепко — такой теплый, такой родной — запрокинула голову:

— Камир! Ты жив! Но как? Я же сама видела... Ты их перехитрил, да? Сумел сбежать? Слава Властелину! Ох, Камир... — мой голос прервался всхлипом. Я попыталась улыбнуться, но из глаз неожиданно потекли слезы.

— Ш-ш, — сказал брат, осторожно глядя меня по спине. — Не надо, Райша, не плачь, а то твои красивые глазки станут красными, как у вампира.

Засмеявшись, я попыталась рукавом вытереть слезы. Надо было бы платком, но похитители не додумались положить хоть один с одеждой.

— Где ты был все это время? Почему не пришел за мной? Я так боялась вначале... А потом... — я задохнулась, не зная, что сказать в первую очередь, столько всего случилось. Но Камир поймет. Он все поймет правильно — в этом я была уверена. Даже если немного посердится, то потом простит. Так всегда было, так всегда будет. Самый старший из братьев, самый любимый, и зачем они только с Мервином ссорились все это время... Но теперь все будет хорошо, они помирятся — ради меня и ради ребенка. Я их помирю, обязательно. И все будет хорошо.

— Почему ты ничего не говоришь о себе! — возмутилась я, дергая его за рукав. — Ты все мне должен рассказать, все—все!

Брат на мгновение отвел взгляд в сторону:

— Тут и рассказывать особо нечего... Знаешь, Райша, пойдём ко мне ненадолго, и тебе все станет понятно.

— К тебе? — я растерянно огляделась — Ты здесь живешь? В этом храме? — не веря, засмеялась. — Неужели подался в жрецы? Вот уж никогда бы не подумала...

— Не совсем здесь, — во взгляде брата мелькнула грусть. Потом он взял меня за руки, крепко сжал ладони и скомандовал: — Закрой глаза.

Я послушно зажмурилась, хотя очень хотелось подглядеть. Но Камир не Ренард, он никогда не причинит мне вреда. Сквозь закрытые веки я увидела яркую вспышку, однако пронзительный свет быстро исчез.

— Можешь открывать, — разрешил брат.

Я открыла и изумленно замерла, потом встряхнула головой:

— Но ведь... мы дома. Как?

Дома...

Мы стояли с ним на опушке внутреннего леса, того самого, где я впервые встретила Мервина. Невдалеке виднелась изящная беседка, с крыша из искусно сплетенных живых ветвей. Да, помню, Камир любил сидеть здесь, отдыхая. Но ведь Дракон сжег лес вместе со всем, что окружало королевский замок... Как же так?

Я торопливо развернулась, сделала шаг назад и врезалась в Камира.

— Аккуратней, Райша, — хмыкнул он, положив мне руку на плечо.

— Но дворец превратился в пепелище, я видела это уже через несколько месяцев после битвы! И все здесь — все было покрыто отвратительной черной сажой. Даже земля кое-где оплавилась в камень. Камир, — я вывернулась из его рук, чтобы лучше видеть брата, — я не понимаю!

— Это иллюзия, сестренка.

— Но, — наклонившись, я сорвала первую попавшуюся травинку и растерла. Я чувствовала ее пряный запах, липкость ее сока. Поднеся ко рту, я слизнула ее кислую горечь, — но иллюзия не может обманывать *все* чувства! Это невозможно!

— Если будет проще, считай, что ты во сне. В очень ярком и реальном сне. Пойдем, присядем, нам предстоит долгий разговор, — брат зашагал к беседке, я растерянно последовала за ним.

— Ты один спасся? — спросила, едва только Камир опустился на сидение. — Только ты? Остальные, они все... Все погибли? Мама...?

— Все погибли, — брат вновь отвел взгляд. — Братья, мама, отец. И я тоже.

— Что? — я не понимала. — Что значит — и ты? Камир!!! — мне хотелось встряхнуть его, чтобы прогнать с лица это слишком серьезное выражение, чтобы брат усмехнулся лукаво, как бы говоря — «ага, попалась».

— И я тоже погиб, — он криво улыбнулся. — Мы все мертвы уже больше года, сестренка. Седда выпили вампиры, Мийо сгорел, пытаюсь спасти маму, — они вместе погибли под горящими обломками. Ренарда разорвал кто-то из оборотней... а меня добил ан-Тоэль. Если не ошибаюсь, отрубил голову.

— Мервин? — прошептала я.

— Он самый, — вновь эта кривая усмешка.

— Мервин... говорил мне об этом, — сказала я тихо. Глаза резало, но отчего-то сейчас я не могла заплакать.

— Но как? — я подняла на него глаза. — Если ты мертв, как это возможно? Я же чувствую тебя, — протянув руку, я осторожно коснулась его большой ладони. — Ты теплый, я слышу, как бьется твое сердце. Ты ведь настоящий.

— Лабиринт Властелина, — объяснил брат. — Здесь бывает даже то, что невозможно. Бог устанавливает законы жизни, но он же может поменять их по своей прихоти.

— Но ты... ты сможешь теперь вернуться в мир живых? Выйти из Лабиринта вместе со мной?

— Нет, — Камир покачал головой. — Моя прошлая жизнь окончена. Когда я заслужу право на следующее перерождение, то меня, каким ты помнишь, не станет.

— Заслужишь? — переспросила я удивленно. — Разве это еще надо заслужить?

— Да, — он усмехнулся. — Видишь ли, сестренка, после смерти мне очень хорошо объяснили, какую неправильную жизнь я вел.

— Кто объяснил?

— Те, кому положено. Но это неважно, — он встряхнулся, лицо посуровело, и я мысленно поразилась, как он сейчас стал похож на отца.

— Важно другое, Риэль, — продолжил брат мрачно. — Почему ты приняла и простила нашего врага, эль-туань, который убил твоего отца и брата и запустил в наш мир Дракона? Как ты могла так поступить?

— Ты это серьезно? — спросила я недоверчиво.

— Абсолютно, — говорит он жестко.

В ярости я вскочила на ноги:

— Значит, это я виновата в том, что оказалась пленницей эль-туань, который по *твоей* милости ненавидел всю нашу семью? Может, еще обвинишь меня в том, что я выжила, а вы погибли? Может, я могла это как-то изменить? Например, собственноручно победить Дракона? Это *ваша* вина, это *вы* оставили меня одну! Отец и братья, вы должны были защищать меня, а не п-погибнуть т-так... т-так... — у меня пережало горло, несколько мгновений я не могла дышать.

— Риэль, успокойся.

— О, я спокойна, я очень спокойна!

Камир подошел ко мне и положил ладонь на мой живот, совсем еще плоский:

— Я вижу, что ты ждешь ребенка от своего бывшего тюремщика, и этот факт тебя не печалит.

— Да? Ну, тогда ты должен знать и то, что Мервин — мой эль-эро! — выпалила я, сбрасывая его руку.

— Твой — кто? — вся суровость с лица Камира исчезла, он выглядел изумленным и даже испуганным.

— Мой эль-эро, — повторила я с вызовом. — Ты ведь помнишь, что это такое? Вторая половина души?

— И... давно? — задал он глупый вопрос.

— С рождения, естественно. Когда, по-твоему, в тело входит душа? — злиться было проще, чем страдать, и я была почти рада обвинению Камира. Злясь, я могла не думать о том, как моя нечаянная радость превратилась в боль. Зачем он позволил мне поверить, пусть ненадолго, в то, что выжил? Казалось, сердце разорвется от счастья, что хоть одно существо, родное мне по крови, еще живет в этом мире. Я даже была готова простить то, что он оставил меня одну после битвы, бросив на произвол судьбы.

Да, оставил, потому что погиб.

— Как давно ты знаешь, что он твой эль-эро? — исправил свой вопрос Камир.

— С семи лет, — ответила я сердито.

— И... ты молчала? Все это время ты молчала? Почему?

Я пожала плечами.

— Я же столько раз хотел убить его, — тревожно сказал брат. — Хотел и мог, и однажды собрался! Райша, ты разве не понимала, что играешь с огнем? Скажи ты нам, мы берегли бы его, как королевскую сокровищницу, пылинки сдували бы. Ведь его жизнь — это и твоя жизнь.

— Ага, верю, — ответила я насмешливо. — Правильнее сказать, посадили бы в клетку, да раз в месяц надевали бы обруч забвения, чтобы не вздумал бежать. И держали бы так лет двести, пока бы Мервин сам не умер — от старости. Только задолго до этого он сошел бы с ума. Но это и не страшно, правда? Подумаешь, без всякой вины лишит свободы и смысла жизни какого-то полукровка.

Брат покачал головой, но знакомый блеск в его глазах подсказал — я была права. Еще бы, разве я не знала своего дорогого Камира?

— А на что рассчитывала ты?

— Попросить Мервина себе в вассалы на совершеннолетие, — я улыбнулась, вспоминая. Могло получиться.

— Попросить таирта? Вместо двух морских портов и герцогства Аршер, которые тебе обещал отец? — возмутился Камир. — Ты что, осталась бы ради него нищей?

— Не придумывай, братец, уж нищей бы вы меня не оставили. Попеняли бы за глупость и все равно бы дали, что обещано, — ответила я уверенно.

— Отец пришел бы в ярость.

— Тогда отдал бы ты, — я пожала плечами. — Ты же меня любишь?

Камир несколько мгновений молча смотрел на меня, потом начал хохотать.

— Райша, милая... ты невозможна!

— Я? Ты меня обижаешь.

— И не думаю! — Камир тряхнул головой, все еще посмеиваясь. — Надеюсь, что в следующей жизни мне встретится девушка, подобная тебе. Иначе жить так скучно.

— Ты меня больше не обвиняешь?

Камир покачал головой:

— Ты все сказала правильно: и про то, что мы должны были тебя защитить, и про то, что не могла поступить иначе, раз ан-Тоэль — твой эль-эро. Главное, никогда не забывай об этом сама и ни в чем себя не вини.

Сглотнув, я опустила голову:

— Какой ты мудрый стал после смерти, даже не верится.

— Я всегда такой был, просто ты не ценила, — с апломбом заявил брат, и я с облегчением рассмеялась.

— Ты все сделала правильно, Райша, — продолжил он уже серьезно. — И то, что позволила ребенку зародиться, тоже. Особенно то, что позволила ребенку зародиться.

— Он будет ан-Тоэль, — напомнила я.

— Он будет Шоралл, — возразил Камир. — Неважно, кто его отец, неважно, какое имя он станет носить, но твой сын продолжит наш род. Твои дети, будущие дети, — это наш род, Райша, наша кровь.

— Иди ко мне, — он сел на скамью и притянул меня к себе на колени, как в детстве. Как часто, совсем малышкой, я забиралась к нему вот так и рассказывала свои горести и радости. И он всегда слушал. Не отец, который был вечно занят, а Камир.

Я прижалась щекой к его груди, слушая, как бьется сердце, отказываясь думать, что на самом деле оно, как и все сильное тело брата, превратилось в прах. И рассказала обо всем, что случилось со мной после той битвы. Про потерю Силы и ее обретение, про встречу с Драконом и кадари, про Духа Бездны, про похищение первое, и про второе. Даже про Мервина, про то, как он любит меня, и чем пожертвовал...

— Я еще когда-нибудь увижу тебя? — мы вновь стояли в храме, но солнце уже клонилось к закату.

— Возможно, — ответил Камир. — Долгов у меня много, до перерождения еще далеко.

— Если я снова приду сюда? Ты будешь в храме?

— Не знаю, — брат вздохнул и крепко прижал меня к себе. — Это не моя воля. Им решать.

Им. Они. Брат упоминал Их уже несколько раз, но так и не изволил объяснить, кого имел в виду. Они — это те, кто распоряжается душами эль-туань после смерти? Или те, кто управляет Лабиринтом и этим храмом? Или кто-то еще?

— А почему именно ты встретил меня? Я рада, но почему ты, почему не родители, не кто-то другой из братьев?

— Отцу стыдно, — с легкой усмешкой ответил Камир. — Стыдно, что он так бездарно потерял королевство и все наши жизни. Маму не взяли, потому как она с самого начала считала, что ты во всем права. А из братьев я, во-первых, старший, во-вторых, на ан-Тоэля у меня самый большой зуб, и, в-третьих, ты всегда любила меня больше всех.

Я посмотрела в его смеющиеся бирюзовые глаза и поняла, что поставить наглеца на место не получится. Действительно, любила больше всех. Вздохнула:

— Братьям об этом не говори, обидятся.

— Не буду, — легко пообещал Камир и после короткой паузы добавил: — Они и так знают.

Глава 7

На выходе из храма, на ступенях, я увидела то самое крылатое существо, которое отправило меня к жрецам.

— Духи отпустили даану, — сказало существо. — Теперь даане разрешено быть в городе, — и распахнуло крылья, чтобы взлететь.

— Погоди, страж, — я протянула руку, но не решилась его коснуться: как знать, не считается ли это за оскорбление. — Что значит «отпустили»? Могли не отпустить?

Существо наклонило голову, в огромных глазах мелькнуло какое-то неясное чувство.

— Восемь из десяти не возвращаются из Храма Памяти, даана. Духи мстительны и забирают с собой виновных.

— То есть, я могла бы погибнуть там? — я ощутила запоздалый испуг.

— Конечно, — и существо, закончив разговор, взлетело. Я проводила взглядом удаляющийся силуэт, чувствуя внутри пустоту, гулкую и неестественную — и к чувству голода отношения не имевшую.

Нет, Камир бы никогда не причинил мне вред, кому угодно другому — да, только не мне. Но если бы навстречу вышел Ренард? Мы ведь не ладили последнее время. Кроме того, он ревновал братьев и родителей ко мне... Или меня к ним?

А если бы вышла Камила Крий?

Хотя...

С запозданием я вспомнила, что так и не поинтересовалась судьбой бывшей любовницы Седда. Если она выжила, то никак не могла оказаться в Храме Памяти.

А кто-то из эль-туань, погибших во чреве желтого червя? Нет, то была случайность, я не желала его появления, в их смерти я не виновата. Вот гибели кадари я хотела, но... я оглянулась на храм. Уверена, Они, кем бы Они ни были, не пустили бы души отступников в место, принадлежащее Властелину. Кадари не было места в храме Памяти, да и в городе ни одного из них я не видела.

Я шла по улицам, с интересом глядя по сторонам. Город как город, только очень чистый, очень нарядный, словно бы специально подготовленный для визита королевской семьи. Не для меня же они так старались? Или здесь всегда так? Булыжники мостовой были уложены ровно, один к одному, и видно, что отшлифованы магией. Фасады домов хвастались друг перед другом яркой покраской и изяществом линий, из внутренних дворов шел аромат цветущей зелени. Похоже, здесь была вовсе не осень, как в Сдвоенном мире, а весна или начало лета. Я припомнила, как высоко стояло днем солнце. Да, явно близки самые долгие летние дни.

В животе совсем не по-королевски забурчало. Ела я почти сутки назад, и еда там была — одно название. Да уж, еще никогда в жизни мне не приходилось заботиться о хлебе насущном, для этого всегда имелись слуги.

Я подумала о том, что в городе не могло не быть постоянных дворов и харчевен, только вот вампиры позабыли дать мне с собой хоть что-то, способное сойти за деньги, а украшений в ночь похищения на мне не было, не привыкла я ложиться спать, увешанная безделушками. Да и какие они были здесь — деньги? Золото и серебро? Более редкие металлы? Или вообще не монеты, а что-то другое? От Лабиринта я готова была ожидать чего угодно.

Свернув на очередную улицу, я с облегчением поняла, что, похоже, нашла искомое. Трактир. Красивое трехэтажное здание с говорящей вывеской: кружка, тарелка с куриной ногой и постель. Такие знаки можно осилить, даже не зная грамоты.

Зайдя внутрь, я огляделась, пытаюсь сообразить, что делать теперь. В зале была занята примерно половина столиков, посетители исправно вкушали, пили и разговаривали. Ко мне, все еще мнущейся у порога, подошел разносчик:

— Что желаете, даана? Отужинать? Переночевать? — как и страж, он использовал язык Сдвоенного мира.

— Поговорить с хозяином, — предложила я свой вариант.

Разносчик, молодой парень, по внешнему виду человек, хмыкнул, оглядел мой скромный наряд и кивнул.

— Идемте, даана, — вежливости в его тоне поубавилось. Похоже, я была не первым посетителем, оказавшимся в этом городе на мели.

Хозяин трактира обнаружился на кухне, инспектирующим работу кухарки. Похоже, совсем недавно этой почтенной женщине устроили разнос.

— Что тебе нужно? — сухо поинтересовался хозяин, поворачиваясь ко мне.

— Я недавно здесь и у меня нет денег, — я сразу перешла к делу. — Мне нужен ужин и ночлег.

— Милостыню не подаю, — отмахнулся тот.

— Я могу отработать, — предложила я неуверенно.

— Да? — еще один взгляд, очень неприятный. — А ты красивая девка. Можешь и отработать.

Скабрзный смысл его слов до меня дошел не сразу. Первые мгновения я пыталась сообразить, какое отношение моя внешность может иметь к заработку ужина, но когда поняла, лицо залила краска гнева. Никто никогда не оскорблял меня так! Этот... человек. Я могла сжечь его на месте, могла превратить в кучу ледяных крошек, могла... но это не дало бы мне ни еды, ни теплой кровати, да еще и привлекло бы внимание стражей.

— Ты меня оскорбил, человек, — мой тон стал ледяным. — Но я сделаю вид, будто ты не произносил последней фразы.

— Да ну, — пузатый мужлан усмехнулся. — Такое нахальство достойно магички.

— Я *владею* магией, — сказала я, изо всех сил сдерживаясь. Трактирщик слегка побледнел.

— Показать? — я зажгла в ладони небольшой огонь и позволила ему стечь вниз, на каменный пол. Языки пламени там, где гореть нечему, должны были впечатлить бездарного. Впечатлили. Человек облизал пересохшие губы, глядя, как растет огонь и тянется в его сторону.

— Любезная даана, я ошибся, очень-очень ошибся, — сказал он торопливо. — Прошу принять мои извинения.

— Как насчет извинений материальных?

— За счет заведения, — пробормотал человек. Уточнять, что именно, я не сочла нужным. Слегка наклонившись, позволила огню

вернуться в меня. Трактирщик теперь показался еще более испуганным. Ну а сейчас—то что?

— У вас в городе так редко появляются маги? — я действительно удивилась. В самом деле, следовало ожидать обратного: уже кто в первую очередь должен странствовать по Лабиринту, так это одаренные.

— Да, даана, редко, очень редко...

* * *

Я уже поднесла ко рту первую ложку принесенного мне супа, когда мне пришла в голову мысль о яде. Я замерла, потом вылила суп назад. Нити и работа со стихиями здесь помочь не могли, для этого требовалась совсем другая ветвь магии, Плетение, и давалась она мне всегда из рук вон плохо.

Плетением называлась долгая и нудная работа с эррэ растений, дело фермеров, садовников и Вкушающих королевские блюда. Последние как раз и проверяли еду на наличие отравы. Меня обучили лишь самому минимуму — как определить около дюжины распространенных ядов — а вот братьев, особенно Камира, на это натаскивали годами. Очень полезное умение: Вкушающими, но многим королям из нашей династии оно в свое время спасло жизнь.

Я сидела, сосредоточенно глядя на остывающую жидкость. Каждый яд требовал индивидуального подхода и собственного Плетения. На столе передо мной стояли суп, кружка с молоком, краюха хлеба, тушеные овощи с мясом и какие-то засахаренные фрукты на десерт; и хотя я проверяла их все одновременно, силы это отнимало мало. А вот времени — много.

Наконец я закончила, но приступить к трапезе все никак не могла решиться, хотя желудок и сводило от голода. Моя проверка по большому счету ничего не значила — кто знает, какие яды или вещества, влияющие на сознание, здесь водились. Я унизила трактирщика, он вполне мог воспользоваться случаем и отомстить. Мне оставалось только корить себя за то, что не задержалась на кухне и лично не проследила за приготовлением пищи.

— Ты, — я поймала за рукав пробегающего мимо разносчика. — Позови хозяина.

Мальчишка молча кивнул и побежал выполнять приказ.

Когда трактирщик вышел вместе со мной из кухни, бледный и подавленный, и подрагивающим голосом велел пареньку принести все, что мне будет угодно, на меня посмотрели с уважением. После первого же похода разносчика на кухню к уважению добавилась откровенная опаска.

— Что угодно даане? — на выпуклом лбе подошедшего трактирщика блестел пот, хотя дневная жара давно спала.

— Раздели со мной трапезу, — велела я, глядя ему в глаза.

— Но, даана, право, я очень занят...

— Раздели со мной трапезу, — повторила я, не отводя взгляда.

Человек сдался, повернулся к разносчику:

— Каруш, принеси-ка мне...

— Пустую тарелку и пустую кружку, — перебила его я. На меня уставились две пары округлившихся от изумления глаз. — Живо!

Мальчишка убежал.

— Ты будешь есть то же, что принесли мне, — сообщила я трактирщику. — Первым.

— Даана, да что вы такое говорите! — Человек дрожащей рукой достал из кармана широкий пятнистый платок и начал вытирать выступившую испарину. — Вы что же, думаете, что я решил вас отравить? Видят боги, даана...

— Если не отравил, бояться тебе нечего, — я пожала плечами. — Видишь, все просто.

— Да как вам такое вообще в голову пришло? — негромко, чтобы не привлекать внимание других посетителей, возмутился трактирщик.

— У меня было сложное детство, — объяснила я человеку. — Просто сделай так, как велю, и я останусь довольна.

Трактирщик получил даже больше половины того, что лежало на моих тарелках: порции здесь были щедрые, а после долгого голода есть много вредно.

— Ты ешь и рассказывай мне о вашем городе, — предложила я человеку.

— С чего начать, даана? — трактирщик выглядел печальным и смирившимся.

— Например, с того, как он вообще оказался в Лабиринте?

— Каком Лабиринте, даана? — не понял человек.

После осторожных расспросов мне удалось выяснить, что, по мнению местных, Город на Перекрестке или просто Город, как они его называли, был заложен младшими богами. Кто такие младшие боги и что собой представляют, трактирщик объяснить не сумел, только неловко мялся и твердил, что об этом следует спрашивать жрецов, а он человек простой.

Жили в Городе не только люди и крылатые существа, которых я уже видела, но и еще некоторые расы, мне незнакомые ни по названиям, ни по описаниям. Кстати, крылатые стражи звались *цеос*, и раса их имела какое-то дивное общественное устройство, вглубь которого я решила не вдаваться. Местные в Храм Памяти, о котором я упомянула трактирщику, не ходили, религиозные службы посещали в храмах обычных. Деньги в обращении тоже были обычные: золото, серебро, медь. Чеканил их местный владетель — какой-то там герцог — живущий в отдалении от Города, но официально являющийся его покровителем и сюзереном.

Я вновь вспомнила карту вампиров — не карта, а сплошное расстройство. Не было там ни Города, ни замка этого герцога, который, оказывается, обитал совсем неподалеку от Садов. Про Сады трактирщик слышал, только назвал их садам Нерид; место это, по его мнению, было нехорошее и даже проклятое. Местные, опять же, туда не ездили.

Выяснилось также, что за пределы города позволялось выходить только гонцам либо в составе купеческих караванов. Город, по сути, был и не город даже, а маленькая страна, почти полностью себя обеспечивающая, в том числе и питанием: две трети Города, с его южной стороны, было отдано под поля и пастбища.

— А если перелезть через стены? — мне стало любопытно.

— Да разве ж через них перелезешь? — изумленный трактирщик посмотрел так, что я поняла: сказала глупость. Ни тайные ходы, ни подкопы, по его мнению, также были невозможны. Удивительно, что это за стены такие?

Трактирщик закончил свою часть трапезы и я, все еще в некотором сомнении, тоже начала есть. То, что еда остыла, меня

волновало мало. Человек приподнялся, порываясь уйти, но я покачала головой.

— Даана, — трактирщик попытался меня образумить. — Помилуйте, целый вечер работники без присмотра!

— Я не все спросила.

— Давайте так, — предложил тот. — Я пришлю к вам своего сына, о городе он знает не меньше моего, а сейчас все равно бездельничает.

Я нахмурилась, потом пожала плечами:

— Хорошо.

Трактирщик вскочил на ноги, заметно обрадованный, направился к кухне, почти у самой ее двери остановил пробежавшего мимо подавальщика и что-то ему сказал. Тот выслушал внимательно, несколько раз кивнул, потом поставил на стойку пустые кружки и пошел ко мне. И это его бездельничающий сын? Парнишка за весь вечер ни разу ни присел. Впрочем, сейчас зале почти опустел, остались заняты только два столика в противоположном углу.

— Даане угодно узнать что-то еще?

— Садись, — я кивнула на стул напротив, где прежде сидел его отец. — Расскажи мне про магов.

— Вы же сами магичка, даана, — неохотно произнес паренек. — Знаете все куда лучше, чем мы.

— Меня интересуют ваши маги, городские, — уточнила я. Сын трактирщика затряс головой:

— В нашем городе маги не живут.

— То есть как? Среди вас вообще нет магов? — при всем желании я не могла представить подобного. — Куда же они делись?

Парень неловко пожал плечами:

— Магам нечего у нас делать, даана, они всегда уходят с первым же караваном.

— Но разве свои у вас не рождаются?

— Нет, даана, — на этот раз он дал ответ с некоторой задержкой, достаточной, чтобы заподозрить во лжи. Только нужно ли мне было распутывать все хитросплетения местной политики?

— Я поживу у вас некоторое время, — поставила я его в известность. — Пока не определюсь, как покинуть город в нужном направлении. Думаю, вам будет интересно мне в этом помочь.

— Да, даана, — со скрытым недовольством ответил паренек. Еще бы, кому нужны нахлебники.

— Я могу что-нибудь сделать для вас — магией, конечно, — предложила я любезно.

— Нет, даана, не нужно! — в этот раз реплика оказалась слишком тороплива. Странно. В моем мире никто из простолюдинов не отказался бы от бесплатных услуг мага.

Глава 8

Комната, которую выделил мне трактирщик, размерами и обстановкой напомнила камеру вампиров. Все отличия: чуть большее по размеру окно да засов с внутренней стороны.

Я закрыла окно изнутри ставнями, заперла дверь, затем выпустила следящие Нити. На душе было беспокойно: трактирщик явно затаил обиду, да еще эти недомолвки про магов...

Вытянувшись на кровати, я продолжала думать о том, что произошло сегодня. Потом перед мысленным взором возник Камир. Ох, братик, был бы ты жив, был бы ты на самом деле жив...

...Из сна меня вырвал странный царапающий звук — словно кошка точила когти о дверь. Я посмотрела на ставни — нет, светлой полосы между ними не появилось, снаружи длилась ночь. Следящая Нить, выпущенная в щель под дверью, подсказала: в коридоре стояли двое. Для более конкретного определения моих умений не хватило.

Одевшись, я подошла к двери. С той стороны затихли, потом, очень тихо, на пределе слышимости донеслось:

— Даана, мне нужно с вами поговорить.

Каруш, сын трактирщика. Я набросила на себя еще пару щитов в добавление к тому, который держала уже сутки.

— Пожалуйста, даана, откройте, — умоляюще повторил парень.

Интересно. На всякий случай я собрала огненные Нити в небольшой шар, отодвинула засов и тут же отступила вглубь комнаты.

На пороге стояло двое, как и сообщила мне Нить: знакомый хмурый мальчишка и незнакомая девчонка, спрятавшаяся за его спиной. От незваной гостьи я видела только пепельного цвета макушку с косой, небрежно уложенной вокруг головы. Паренек держал в руке свечу, тонкое пламя плясало на сквозняке.

— Можно войти, даана?

— Можно. Кого ты привел?

Парень, не отвечая, прошел внутрь, за руку втянув девчонку, и повернулся к двери, чтобы запереть. Потом глубоко вздохнул, словно перед прыжком в воду, и посмотрел мне в глаза:

— Вы спрашивали сегодня про наших урожденных магов. Вот, — он указал на девочку. Я присмотрелась. Та была светловолоса, сероглаза, с тонкими чертами эль-туань, но неожиданно круглолица и... точно. На тонком носике виднелась россыпь веснушек. Неужели полукровка? У эль-туань веснушек не бывает, так же как родинок и бородавок, которые я порой видела у людей и двусущных.

— Я рада, что ты так сильно желал меня просветить, — сказала я. — Но это обязательно было делать среди ночи? Чем тебе не угодило, например, утро?

— Даана, это я виновата, — жалобно проговорила девочка. — Я боялась ждать до утра, вдруг... вдруг что-нибудь случится, и вы уедете. Пожалуйста, даана, пожалуйста, возьмите меня с собой!

— Куда... с собой?

— Куда угодно, — девочка молитвенно сложила руки у груди. — Вас возьмут в следующий караван, даана, пришлых магов всегда берут! Если вы скажете, что я с вами, то меня тоже выпустят. Пожалуйста, пожалуйста! — пухлые губы дрожали, глаза смотрели умоляюще.

— Сядь, — я показала ей на единственный колченогий стул в доставшейся мне комнате. — Сядь, успокойся и расскажи нормально, отчего тебе так потребовалось уехать, и при чем здесь я.

Рассказ девочки — на вид ей было лет четырнадцать — меня даже не удивил. В Лабиринте все оказалось странно и даже дико, отчего бы здесь не существовать городу, где прирожденные маги вынуждены скрывать дар, опасаясь за свою жизнь?

— Если кто-то донесет, приходят серые жрецы, — рассказывала девочка. — Они всегда в масках, никто не знает, как они выглядят на самом деле. Приходят, забирают мага и уводят в свой храм на южной окраине. И все. Больше этих людей никто никогда не видит. Жрецы не признаются, что убивают, но мы-то ведь все понимаем!

— А пришлых магов не трогают?

— Пришлых нельзя, они под защитой Закона, — последнее слово девочка произнесла с таким придыханием, так что даже без расспросов я поняла: Закон этот нарушать никак нельзя. — Пришлым магам запрещено причинять вред. И они всегда быстро уезжают, торопятся по своим делам, никогда не пытаются задержаться, как другие. А еще от магов нельзя принимать дары или сделанные ими магические вещи.

— Ясно... — прекрасный чистый город, так мне приглянувшийся, оказался с двойным дном. — Но отчего *ты* так торопишься уехать? Жила ведь столько лет, и все было нормально.

— Я... — девочка, сама того не замечая, начала так сильно выламывать собственные пальцы, что мне захотелось подойти и прекратить это. — Мне кажется, что за мной скоро придут, что кто-то донес. Я чувствую! Мне так страшно, даана! Пожалуйста, пожалуйста, помогите!

— С тобой понятно. Ну а ты? Тебе какое до этого дело? — я повернулась к молчаливому спутнику девочки.

— Реника — моя двоюродная сестра.

Я кивнула, принимая объяснение.

— Ясно. А теперь расскажите, какая *мне* выгода вам помогать?

Глаза девочки налились слезами:

— Пожалуйста, даана, пожалуйста! Вам же это ничего не будет стоить!

— Подожди, — остановила я ее. — Я хочу услышать, что скажет твой брат.

Девчонку было жалко. Приди Реника ко мне одна и попроси о помощи, я бы не отказала. Но этот ее брат, весь разговор мрачно молчавший, не верил в мое бескорыстие, значит, готов был торговаться, готов был дать что-то за спасение сестры.

Еще один урок моего детства при дворе — если можешь что-то выгадать, выгадай. Сколько помню, и отец, и братья, и другие придворные всегда поступали именно так. Мое положение было сейчас незавидно: без денег, без сменной одежды, не запугай я трактирщика — вовсе бы ночевала на улице...

— Что вам нужно, даана? — мрачно спросил сын трактирщика.

— Что ты можешь предложить? — ответила я встречным вопросом.

— У меня есть сбережения, — он вытащил из кармана небольшой плотный мешочек. — Здесь пятнадцать серциев.

Я развязала матерчатый кошель, высыпала содержимое на ладонь: тусклые, потертые монеты из некачественного серебра, кое-где со срезанными краями.

Как все же смеется судьба: когда-то у меня было все, когда-то я бы побрезговала взять эти блеклые кругляши в руки... А сейчас

вынуждена торговаться за них жизнью незнакомой мне девочки.

Я горько улыбнулась. А ведь мальчишка, наверное, долго копил их, считал своим сокровищем, раздумывал о том, что купит, когда монет наберется достаточно.

— Мне нужна запасная одежда и какое-нибудь оружие, — я вернула монеты в кошель. — Этого хватит?

— Если только выбрать то, что подешевле, — честно ответил парень.

Кивнув, я повернулась к Ренике.

— Я могу взять тебя с собой, но ты подумала, в каком качестве?

Девчонка растерянно захлопала светлыми ресницами. Ясно, так далеко их планы не простирались.

— Ладно, — решила я. — будешь моей горничной. Это достаточно правдоподобно.

— Хорошо, даана, — послушно сказала Реника.

Сын трактирщика ушел и время, оставшееся до утра, мы коротали вдвоем. История Реники оказалась проста и незатейлива, и прекрасно объясняла, почему просил за девочку ее кузен — никого другого у Реники просто не было. Каруш, сын трактирщика, оказался ее последним кровным родственником, причем родство шло по материнской линии. При первом же упоминании самого трактирщика Реника вздрогнула и попросила не выдавать ее присутствие, обещая вести себя тише, чем мышь. Кажется, с неродным дядей она ладила плохо. Отца Реника не помнила, мать умерла около года назад, так что последнее время девочка жила с неродной теткой, которая не знала о ее Даре, поэтому тот приходилось скрывать.

— Это так тяжело, даана, — вздохнула Реника. — Если я его долго не использую, внутри словно мурашки начинают бегать, щекочут, сперва забавно, потом противно. И пока я не сделаю что-нибудь магией, не исчезают.

— Покажи, что умеешь, — предложила я. Реника огляделась по сторонам и остановила взгляд на дубовом столе, задвинутом в самый угол комнаты.

— Вам не будет жалко, если я его немного поломаю? — спросила с хитринкой во взгляде. Девочка оживилась и была, похоже, рада, что может перед кем-то похвастать своей необычностью, а не прятать ее.

— Если только немного. И бесшумно, — согласилась я.

Реника подошла к столу и положила ладонь на бок столешницы, закрыла глаза. Я внимательно следила за тем, что девочка делает: Нити она вызвать смогла, но использовала их странно. Хотя, если учесть, что ее никто не учил, вполне нормально — интуитивно, как маленький ребенок.

— Вот! — Реника убрала руку, и доска там, где лежала ладонь, осыпалась горстью трухи. Словно бы поработал трудолюбивый термит.

— Я у тетки так один старый сундук испортила, — пояснила девочка. — Приходила в чулан и понемногу сбрасывала мурашей. Она, когда увидела, не могла поверить: был такой крепкий, и за год превратился в труху! — Реника громко рассмеялась, потом, опомнившись, зажала рот ладонью.

Я покачала головой:

— Ты очень шумная для обещанной мыши. А не хватится тебя тетка?

— Она думает, я на полях, — махнула девочка рукой. — Там как раз наша очередь подошла.

На мое недоумение пояснила:

— Те, у кого нет своего надела, должны работать на общественном, чтобы потом получить долю урожая. В прошлый раз я отработала больше положенного, меня там и не ждут.

— Удачно совпало.

— Да! — Реника довольно улыбнулась. Все беды были забыты, круглое личико светилось радостью: похоже, что будущая поездка «куда угодно» не внушала ей никаких опасений.

До чего счастливый ребенок.

Глава 9

Почти весь следующий день я провела на местном торжище.

Подумать только, прежде я и не представляла, как выглядит настоящий рынок, со спешащими покупателями и зазывающими продавцами, с яростным обсуждением качеств продаваемого.

Сперва я долго бродила между рядов, наблюдая за тем, как ведут себя люди. Потом попыталась применить полученные знания на практике. Торговаться получилось не очень, все же дело это требовало изрядного навыка, но немного сбросить цену на выбранную одежду и пару ножей — с удобными рукоятками и длинными лезвиями — мне удалось.

В трактире, наученная вчерашним страхом, я зашла на кухню, выбрала приглянувшиеся блюда — с расчетом на двоих — и велела Карушу отнести их в мою комнату.

* * *

Кажется, что не успела я провалиться в сон, как тут же из него вынырнула: кто-то немилосердно колотил в дверь. Подняв голову, я попыталась сообразить, какое сейчас время суток. Щели между ставнями пропускали слабый солнечный свет, уже рассвело.

— Даана, даана! — закричал из коридора Каруш. — Я узнал, что через три часа уходит караван, вы можете к нему присоединиться.

Мы договорились, что Каруш выведет Ренику через черный ход и доставит к месту сбора каравана как раз к тому времени, когда трактирщик, решивший проводить меня сам, уйдет. Сомнительно, что дело было в любезности по отношению к гостье, тем более незваной; скорее, отец Каруша хотел лично убедиться, что в его заведение я не вернусь.

Глава каравана, к которому подвел меня трактирщик, лишь кивнул на слова — «Я магичка». Никакого пиетета перед владеющими Силой этот седой кряжистый мужчина не испытывал.

— Огонь, вода, воздух? — спросил он нетерпеливо, явно желая скорее заняться другими делами.

— Э-э, огонь, — я как-то не сразу поняла, что он интересуется доминирующей стихией.

— Хорошо, если будет нападение, жги трейс, они вспыхивают лучше сухостоя, — распорядился человек, потом ткнул коротким заскорузлым пальцем в сторону предназначенной мне повозки. — Поедешь там.

— А... — я хотела хотя бы узнать, что такое эти «трейс», но мужчина уже начал отворачиваться. На мой непроизнесенный вопрос бросил через плечо:

— Спроси у возницы, он расскажет.

* * *

Возница, седой человек со шрамом через все лицо, как раз объяснял мне и Ренике про трейс, по описанию похожих на очень крупную саранчу, когда в поле зрения впервые появился Ольф. При виде меня взгляд юноши вспыхнул интересом, после чего я обрела верного рыцаря, готового скрасить долгие дни путешествия. Хм, отчего нет? Парень казался умен и пригож собой, он смотрелся бы вполне к месту даже при дворе моего отца. Если бы не был человеком, конечно...

Ольф был старшим приказчиком — и племянником — купца, оставшегося в городе, и во время путешествия должен был приглядывать за товаром и слугами. Приглядывать же за мной он вызвался добровольно и с большим энтузиазмом.

Воочию увидев стены, окружающие город, я поняла удивление трактирщика — такие стены было действительно не перелезть. Гладкие, как лед, но намного более прочные. И выше, чем сторожевые башни, когда-то окружавшие разоренную столицу моей страны.

— Их толщина около пятнадцати футов, — объяснил юноша. — А в глубину они уходят больше, чем на сорок футов.

Я выказала интерес к городским стенам, и Ольф с готовностью принялся рассказывать все, что о них знал.

— А какова их точная глубина?

— Неизвестно, — парень развел руками. — Подкоп в последний раз вырыли как раз на сорок футов, потом надоело, бросили. В таком

виде мы яму и нашли.

— Кто рыл? — удивилась я.

— Дикари из пустыни. Это с противоположной стороны от Города, даана, не бойтесь, — добавил он торопливо. — Там, куда мы направляемся, никаких дикарей нет.

— Понятно, — на самом деле это было не так, но все странности я пока откладывала в дальний угол памяти.

Пробил колокол, ворота открылись, и многочисленные повозки в сопровождении нескольких сотен вооруженных всадников покинули Город–на–Перекрестке. Мне и Ренике было выделено место на одной из повозок, где, аккуратно завернутые, лежали тюки дорогих тканей.

Глава 10

Природа за пределами Города оказалась однообразна: бесконечная равнина, где редкие лесные островки перемежались уходящими вдаль зелеными полями. Как я и предположила, в этот мир лето только пришло, и бутоны цветущих кустарников превращались в пока зеленые и несъедобные ягоды.

Хотя на второй день путешествия я разрешила Ольфу звать себя по имени, мне до сих пор было не по себе, когда он обращался ко мне на «ты» — особенно после той церемонности, что окружала меня при королевском дворе.

— Риэль, взгляни! — он подъехал ближе и протянул мне на ладони горсть каких-то семян.

— Что это? — я не торопилась брать их в руки.

— Кичито. Они очень вкусные, нужно только подержать их на горячих углях.

— Угостишь меня вечером? — улыбнулась я парню.

— Конечно, — просиял тот в ответ.

Подобные подарки я получала постоянно.

Цветы — «Риэль, посмотри, они такие же синие, как твои глаза»; выточенную из дерева птицу — «жаль, что в Городе такие не водятся»; горсть засахаренных орехов, — «их делает моя матушка. Правда, вкусные?».

Ольф казался мне похожим на Мийо, такой же легкий, порывистый, неспособный усидеть на месте. Когда я была ребенком, младший из братьев постоянно таскал мне всякие сладости и подарки. Он рассказывал мне свои тайны — я умела молчать. Наверное, я знала о нем куда больше, чем остальные в семье...

Ольф отъехал — с конца каравана доносились громкие голоса, ему следовало разобраться в очередной проблеме. А я торопливо сморгнула набежавшие слезы. Храм Памяти слишком сильно разбередил старые раны.

Будь рядом Мервин, стало бы легче. Где он был сейчас? На войне с кадари? Выполнял секретные поручения Дакаанта? Может, уже искал меня? Хотелось верить, что последнее. Даже получив от вампиров

клятву Савэто, по определению нерушимую, я не была уверена, что возвращаться безопасно. Не попытаются ли они обойти свое обещание?

Я встряхнулась — следовало отвлечься. Хоть как-то. Достала аккуратный сверток, еще один подарок Ольфа, развернула, рассматривая темно-синюю тунику и черные штаны. Чистая сменная одежда и удобные высокие ботинки для верховой езды. Переодевшись в крытой повозке, я подошла к юноше.

— Олеф, ты обещал дать лошадь, когда я захочу прокатиться.

Олеф привел смирную маленькую лошадку. Седло оказалось непривычной формы, но я приспособилась быстро.

Какое-то время мы ехали бок о бок, но юноша все молчал.

— Что-то не так? — спросила я наконец.

— Риэль, — начал он. — Риэль, я ни разу не интересовался, откуда ты родом. У нас не принято ни о чем спрашивать магов, положено ждать, пока они сами не захотят рассказать...

— Мудро, — согласилась я.

— Но я собираюсь нарушить это правило, — сказал он твердо. — Кто ты? Откуда? Ты ведь не из простой семьи, несмотря на твои...

— Обноски? — подсказала я с готовностью. Он торопливо затряс головой:

— Нет-нет, я хотел сказать — несмотря на твою скромную одежду. Я наблюдал, как ты держишь себя, как говоришь, как двигаешься...

Я пожала плечами:

— Моя семья благородной крови, если ты об этом. И я из другого мира.

— Я так и понял, — Олеф кивнул. — Но почему ты оказалась здесь? Одна? Почти каждую смену сезонов через наш город проходит маг, почти всегда — мужчина, и все они ищут сокровища, расспрашивают, выпытывают. А тебе словно ничего этого и не надо.

— У вас водятся сокровища? — я вскинула брови.

Олеф рассмеялся:

— Нет, но магам трудно в это поверить, — посерьезнел. — Но все же, Риэль, зачем ты пришла к нам?

— Меня заставили, — я поежилась и на всякий случай спросила Олефа: — Ты не знаешь, есть ли из Лабиринта другой выход?

Ответ прозвучал предсказуемо:

— Выход откуда, Риэль? О каком лабиринте ты говоришь?

* * *

На третий день пути вдали появились силуэты высоких холмов, а на четвертый Ольф сообщил, что мы приближаемся к замку местного владетельного лорда, Амира ги-Ринн, того самого герцога, о котором упоминал трактирщик.

Замок правителя стоял на вершине одного из холмов, окруженный крепостной стеной и глубоким рвом, со свободным пространством на три версты, тщательно очищенным от деревьев и кустов.

Наш путь шел в обход замка, по широкому тракту. Я внимательно слушала Ольфа, рассказывающего о плотоядных рыбах, живущих во рве, о том, сколько раз замок пытались взять штурмом, и у скольких это получилось.

— Никому, — с такой гордостью произнес юноша, словно при всех осадах он лично стоял на крепостной стене и отражал атаки. — Никому не удалось.

— Удивительно, — согласилась я, оценивая высоту стен и прикидывая, какой толщины должны быть ворота, не видимые с нашей стороны холма. — Тем более удивительно, что я не вижу на крепости ни одного Плетения или скопления Нитей.

— Не видишь чего? — сбился с мысли Ольф.

— Магии, — пояснила я, не желая вдаваться в подробности. Зря я сказала последнюю фразу вслух — ни к чему дразнить лишнего Дара.

— А вы, в своем мире, укрепляете замки магией? — глаза юноши загорелись интересом.

— Иногда, — ответила я уклончиво, и на всякий случай добавила: — Это работа мужчин. Я не умею.

— Жаль, — с разочарованием вздохнул Ольф.

Приближался закат, наш растянувшийся караван должен был вскоре сойти с дороги. Потом все повозки расставят в два круга, внутренний и внешний, выставят по внешнему периметру стражу, начнут варить ужин. Весьма кстати, я уже проголодалась.

Я посмотрела на восток, где медленно набухала туча. Только бы к вечеру не пролился дождь.

— Ольф, если начнется гроза, нас ведь все равно накормят?

— Гроза? — удивленно переспросил тот. — Риэль, в это время года не бывает гроз.

— А там тогда что? — я показала на тонкую фиолетовую полосу у края горизонта. Пока туча была еще слабо заметна, но через несколько часов вполне могла оказаться над нашими головами.

Ольф несколько мгновений растерянно смотрел туда же, потом вдруг резко сорвался с места и понесся вперед, в голову каравана, где степенно ехало начальство.

— Ги Тесах, — закричал он. — Ги Тесах, с востока летят трейсы!

Люди, все как один, повернулись к фиолетовой полосе на горизонте, а потом, опять же одновременно, начали работу. Все двигались слажено, четко зная свои и чужие обязанности. Никакой суеты и паники, ничего лишнего, словно и не люди даже, а муравьи, единый живой организм, знающий, что надо и как надо. Расставили повозки, натянули над ними сеть из тонкого блестящего материала, выпрягли и согнали вместе лошадей, надели на них какую-то непонятную сбрую. Немногочисленные женщины помогали, потом скрылись в крытых повозках.

А я все также в отдаление сидела на своей кобылке и любовалась происходящим до тех пор, пока ко мне на полном скаку не подлетел Ольф. Ну вот, а он как раз выбился из ритма. Уверена, в общем действе ему тоже была отведена четкая роль.

— Риэль, ты почему все еще здесь? Живо в повозку! — он протянул руку, чтобы ухватиться за повод кобылы и отвести ее к положенному месту. Я мысленно усмехнулась своей аналогии: местные муравьи не бросают своих, даже если свои совсем новенькие и не разбираются в муравьином устройстве. Правильный муравей вернулся за муравьем заблудившимся.

Я легонько подтолкнула лошадь, позволяя ей идти туда, куда тянул Ольф. Заметив нас, ги Тесах, начальник каравана, прекратил что-то втолковывать двум охранникам и всей своей массой развернулся в мою сторону.

— Даана Риэль, — обратился он ко мне со всей официальностью. — Вы среди нас единственный маг. С какой позиции вам будет удобнее

жечь трейс?

Я огляделась.

— Думаю, за пределами защитного полога, иначе я могу его повредить, — предложила первый вариант, пришедший мне в голову. — Но достаточно близко, чтобы я успела укрыться, когда истрочу резерв.

Ги Тесах кивнул:

— Тогда с восточной стороны от полога, — потом перевел взгляд на Ольфа, с мрачным видом слушающего нашу беседу. — Поручаю тебе защищать даану.

— Будь ты хоть трижды магичкой, но во время битвы женщина должна сидеть в безопасном месте, только мужчина должен сражаться, — недовольно пробормотал Ольф и со злостью посмотрел вслед уходящему человеку. Я опустила взгляд, с трудом удерживаясь от улыбки. Если бы я рассмеялась сейчас в ответ на это негодование, Ольф не понял бы меня, обиделся. Юноша верил, что женщина априори слаба и беспомощна, и что с того, что, призвав любую из четырех стихий, я могла бы уничтожить половину этого лагеря? Пусть верит. Когда тебя готовы защищать — это приятно.

Туча двигалась куда быстрее, чем было положено обыкновенной, наполненной дождем. Приближалась, растягивалась на все небо и отвратительно стрекотала сотнями тысяч надкрыльев, шелестящих о покрытые хитином тела. Я подняла руки, готовясь вбросить в приготовленное заранее Плетение последнюю Нить. Вот трейс приблизится еще немного, и... Огонь вспыхнул небесной дугой, прожигая брешь в их ровном движении, и несколько тысяч насекомых упали на землю пеплом. Остальные слажено разлетелись в стороны, огибая опасное место. Я мысленно кивнула: Ольф рассказывал мне, что именно так они себя и поведут. Пока все шло по плану.

Еще две дуги обняли небо по бокам, жирная черная сажа посыпалась на землю, удобряя почву. Изрядно поредевшая стая зависла в воздухе, не решаясь приближаться. Еще один выброс Силы, еще один заблаговременно приготовленный огненный щит, и трейс повернут назад. Я чувствовала это — три огненных удара смутили псевдоразумный рой, трейс испугались. Вот и четвертый. И... ничего. Хотя нет, не так, — вместо отступления пошла перегруппировка, рой поднялся выше, но продолжал двигаться вперед.

— Ольф! — я обернулась к юноше, который зачарованно стоял, запрокинув голову, глядя, как последние разряды Силы дожигают не успевших увернуться трейс. Погибли десятки тысяч тварей, но и осталось не меньше. — Ольф, ими кто-то руководит со стороны! Кто-то сильнее меня. Они боятся, но все равно летят.

Юноша посмотрел на меня непонимающе, словно не узнавая, в глазах благоговение перемешалось с отчетливой опаской. Потом мои слова дошли до его сознания, и он вздрогнул.

— Ты уверена?

— Да. Иначе бы они уже повернули.

— Значит, отступники, — пробормотал Ольф, потом добавил несколько богохульств, которые я предпочла не услышать.

— Мой резерв почти исчерпан, — сказала я ему. — Мы должны вернуться под защиту полога.

Ольф торопливо кивнул, и мы побежали к кругу повозок. Про исчерпанный резерв я преувеличила: Силы у меня осталось немало. Немало, но недостаточно, чтобы уничтожить всех трейс, а оставаться беззащитной в чужой земле я не собиралась.

До того, как первые насекомые роя окажутся прямо над нашими головами, оставалось еще несколько минут. Мы проскользнули внутрь защищенного пространства, Ольф огляделся, выискивая взглядом ги Тесаха, и торопливо подошел к нему. Я шла следом.

— Риэль считает, что трейс управляют на расстоянии, — выпалил юноша. Ги Тесах бросил на меня цепкий взгляд, я согласно кивнула:

— Они не хотели лететь, но и развернуться не могли.

— Это отступники, больше некому, — сказал Ольф. Ги Тесах помрачнел, потом обратился ко мне:

— Благодарю за помощь, даана, вы хорошо их проредили, — и, посчитав разговор исчерпанным, оставил нас.

— Кто такие отступники? — потребовала я у Ольфа. Врагов, особенно преуспевших в магии, следует знать. Первый закон выживания.

— Риэль, это долгая история, — поморщился он. — Мне нужно быть на месте. Потом, ладно?

— Будешь должен, — предупредила я.

— Да, конечно, — Ольф поспешно кивнул.

Я наблюдала, как стражники в защитных накидках и со странным, ни на что не похожим оружием в руках, вышли за пределы полога. Вооружение их выглядело как длинные тонкие трубы из темного металла, покрытые крупной резьбой и многочисленными заклепками. Ни у кого в руках во время путешествия этих труб я не видела. Должно быть, особое оружие, специально для трейс. Впрочем, с мечами и луками против летающих насекомых они бы много не навоевали.

Я отошла к крытым повозкам, но не стала прятаться внутри: то, что происходило вокруг, было намного интереснее.

— Даана Риэль, старшая даана говорит...

Стрекот стал оглушительным, в нем потерялись все слова Реники. Девочка испуганно посмотрела вверх, где от многочисленных серых тел уже почти не было видно неба, и жестами попыталась убедить меня идти с ней. Я отрицательно покачала головой и также жестом предложила ей прятаться самой. Девочка прикусила губу и наморщила брови, не зная, что делать. И тут на полог начали садиться первые трейс. Это решило дело: Реника съежилась, словно пытаясь стать меньше ростом, и бегом вернулась к повозке.

Когда я жгла трейс, расстояние не позволяло разглядеть детали, теперь же объектов для моей любознательности оказалось не счесть: по пологу ползали уже сотни крупных серых существ. Очень крупных, с размерами, больше подходящими не насекомым, а ящерицам: длинные тонкие тела, голова саранчи, но с куда более мощными челюстями, членистые ноги и мощные крылья. В среднем, длиной они были с мою ладонь.

Ольф объяснял, что трейс не являются настоящей саранчой, хотя и похожи: трейс всеядны, им недостаточно плодов и листьев. Такой вот рой был вполне способен опустошить целое человеческое поселение, оставив от домов лишь труху, а от людей и животных — чисто выбеленные кости. Или сделать то же самое с нашим караваном.

Вспышка, потом еще одна, потом еще. Ага, вот и разгадка странного оружия охранников: эти их длинные трубки выпускали струи пламени. С места, где я стояла, было прекрасно видно двоих воинов: огонь вылетал на расстояние до пятнадцати шагов, но стреляющий мог регулировать длину языка пламени, передвигая заклепки. Интересные артефакты. Для эль-туань не более чем забавные игрушки, но для людей, не имеющих Дара, великолепное

оружие. При условии, конечно, что сражались они с такими же не-магами.

Трейс между тем продолжали подтверждать мою теорию о том, что роем управлял кто-то разумный: движения насекомых были слажены и отработаны не менее, чем у людей. Я увидела и обходные маневры, и ложные, для отвода глаз, нападения, и попытку отрезать одного из стражников от остальных и задавить количеством. А еще я увидела, что идея подпустить трейс слишком близко — глупа, и наказывается в лучшем случае шрамом. Челюсти существ не велики, но вполне способны отхватить кусок мяса или фалангу пальца. У одного стражников уже не хватало кончика уха, а также половины волос: выстрел его соседа не только спалил нахального трейс, но и лишил человека шевелюры.

Постепенно рой уменьшился: над нашими головами вилась уже не сплошная туча, а отдельные серые хлопья. А потом, ведомые неслышной командой, все трейс, и облепившие полог, и атакующие людей, поднялись в воздух и полетели прочь. О том, что было, напоминало лишь поле вокруг, усыпанное черным пеплом и частями мертвых трейс. Если мои огненные Нити сжигали насекомых полностью, то оружие людей такой мощностью не обладало.

— Ты тут все время стояла? — раздался рядом недовольный голос. Я обернулась. Ольф, чумазый и мокрый от пота, сердито смотрел на меня.

— Я рада, что ты цел, — сказала я, улыбаясь.

— Риэль, почему ты не спряталась в повозке? — спросил он, не отвечая на мою улыбку.

— Мне было интересно.

— Твой интерес стоит того, чтобы рисковать жизнью?!

— Я же была под пологом, — попыталась я его успокоить.

— Да ну, а я и не заметил! — он схватил меня за руку и куда-то потащил. Ага, здесь полог уже начали сворачивать. И что?

— Смотри! — он ткнул в прозрачную ткань, прошитую мелкой металлической сетью. — Внимательней смотри!

Я нахмурилась, потом пожала плечами. Ткань как ткань.

— Вот! — он показал на небольшое отверстие. — Вот еще одно, и еще. Или ты думаешь, трейс просто так по пологу ползали?

— Они его грызли? — удивилась я вслух. Этого я не заметила.

— Нет, трейс выделяют кислоту, а она постепенно разъедает даже самый плотный материал. Прodelай они хотя бы одну дыру подходящего размера, попали бы внутрь и первым делом перекусили тобой! Поняла теперь?

— А повозки? Разве там безопаснее?

— Они покрыты таким пологом в два слоя. Это хорошая защита.
— Ольф глубоко вдохнул и медленно выдохнул, пытаясь успокоиться. Видно было, что ему хотелось сказать мне еще много чего «ласкового», но юноша сдержался.

— Прости, я была не права, — сказал я умиротворяюще. — Я не знала, что находиться просто под пологом может быть опасно.

Ольф все еще сердито посмотрел на меня, потом дергано кивнул.

Глава 11

Ги Тесах приказал запрягать лошадей, и мы продолжили путь, хотя до заката остались считанные часы.

— Что происходит, Ольф?

— Начальник думает, что нападение повторится, — ответил тот, хмурясь.

Вот как...

— Отступники, — я напомнила Ольфу данное им обещание. — Расскажи о них.

Ольф тяжело вздохнул и огляделся по сторонам, явно надеясь, что кому-то что-то от него понадобится.

— Ольф, не тяни.

— Они были, как мы, — начал он с неохотой. — Нашей крови. Но потом поддались искушению и ушли. И стали... — пауза, очень долгая. — Стали отступниками.

Он решил, будто мне хватит этого жалкого огрызка настоящей истории?

— Кто такие «мы»? — задала я первый вопрос. Ольф вздрогнул, явно ожидая другого. Потом взгляд юноши ушел в сторону.

— Не лги мне, — предупредила я тихо. — Или нашей дружбе конец.

Ольф прикусил губу, потом бросил на меня быстрый взгляд:

— Люди называют нас оборотнями.

И всего-то?

— Кем ты оборачиваешься?

— Волком.

Улыбнувшись, я повторила фразу Мервина:

— Волки — самая вменяемая раса среди двусущных.

— Откуда ты знаешь наше истинное название? — Ольф выглядел одновременно встревоженным и польщенным.

— Я жила некоторое время в волчьем клане.

Ольф облегченно вздохнул и выпрямился с таким видом, словно с его плеч упала гора.

Дальнейшую историю отступников Ольф рассказал легко. Похоже, именно факт собственного оборотничества его так смущал.

Его предки появились в Городе несколько веков назад, пришли и остались. О своей родине Волки рассказали только то, что там шла страшная война, и они бежали, спасая семьи. Сведения о том, где находилась эта родина, что за жизнь они вели прежде, первые Волки унесли с собой в могилы. Пришедших Волков было мало, но потомки смешанных браков с людьми обычно наследовали двойную суть. Община Волков увеличивалась, и однажды, примерно полтора века назад, в ней выделилась особая группа оборотней, уверенных в том, что только они знают, *как* нужно жить. Постепенно напряжение внутри общины росло, пока не вылилось в кровавое столкновение. Отступники — именно тогда они получили это имя — оказались в меньшинстве и ушли, обосновались в южных степях и начали вредить уже оттуда. Вот как сегодня.

— Возможно, они договорились с теми дикарями, которые рыли подкоп под Город, — предположила я, но Ольф покачал головой:

— Дикари живут с противоположной стороны от Города, с отступниками им не пересечься.

— Как это? Не так уж велик ваш город, чтобы нельзя было обойти.

— Вышедшие из разных ворот Города никогда не встретятся, — возразил он. — Это невозможно.

— Но почему?

Ольф пожал плечами:

— Откуда мне знать? Жрецы говорят, что так установили младшие боги. И вернуться в город можно только через те ворота, через которые вышел.

— Город—на—Перекрестке, — проговорила я задумчиво. — Может ли быть так, что каждые ворота — это Врата? И на самом деле мы уже несколько дней едем по другому миру? Но тогда почему не было пересечения Бездны? Ведь иначе в другой мир попасть невозможно.

Ольф сосредоточенно нахмурился, слушая мои рассуждения.

— Не забивай голову, — я виновато улыбнулась. Опять забыла, что он не—маг.

— Мне интересно, — возразил он, потом усмехнулся. — Где еще такое услышишь? Не от жрецов точно.

— Я говорю ересь?

Не хотелось бы получить неприятности из-за своего длинного языка.

— Понятия не имею, — легкомысленно отозвался Ольф, но на мое недовольство тут же добавил: — Риэль, не беспокойся! О том, что я услышал от тебя, никому не скажу ни слова. Да даже если и ересь — маги неприкосновенны. Разве что ты сожжешь наш главный храм со всеми служителями и заявишь об этом на центральной площади... — он лукаво улыбнулся.

— Почему у вас неприкосновенны только чужие маги? — решила я задать давно интересующий меня вопрос. — Почему за вашими собственными охотятся жрецы?

Ольф помрачнел и снова пожал плечами:

— Простым смертным они не докладывают. И отступники, если честно, в основном из-за этого ушли.

— Они владели магией? — спросила я, и добавила, видя, как он недовольно морщится: — Вам запрещено об этом говорить?

— Это не тайна, — Ольф небрежно махнул рукой. — Все в городе прекрасно знают историю отступников. Просто неприятно.

— Но зачем они насылают на вас трейс? Какой в этом смысл?

— Трейс не едят металл, так что оружие и золото достанутся хозяевам этих тварей.

— Сильно они вас ненавидят, — я постаралась выбросить из головы картину, вызванную его словами: белеющие кости людей и животных, сожранных еще живыми, лохмотья защитного полога, лежащие рядом с костями, и мародеры, живые, довольные, весело перебрасываются шутками, складывают добычу, не обращая внимания на мертвые останки.

Мерзко.

— Отступники, — пробормотал Ольф. — Что б они в следующем воплощении в трейс переродились!

— В караване все Волки? — я обвела взглядом окружающих. Они не походили на двусущных клана Алатос, но что-то общее все же проскальзывало — в пластике движений, в спокойных взглядах, в зверином отсутствии страха перед смертью.

— Да, все.

Через три часа после заката мы, наконец, оказались на месте. Старое каменное строение, изрядно покосившееся на одну сторону, со сторожевой башней, остатками крепостной стены длиной шагов в сто, глубоким рвом перед стеной.

Из повозки выбралась Реника. Бледная, глаза испуганные. Я улыбнулась ей ободряюще, соскочила с лошади, и Реника тут же подбежала ко мне, обняла, прижалась лицом к груди:

— Мы ведь не погибнем? — прошептала. — Ведь правда?

— Постараемся выжить, — я погладила ее по пушистым волосам. — Обязательно.

Все повозки и люди тем временем уже въехали внутрь двора. К проему подошел ги Тесах, достал какой-то предмет, практически полностью скрытый в его массивной ладони, и сделал несколько жестов. Движения напоминали классический призыв к стихии Воздуха, но искаженный в нескольких местах. Да и начальник каравана, как мне показалось, не очень понимал, что именно делает, просто повторял когда-то заученные движения. Но и этого оказалось достаточно: из предмета вырвались яркие золотистые лучи и заполнили сиянием и проем, и небо над головами.

— Теперь можем спать спокойно, — сказал Ольф. — Через эту защиту трейс не пробьются.

— А там, раньше, он ее поставить не мог?

Юноша покачал головой:

— Она действует только на природном камне, где заранее проводились необходимые ритуалы. Эта крепость много раз зачаровывалась.

— Занятно, — мне бы хотелось посмотреть на артефакт, который работает в руках лишеного Дара, но любопытство оказалось не настолько сильным, чтобы ради него предпринимать что-то. Честно сказать, я просто устала. Пусть я вычерпала далеко не весь свой резерв, но на магическое истощение наложилось на физическое. Я не ощущала даже голода, только желание лечь на что-то мягкое и закрыть глаза. Поэтому следующие слова Ольфа так меня удивили:

— Ты очень выносливая. Как настоящая Волчица.

— Я?

— Целые дни в седле, грубая пища, палящее солнце, никаких удобств — и ты ни разу не пожаловалась. Ты ведь человек, да еще из

благородных. Я видел таких барышень в Городе — они хрупкие и изнеженные. Ты — другая.

— Это плохо?

— Это замечательно, — Ольф смущенно улыбнулся.

Я пожала плечами.

— Меня хорошо учили.

— Быть воином? — удивился он.

— Нет, что ты, — я засмеялась. — Но, боюсь, отец не понял бы, не умей его дочь держаться в седле или падай она в обморок от короткой прогулки под солнцем.

Глава 12

И эта ночь, и следующие два дня прошли спокойно. Возможно, хозяева трейс махнули на наш караван рукой. Дорога неспешно стелилась под копыта лошадей, тягучие рассказы о былях и небылях скрашивали путь. Я слушала с интересом, но на предложение поведать о чем-нибудь отговаривалась неспособностью. А потом вдалеке, как призрачный силуэт слишком правильной горы, мы увидели город. Вернее, не сам город, а купол над ним, — огромный, переливающийся под солнечными лучами, сотворенный магией. Даже отсюда, на расстоянии почти в день пути, я почувствовала токи Силы, струящиеся по его поверхности. Город наверняка построили на Источнике, — ничему иному не под силу поддерживать в рабочем состоянии такую машину. Разве что сотня магов тратила бы весь свой резерв на его подпитку.

— Ольф, расскажи еще об этом городе, — попросила друга. Кое-что я уже знала. Например, то, что этот город носил имя Хиресс, что жило там примерно столько же обитателей, сколько и в Городе-на-Перекрестке, но магов там не преследовали, а, напротив, уважали и почитали. У Хиресса не было ни уникальных ворот, ведущих в разные пространства, ни храмов, где проводили службы младшим богам. В Хирессе поклонялись богу, которого называли Солнцеликим. Властелина там тоже почитали, но больше по привычке.

— Город как город, — юноша пожал плечами. — Хотя в нем запрещено жить двусущным. Мы можем находиться на территории Хиресса не дольше шести дней

— Отчего так?

— Какие-то религиозные запреты. Впрочем, так даже к лучшему — иначе отступники устроили бы там свою базу, — Ольф замолк, потом неожиданно хлопнул себя по лбу. — Я чуть не забыл сказать о самом важном! У хиресцев странное отношение к женщинам. К нашим Волчицам они не цепляются, но если поймут, что ты и Реника люди, могут быть неприятности.

— Какие?

— Видишь ли, — Ольф замялся, ему явно было неловко, — местные считают, что у каждой женщины должен быть хозяин.

— Что?

— Женщинам там запрещено владеть имуществом, — объяснил Ольф. — На улицу они выходят только в сопровождении мужчин. Женщина не должна поднимать взгляда на чужого человека, не должна первой заговаривать...

— Дикость какая, — меня передернуло. — И что, маги там только мужчины?

— Да.

— А что они делают с девочками, рожденными с Даром?

— Не знаю. Может, такие у них не появляются.

А я-то надеялась оставить в Хирессе Ренику. Теперь получалось, что это место станет для нее худшей ловушкой, чем родной город.

— Тебе нужно быть осторожнее. Если захочешь куда-то сходить, всегда зови меня. В крайнем случае, кого-то из ребят.

— Хорошо, — мне совсем не хотелось бродить по месту, где царит такая несправедливость. Не хотелось даже приближаться к нему. И сияющий на солнце купол не вызывал больше ни интереса, ни восхищения. Вот только с одной стороны от Хиресса находились Сады Нерид, а с другой — сокровищница с нужными мне предметами.

В который уже раз я пожелала составителям вампирской карты если не скончаться в муках, то хотя бы как следует пострадать. Ну как и где мне искать эти предметы? Действительно ли пустое место между Садами и сокровищницей — это сам город, как я решила? Возможно, это что-то другое? Неотмеченное озеро, например, или небольшая пустыня? Гадать можно было бесконечно, и, в конце концов, я решилась.

Мы с Олфов ехали сейчас в самом хвосте каравана, значительно отстав от последней повозки, чтобы поднятая пыль улеглась, а не осела на нашей одежде и лицах. И чтобы никто не прислушивался к нашему разговору.

— Ольф, мне нужна твоя помощь.

— Конечно, Риэль, — он кивнул.

Достав из внутреннего кармана рисунок нужных предметов, я протянула ему:

— Видел когда-нибудь подобное?

Ольф взял лист, расправил на колене. Потом пожал плечами:

— Нет. Что это?

— То, зачем я сюда пришла, — вздохнув, я забрала рисунки.

— Для чего они нужны?

— Не представляю, — разговаривая, мы перестали следить за конями, и те, лентясь, еле передвигали ногами, каравана впереди почти не было видно.

— Но если ты этого не знаешь, зачем их ищешь?

— Если вернусь без этих предметов, меня убьют.

— Кто? — Ольф напрягся.

— Эль-руавви, — ответила я, но юноша смотрел непонимающе.

— Вампиры, — попробовала я другой вариант.

Ольф нахмурился:

— Ты говоришь о сказочных существах, которые по ночам влетают в открытые окна и пьют человеческую кровь?

— Что?! — я, не удержавшись, рассмеялась. — С каких это пор они стали сказочными, да еще летающими? Или ты перепутал их с комарами?

Но Ольф не засмеялся:

— Но кровь они действительно пьют?

— Пьют, — согласилась я. — Но не человеческую, а кровь животных. Человеческая — это деликатес только для благородных, поскольку стоит очень дорого.

— Ты так спокойно об этом говоришь, — Ольфа передернуло.

— А что прикажешь делать? — вампиры являлись нашими рабами в течение многих веков, и, естественно, особенности их питания для меня новостью не были. Впрочем, вплотную ни с одним меченым, и, уж тем более, диким вампиром, до своего похищения я не общалась. Даже выращенные в питомниках, вампиры считались опасны, и отец не желал подвергать риску детей, держа проклятых при дворе. Я видела их лишь издали, слышала истории от придворных да встречала упоминания в книгах.

— Дело в том, — пояснила я для Ольфа, — что когда-то эль-руавви являлись обычными людьми. Во время Битвы Богов этот народ выступил против Властелина и был за это проклят Жаждой. Тогда-то эль-руавви и стали вампирами. Но летать они точно не умеют.

— Утешает, — пробормотал Ольф. — Но я бы предпочел, чтобы они так и остались детской страшилкой.

— У вас ими пугают детей?

— Да, — он кивнул. — Если не будешь слушаться, то прилетит злой вампир и выпьет досуха. Даже есть такая колыбельная, только я слов не помню.

— Какой творческий подход к воспитанию! — восхитилась я. — А дети зайками не вырастают?

— С чего бы? — Ольф хмыкнул. — Наши волчата не из трусливых.

Какое-то время мы ехали молча. Я разглядывала облака, складывающиеся в удивительные картины, Ольф молчал и сосредоточенно хмурился, глядя прямо перед собой.

— О чем задумался? — я первой разбила молчание.

Юноша вскинул голову.

— Пытаюсь понять, — сказал он медленно, — какие еще из наших детских сказок и не сказки вовсе.

— Например?

— Например, о драконах. Матушка любила рассказывать нам их на ночь. Много сказок о мудром драконе, который всегда помогает попавшим в беду волчатам. Но перед тем нужно доказать, что ты достоин его внимания и помощи. Драконы тоже существуют, Риэль? Там, в твоём мире?

Я кивнула. Еще как существуют.

— Такие же мудрые и справедливые, как в наших легендах? — продолжил допытываться Ольф. — Такие же прекрасные и могущественные?

Надо было что-то ответить, двусущный сверлил меня испытующим взглядом, но все слова куда-то пропали.

— Не знаю, — с трудом выдавила я. — Наверное, такие же могущественные, как и в ваших историях.

— А остальное? Матушка говорила нам, что ни один правитель не может быть лучше дракона. Дракона нельзя подкупить или запугать, он не поддастся на лесть и лживые уговоры, он умеет читать в сердце и видеть истину.

— Не знаю, — повторила я, отворачиваясь от Ольфа.

Справедливый дракон уничтожил мою семью, но оставил жизнь мне, самой бесполезной и беспомощной. Мудрый дракон ищет способ защитить мой мир от нашествия кадары. Я видела прекрасного дракона однажды в жизни, в небесах над королевским замком, обращенным в руины, — и это был самый страшный день в моей жизни. Сказки не ввали, но и не говорили правды, потому что правда у каждого своя.

Я знала, что не пойду против Дракона, что не буду обвинять его ни в чем, он для меня — словно ураган, свирепый и необузданный. Глупо винить море за разбитый в щепки корабль, но и славить тоже глупо. Так и Дракон — просто стихия, часть реальности, созданная Властелином. Так легче жить и проще принять потери. Не нужно мечтать о мести или прощать, потому что стихии не мстят и ее не прощают. С ее существованием просто смиряются.

— Я тебя расстроил? — после паузы спросил Ольф. В ответ я пожала плечами:

— Если ты когда-нибудь выйдешь во внешний мир, если тебе доведется своими глазами увидеть Дракона и поговорить с ним, тогда ты сам решишь, похож ли он на ваши предания. Я ответить не сумею.

— Мне кажется, как раз тебе доводилось встречаться с драконом, — Ольф покачал головой. — И еще мне кажется, что для тебя это куда больше, чем просто история.

— Я не хочу об этом вспоминать, — я постаралась смягчить резкий тон, но поняла, что это не получилось.

Ольф с неохотой кивнул. Похоже, мысль о драконе теперь долго не будет давать ему покоя. Пусть. Да, пусть. Меня он расстроил, пусть теперь сам помучается.

Я отвернулась от Ольфа, желая выкинуть из головы прежний разговор и сосредоточиться на чем-то более приятном, и краем глаза заметила движение. Развернулась всем корпусом — так и есть, за нашими спинами, еще достаточно далеко, клубилась пыль. И отчего-то мне показалось, что не стоит ждать, когда ее источник приблизится.

— Ольф, оглянись!

Он сделал, как я попросила, и побледнел.

— Это отступники! Скорее к каравану!

Прямо мои мысли.

— Это не могут быть люди ги-Ринна?

— Нет!

Я еще раз оглянулась и в этот раз различила в клубах пыли очертания преследователей. Нечто, напомилавшее ящериц-переростков, бегущих на задних лапах. И скорость их была выше, чем у наших лошадей. На серых телах отчетливо виднелись нагрудные ремни, на мощных мордах — уздечки, больше похожие на намордники. И на каждом чешуйчатом скакуне — всадник.

Что я могла использовать из своего магического арсенала? Резерв у меня был не бездонный, значит, бить следовало наверняка. Огонь? Пока он преодолеет расстояние до преследователей, потеряет большую часть своей мощи. Со стихией Земли у меня всегда было неважно, да и волшба с ней небыстрая. Вода? Воздух? Холод? Я снова обернулась, примериваясь...

— Риэль, не магичь!

— Почему?

— На отступниках всегда щиты, прямая атака не сработает! Они все маги!

Проглотив проклятие, я плотнее прижалась к шее лошади. Там, за спиной, около десятка магов неизвестного уровня Силы. А здесь я — не овладевшая даже стандартным уровнем стихийной магии.

Рискнуть использовать рунную магию? Интересно, твари из Бездны, притянутые рунами, были способны явиться сюда, в Лабиринт, построенный на извращении известных мне законов? И если да, то смогла бы я, без помощи Духа, усмирить их?

В караване заметили как наше бегство, так и преследователей. Все мужчины держали в руках знакомое огненное оружие. Достаточная ли это защита от магов?

Я вновь обернулась: ящеры замедлились и начали расходиться цепью, с двух сторон по широкой дуге огибая неуклюжий караван, растянувшийся по дороге не на одну сотню шагов; только один отступник остался на дороге, но перешел с галопа на легкую рысь.

Ги-Тесах, пеший, что-то торопливо говорил мрачным оборотням. Я подъехала к нему, наклонилась с седла:

— Для какой магии они уязвимы?

— Я не маг, — ответил он резко. — Не знаю.

— Они владеют только традиционными стихиями? Как насчет Холода? Вы должны знать о них хоть что-то!

— Не слышал ничего о Холоде, — буркнул тот и продолжил что-то втолковывать своим подчиненным. Я обернулась к Ольфу, который уже спешился:

— Что теперь будет?

— Не знаю, — он был также мрачен, как и остальные. — От десяти магов нам не отбиться. В первый раз такое: обычно они посылали трейс, а сами следили издали. Отступники не любят рисковать.

— И что теперь будет?

— Ясно что, мужчин перебьют, женщин постараются захватить живыми.

— Отступники промышляют работорговлей?

— Чем они только не промышляют.

Еще одна встреча с тварями Бездны показалась мне куда более приятной перспективой, чем такое будущее. Я прекрасно представляла, что может ждать рабыню, особенно молодую и красивую. Десяти магов вполне хватило бы, чтобы заблокировать мою Силу, а без нее я была также незащитна, как Реника.

— Мне нужно время, — подбежав к ближайшей повозки, где были сложены ткани, я вытряхнула из мешка полотно. Красное, не то. Еще одно. И еще. Только на четвертый раз удалось достать белое. Хозяин повозки все это время стоял неподалеку и молча наблюдал за моими действиями.

Раскатив ткань по земле, я вытащила купленный в Городе клинок и, глубоко вздохнув, разрешила себе вену на левой руке. Крови было нужно много, и крови своей. Наложение каждой руны имело собственные правила, перепутаешь — получишь пшик.

Широкими движениями я нанесла рисунок на ткань. Точность сейчас была не важна, только намерение и сила крови, заключенная в грубых штрихах. Краем глаза заметила яркую вспышку: кто-то из охранников воспользовался огненным оружием. Послышался рев разъяренного зверя... Обернуться, посмотреть, что там происходит? Нет времени. Если я не успею закончить руны, нам мало что поможет.

Я ненадолго расслабилась, и порез закрылся, кровь перестала течь. Пришлось воспользоваться ножом во второй раз. Еще три черты, две, почти готово...

В воздухе вокруг разлилось бледное сияние, словно бы заиграли тысячи маленьких радуг. Мне не нужно было вглядываться, чтобы понять — это смешение Нитей Воды и Воздуха в таком мастерском исполнении, какое мне и не снилось. А еще эти Нити Воздуха несли в себе нечто враждебное. Яд? Снотворное зелье? Затаив дыхание, чтобы не вдохнуть это нечто, рассеянное в воздухе, я последним штрихом закончила руну. Через пару минут она подействует.

Зажав неповрежденной рукой нос и рот, я огляделась по сторонам. Несколько стражников уже лежали на земле, кто-то, как и я, понял что происходит и пытался не дышать.

Земля под ногами сильно вздрогнула, потом еще раз. Послышались испуганные крики, к которым примешался звериный рев — должно быть, ящеров. Не дышать становилось все труднее, разлитое в воздухе сияние бледнело. Всего один маленький вдох...

Перед глазами почернело, и больше я ничего не видела и не ощущала.

Часть 3

Глава 1

Когда я вновь открыла глаза, то увидела вовсе не потрепанный верх повозки, на который привыкла смотреть, просыпаясь, а колыхающуюся вязь балдахина. Знакомое ажурное плетение, где шелковые нити искусно соединялись с Нитями Силы всех четырех стихий.

За окном негромко пели птицы — да уж, просыпаться под нежные трели куда приятнее, чем под громогласные распоряжения ги Тесаха... Ги Тесах? Странное имя. Кто он вообще такой? И что еще за повозка?

Сморгнув остатки сна, я приподнялась на локте. Мервин уже закончил одеваться, только держал в руке обувь. Я посмотрела на него, ощущая странную неправильность происходящего.

— Эй, — спросила негромко. — Куда это ты собрался?

Развернувшись ко мне, он виновато улыбнулся:

— Дела. Прости, не хотел тебя будить. Ты поздно легла, Райша, постарайся поспать еще, — подойдя ближе, наклонился и легко поцеловал в губы.

— Подожди, — я выползла из-под тяжелого одеяла и поежилась от утренней прохлады. Потом, опомнившись, накинула согревающие плетения. — Подожди. Ты не сказал, что у тебя за дела.

— Потом, — Мервин торопливо натянул обувь. — Все-все расскажу, только потом. Милая, если я опять опоздаю на совещание, твой отец действительно разозлится, оставит нас здесь на все лето, как грозился, и не посмотрит на то, что я его любимый зять.

— Ты его единственный зять, — возразила я машинально и обняла на прощание. Проводив взглядом высокую фигуру мужа, подошла к окну и распахнула тяжелые створки. Внутрь ворвался воздух, пропитанный цветочными ароматами и росяной влагой. Сонный туман в голове понемногу начал развеиваться, но гнетущее чувство, что что-то серьезно не так, стало сильнее.

Когда я, умытая, причесанная и одетая, вышла из покоев, дворец показался мне спящим. Мервин был прав — еще действительно недопустимо рано. Но это для дворян рано, а вот прислуга хлопотала вовсю, да и стражники провожали меня совсем не сонными взглядами.

Во внутреннем дворе, в беседке, где я планировала размышлять над собственными непонятными ощущениями, наткнулась на компанию.

— Ренард! Что ты тут делаешь? — я смутно припомнила — похоже, мой мозг никак не мог до конца проснуться — что Ренард последние полгода провел в Островной Империи, в гостях у кузена Тора. Когда он успел вернуться?

Мой второй по старшинству брат, разлегшийся во всю длину скамейки, лениво приоткрыл один глаз и снисходительно посмотрел на ту, что потревожила его покой.

— Отдыхаю, — снизошел он до ответа.

— Для этого кровать есть, — я уселась напротив. Ощущение неправильности стало почти невыносимым. Брат открыл второй глаз и смерил меня оценивающим взглядом.

— В храм пойдешь? — невпопад спросил он.

— Куда?

— Раз уж ты в кои-то веки проснулась до начала службы, сходи. Тем более сейчас праздничная неделя.

— Ты просто хочешь, чтобы я оставила тебя в покое! — сделала я вывод и несколько мгновений наслаждалась собственной гениальностью.

— Точно, ты меня раскусила, — зевнул брат и повернулся набок, подпирая голову. — Хочешь, вместе сходим? — предложил он великодушно. Это ж надо, колючка Ренард добровольно вызвался что-то для меня сделать!

— Островитяне тебя подменили, — сказала я уверенно, потом, подумав, кивнула. — Давай сходим. А... в какой храм?

— Храм Дракона, конечно, — удивился брат. — Во всех остальных службы начинаются позднее.

Храм... Дракона? Я потеряла виски, но никаких мыслей и воспоминаний, связанных с этим местом, у меня так и не появилось.

Храм оказался немного в стороне от главного здания дворца, ближе к правому крылу, где располагались покои короля и королевы. За пределами дворцовой территории, но достаточно близко, чтобы не было смысла брать коней или открывать Портал.

Опять надоедливой мышью заскреблось чувство неправильности происходящего.

— Ренард, я только сейчас поняла, что за все утро не видела никого, кроме эль-туань.

— И что в этом странного? — не понял брат.

— А рабы? Мне кажется, в дворцовых садах раньше всегда работали рабы...

— Какие рабы, Риэль? — изумился Ренард. — Ты забыла, что эль-туань нельзя обращать в рабство? Этому закону уже веков двадцать. Или ты книг каких вчера начиталась?

— Не из нашего народа рабы, нет, — я беспомощно обвела рукой пространство вокруг, пытаюсь объяснить смутную, мне самой не ясную мысль. — Рабы — это вампиры, и еще звери... То есть, — я торопливо исправилась, поскольку слово царапнуло слух, — то есть двусущные.

— Точно, плохих книг начиталась или вовсе заболела, — озабочено пробормотал брат и потрогал ладонью мой лоб. — С тех пор, как принят Завет, у нас в стране нет рабства. Забыла?

— Завет?

— Завет с Драконом, при прадеде, триста восемьдесят три года назад. Риэль, что у тебя с памятью?

— Это... это когда была предпоследняя война? — уточнила я неуверенно.

— Последняя война, — не согласился брат. — Ну же, вспомни — Чудо при Трааде. Учитель нас всех это наизусть учить заставлял.

Отвернувшись от брата, я начала спускаться к храму. Нет, я не помнила. Не помнила ничего ни о Завете, ни о Чуде, ни о чем ином. Зато отчетливо помнила рабов на полях и меченых вампиров, сопровождавших своих господ по столице. Не во дворец, нет, туда отец запретил им доступ.

Я помнила рабов-оборотней из клана Бесеков, великолепно плетущих заклятия. Помнила, как Ренард однажды вздумал рассказать мне о гладиаторском бое между двумя вампирами и оборотнем-медведем, в котором полегли все трое. Но тогда почему...

Я развернулась — брат, все также хмурясь, шел за мной следом, а в паре шагов за нами следовала охрана, возникшая словно из воздуха, едва мы вышли на площадь. Охрану я тоже помнила — больше символ статуса, чем защита: не могла представить, чтобы эль-туань напали на одного из королевских детей.

Храм был уже близко, тонкой струйкой туда вливался народ. Подойдя вплотную, я остановилась, запрокинула голову. Храм был как две капли воды похож на любой другой храм Властелина, за исключением одной детали: над колоннами перед входом распахнул крылья каменный дракон. Красиво. И страшно. Потому что мне казалось: когда-то я уже видела это чудовище вживую.

У входа эль-туань расступились, пропуская нас с Ренардом вперед. Благодарно кивнув, я вошла в сумрак храма и последовала дальше, к королевской ложе. Эль-туань, ведущий богослужение, оказался мне незнаком, хотя я знала в лицо всех жрецов столицы. Мы с Ренардом успели к началу, все еще только рассаживались, хотя кое-кому пришлось стоять в проходе: храм велик, но всем не разместиться. «Праздничная неделя» — вспомнила я слова Ренарда. Эль-туань вокруг были одеты нарядно и выглядели счастливыми.

— Предвкушают очередное чудо, — прошептал мне на ухо Ренард. Я, занятая разглядыванием, не заметила, когда он успел присоединиться.

— Чудо?

— Последнее время они случаются с завидной регулярностью, — усмехнулся брат. — Но с твоим требованием признать таирта своим эль-эро еще ничто не сравнилось.

— О чем ты?

Какое Мервин имел отношение к происходящему?

Ренард хмыкнул:

— Ну как же! Отца чуть удар не хватил: такой скандал! Единственная дочь в неполные семнадцать официально провела слияние эль-эро. Ты ведь никого даже не предупредила. Хорошо, что жрецы выкрутились: догадались провозгласить это волей самого Властелина. Скандал превратился в небольшое семейное потрясение, а король неожиданно обзавелся зятем.

Я дернула плечом:

— Это было мое право.

— Не спорю.

— И вообще, — вырвалось у меня, — ты, конечно, никогда не любил Мервина, но это не дает тебе...

— Ты что-то путаешь, сестренка, — прервал меня Ренард. — Я всегда нормально относился к твоему таирту.

— Да? — я посмотрела на него растерянно, но брат был серьезен.

— Значит, не ты, а Камир, — пробормотала я себе под нос, но Ренард услышал.

— Носы они друг другу в детстве разбивали, было дело, — хмыкнул он. — Но сейчас это скорее вооруженный нейтралитет, порой граничащий с дружбой.

— Это как?

— Сам не знаю, — брат пожал плечами. — Так Камир однажды сказал.

— Ясно, — я отвернулась от брата. Было ясно, что мне ничего не ясно. Память упрямо подсказывала, что Камир с Ренардом всегда терпеть не могли Мервина, а он платил им взаимностью. И правда, что со мной такое?

После слов Ренарда я начала смутно припоминать, что он с Мервином последние годы и впрямь не ссорился. Тогда откуда выплыла сцена, которой я была свидетелем полтора года тому назад? Когда я нашла Мервина без сознания в маленькой кладовой, примыкающей к его лаборатории, покрытого сильнейшими ожогами? Объяснить это он отказался, но привкус магии, окружавшей его, я помнила — это была магия нашего рода, рода Шоралл...

Началась служба, ровный гул голосов почтительно стих. Я встряхнулась, пытаюсь избавиться от кружащихся мыслей.

Голос жреца, произносящего моления на старинном наречии, была глубок, звучен и так красив, что я наслаждалась его речью, не вслушиваясь в смысл слов. Переливы звуков напоминали волшебное пение. Все посторонние мысли улетучились у меня из головы, я впала в состояние транса, мои глаза видели только темную фигуру у алтаря...

Тишина обрушилась лавиной, заставив меня вынырнуть из блаженного забытья. Я растерянно огляделась — но в храме было пусто, только темная фигура жреца стояла в отдалении, в тени одной из колонн. Жреца ли?

Я поднялась:

— Кто ты?

— Хранитель, — ответил он. Незнакомый мужской голос проговаривал все звуки моего языка без акцента, но слишком чисто и правильно.

— Хранитель чего?

— Лабиринта.

— Лабиринта? — я не понимала, о чем он говорит. При чем здесь какой-то лабиринт? — Где все?

— Никого нет и не было, — ответил он. — Ты находишься внутри не-яви.

— Что? — переспросила я растерянно.

— Не-явь, — повторил он терпеливо. — Не случившаяся вероятность бытия.

— Объясни.

— Ничего этого не существует. Почти все, кого ты видела во дворце и храме, мертвы. Вспомни!

Вздрогнув от резкой команды, я едва успела ухватиться за спинку ложа, когда истинные воспоминания ворвались в разум. Ноги у меня подкосились, я без сил упала на сиденье.

— Зачем это? Зачем этот обман?!!

— Не обман, а вероятность реальности. То, что могло бы быть, сделай твой предок правильный выбор. Все дело в выборе, принцесса. Ты помнишь, что стало, и теперь знаешь, как могло бы стать. В следующий раз выбирать придется тебе, и уже от твоего решения будет зависеть судьба народа.

— О каком предке ты говоришь?

— Почти четыре века тому назад случилась предпоследняя война со Сдвоенным миром. Хотя только вы, эль-туань, называли это войной. Десятки открытых Врат, торопливые грабежи, убийства, захват пленных — мирных жителей — и еще более торопливое бегство домой, под защиту ваших магов. А потом пришел день, принцесса, когда твой прадед оказался на распутье и выбрал то, что выбрал.

Прадед?

— А я? Что я должна буду выбрать? — я требовательно посмотрела на темную фигуру. Лицо Хранителя было не видно, только сверкали желтые глаза. Как я не напрягала зрение, не могла проникнуть сквозь окружающий его полумрак.

— Не знаю, — он развел руками, но рукава хламиды были слишком длинны, полностью скрывая кисти. У меня мелькнула мысль, есть ли там, под одеждой, вообще тело. — Не знаю, я всего лишь

храню прошлое и его варианты, будущее открыто не мне. Не скажу, как и когда это случится, но первую развилку судьбы ты уже прошла.

— Когда это было? — потребовала я ответа. — Что именно я сделала?

И услышала по голосу, что Хранитель, отвечая, усмехнулся:

— Узнаешь, когда пройдешь вторую.

Глава 2

В этот раз пробуждение оказалось неприятным. Горло изнутри ощущалось словно стертая наждаком, а все тело болело так, будто по нему пробежал табун лошадей. Или ящеров — этих мерзких тварей с когтистыми лапами. А еще вокруг было темно. Настолько темно, что я ничего не видела.

Не видела? Никогда раньше темнота не была мне помехой...

Я попыталась сесть, но со стоном упала обратно. Да что же это такое? Мало того, что мне было больно, так еще руки и ноги казались такими тяжелыми, будто к ним привязали гири.

— Она очнулась, — прозвучал над головой чей-то голос. Смутно знакомый голос — должно быть, один из Волков-охранников.

— Лампу принеси, — скомандовал он кому-то.

Стало светлее.

Я поняла, что нахожусь внутри одной из повозок. Рядом на полу сидели двое Волков, еще один — дальше, у завешанного полотном входа. Тканевую дверь колыхал ветер, в проеме то появлялось, то исчезало звездное небо. Значит, я была без сознания часов восемь, не меньше. А еще это значит, что моя руна сработала, и отступники скорее всего мертвы. Но почему я так плохо себя чувствовала? Почему все болело? За прошедшее время любые повреждения уже должны затянуться, шибы пройти. Или дело было в яде, рассеянном в воздухе?

Мысли суматошно замелькали в голове. Я попыталась сосредоточиться, построить логическую цепочку, но боль отвлекала.

Ткань у входа отодвинулась, вошел ги-Тесах. Лицо начальника каравана было мрачно, губы сжаты, взгляд пронзителен, зол — и направлен прямо на меня.

— Очнулась, наконец, — сказал он, присаживаясь рядом, прямо на дощатый пол. Я вновь попыталась сесть, и в этот раз получилось: сперва пришлось подниматься, опираясь на локоть, потом на руки. Руки дрожали, боль стала пульсирующей, накатывала волнами. Впрочем, никого из присутствующих мои страдания не трогали. Для

них я больше не была милой молоденькой магичкой, я вдруг стала врагом.

Сильнее всего ломило запястья. Я опустила взгляд вниз и замерла, уставившись на широкие браслеты. Нет, не наручники, просто браслеты, каждый из которых состоял из двух металлических полос, соединенных треугольниками. Они не давили, не врезались в кожу, я их вообще не ощущала, — словно бы это была часть моего тела.

Подняв ладонь к шее, я нащупала теплый металл и там. Ноги — я чувствовала сильную боль в ногах... Да, такие же браслеты обвивали щиколотки.

— Это не позволит тебе призвать Силу, — резко сказал ги-Тесах, потом усмехнулся. — Полезные вещицы. Знал, что однажды они пригодятся.

— Почему? — это все, что я смогла прохрипеть. Наждачная боль в горле никуда не делась. Попросить воды? Впрочем, ги-Тесах был настроен поговорить и сам решил проблему.

— Дай ей пить, — велел он одному из оборотней, тот торопливо вышел из повозки и вскоре вернулся с кружкой, полной травяного настоя. Я трудом сделала несколько глотков, и боль постепенно стихла.

— Почему? — повторила я. Звук собственного голоса показался мне неприятно царапающим.

— Потому, что ты не человек, Риэль, или какое там на самом деле твое имя? Но притворялась ты умело.

— Не... человек?

— Давай не будем играть словами. Но если хочешь спорить, попробуй объяснить это, — он сжал мое левое запястье, выворачивая внутренней стороной наружу. — Я сам видел, как ты нанесла здесь два глубоких пореза. Когда мы очнулись от сонного порошка, я первым делом осмотрел твои руки, где не осталось даже крохотного шрама. Скажешь, у людей так тоже бывает?

— Это магия.

— Неужели? Я встречал в своей жизни десятки магов, но ни один не мог вылечить себя так быстро, да еще находясь без сознания. Ни один стихийник этого не умеет. Остановить кровь — да, допустим, но не срастить за несколько мгновений мышцы и кожу. Зато мне известна одна нечеловеческая раса, способная на такое, и эта же раса единственная владеет рунной магией. Эль-туань, верно?

— Люди тоже владеют рунной магией, — возразила я, хотя почувствовала, что это бесполезно.

— Нет, деточка, не владеют, — презрительно ответил ги-Тесах. — Ни один человек, ни один двусущный не может пробудить руны. Или, думаешь, наши предки не пытались?

Я молча смотрела на него. Откуда он знал?

Должно быть, мои мысли отчетливо читались по лицу, потому что ги-Тесах кивнул:

— Я — Старший, мне положено знать и про ветви магии, и про эль-туань. Со слов Ольфа ты полагала иначе, верно? Мальчишка рассказал нам про твои расспросы — вы, верно, надеялись, что мы все позабыли, что нас можно будет взять голыми руками? Целый клан даст много рабов, да? — в голосе Волка прорвалась застарелая ненависть, желтоватые глаза впились в мои.

— Все не так, — попыталась я объяснить. — Никто не собирается превращать вас в рабов!

— Ну конечно. А еще твой проклятый народ освободил всех пленников, дружно покаялся в былых грехах и теперь замаливает их в монастырях и храмах? — начальник каравана ощерился.

— У нас была война, мы проиграли! Ваш Дракон уничтожил столицу и освободил рабов. Нам не до новых войн, поверьте!

— Придумай сказку получше, деточка, — презрительно хмыкнул ги-Тесах и поднялся на ноги. — Хотя, даже если придумаешь, тебе это не поможет. Мы не позволим тебе вернуться и рассказать о нас своим, не для этого наши предки всем пожертвовали... — он резко замолчал и отвернулся. Я поняла, что сейчас он уйдет, и...

— Я же спасла вас! Если бы не руны...

— Да, — согласился Волк, вновь повернувшись ко мне. — Поэтому, когда мы будем решать твою судьбу, я проголосую за милосердную смерть, а не за мучительную, какой заслуживают все лазутчики. У тебя есть еще несколько часов, эль-туань, у нас не принято казнить ночью. Помолись напоследок.

* * *

Я сидела, обхватив руками колени и пытаюсь не дрожать. От холода, не от страха. Я была слишком оглушена произошедшим, страх пока не пришел. Без магии внутри было пусто, и эта пустота мучала сильнее, чем боль.

Умереть так нелепо, так обидно... Нет, я не могла, отказывалась поверить.

Хранитель Лабиринта сказал, что мой выбор станет развилкой судьбы для всего народа — но какой выбор в том, что сегодня на рассвете мне суждено умереть? Значит, я должна была выжить, обязана была выжить! Только не знала, как...

Ведь не может же быть, что мой выбор — это смерть здесь, в мире с перевернутыми законами и жителями, не знающими благодарности? Если последняя из Шоралл умрет и королевский род прекратится, изменит ли это судьбу моего народа? Или дело не во мне, а в еще не рожденном ребенке? В его смерти?

Перед мысленным взором появилось любимое лицо. Мервин, вторая половина моей души. Мне было дорого все в нем, даже то, что другие могли бы счесть недостатком. Его упрямство, нелюдность, порой отрешенная сосредоточенность, его привычка шутить с серьезным лицом и склонность днями пропадать в своей подземной лаборатории...

Я вспомнила ту трепетную нежность, с какой он касался меня, как иногда смотрел — словно бы я была сокровищем, которое он получил незаслуженно и больше всего боялся потерять.

Все дни здесь я старалась жить только настоящим, не напоминать себе о разлуке, которая может стать вечной. Но сейчас воспоминания прорвались. Я уткнулась лицом в колени, чтобы скрыть от чужих глаз слезы.

Принцессы, даже бывшие, не должны плакать прилюдно.

Неясные голоса доносились снаружи, но я не обращала внимания, пока один, по-детски звонкий, не произнес мое имя:

— Пожалуйста, пустите меня к Риэль! Хотя бы... хотя бы попрощаться, — я услышала, как Реника всхлипнула, потом прозвучал жесткий — и ожидаемый — ответ ги-Тесаха:

— Нет. Нечего тебе там делать.

— Пожалуйста. Я... я ей одеяло принесла. Холодно же.

— Ничего, не простынет, — в голосе Волка прозвучала злая усмешка. Реника замолкла, но неожиданно донесся еще один голос — женский, глубокий и сильный. Старшая среди женщин каравана — главная Волчица:

— Пусти девочку, Рамар, пусть попросается.

Воцарилось молчание, потом послышались легкие шаги, и внутрь повозки вбежала моя мышка. Замерла на пороге, глядя на меня, все также сидящую на голых досках пола, потом бросилась вперед, упала на колени, одновременно крепко обхватывая меня руками, плотно прижалась. Я почувствовала, как ее тонкие пальцы скользнули вдоль основания шеи, там, где ее обхватывал «подарок» ги-Тесаха. Обняла Ренику в ответ. Хотя на ресницах девочки блестели слезы, в глазах — решимость.

— Это несправедливо, — со сдерживаемым гневом проговорила Реника. — То, как они собираются поступить с вами, даана! Просто подло!

Я заметила, как один из Волков, моих охранников, отвел взгляд. Похоже, не все были согласны с методами ги-Тесаха.

— Я одеяла вам принесла, даана, — Реника расправила два квадратных пледа и аккуратно накрыла мне ноги. — Так я и знала, что вы мерзнете, наверняка ступни совсем ледяные. Сейчас согрею.

Ледяные? Как раз ноги у меня не замерзли. Неловким движением я накинула второй плед себе на плечи, в то время как Реника стащила с меня ботинки и начала растирать ступни. Движения были плавные, пальцы скользили к самым щиколоткам, натывались на браслеты, возвращались назад и вновь совершали тот же путь.

— Не надо бы тебе оставаться в Хирессе, — сказала я негромко. — Плохое место.

— Да, даана, — отозвалась девочка. — Ферана обещала, что позволит мне ехать в своей повозке до самого Гиросса. Это хороший город.

Я кивнула. Ферана — главная Волчица. Если она взяла Ренику под свое покровительство, та не пропадет. Ольф пару раз упоминал о Гироссе, самом последнем пункте на пути следования каравана — я не очень вслушивалась, уверенная, что эти знания мне не понадобятся. Но главное, что к магам–женщинам там относились нормально.

— У вас и руки, наверное, холодные? — спросила между тем девочка.

— Да, — согласилась я на всякий случай, и наблюдала, как ее пальцы вновь и вновь касались моих ручных браслетов. Охранники время от времени поглядывали в нашу сторону, но не вмешивались.

— Ольф просил передать, — серьезно сказала Реника, беря меня при этом обеими руками за запястья, закрывая браслеты ладонями. — Просил передать, что ему стыдно за своих соплеменников, за их слепоту и жестокость. Очень просил, чтобы я это сказала.

— Понимаю, — ответила я после короткой паузы. — Я понимаю и не в обиде на него.

Реника улыбнулась, потом посерьезнела, прикусила нижнюю губу и долго смотрела мне в глаза, словно пытаюсь передать мысли.

Мужская рука откинула полотняную дверь, внутрь заглянул ги-Тесах:

— Ты все еще здесь?

Реника вскочила на ноги, еще раз на прощание сжала мне запястья и убежала. Остались только я и двое Волков охраны. До рассвета по ощущениям было не меньше пяти часов. Я плотнее закуталась в принесенные пледы и настроилась ждать.

Медленно текли минуты.

И так же медленно, мелкой ржавчиной, осыпались мои оковы.

Я сидела, поджав колени, держа руки под пледом, второй надежно закрывал от чужих глаз шею. Треугольники, соединяющие двойные браслеты, осыпались с краев, и на пальцах, которыми я нетерпеливо ощупывала их, оставались металлические песчинки — но как же медленно это происходило. Ги-Тесах, насмешничая, велел молиться, и сейчас, когда появилась надежда — я действительно молилась. Молилась Хозяйке Сущего, умоляя не забирать меня сейчас. Молилась Властелину — об удаче. И молилась Его единственной Дочери, просила Ее поделиться со мной силой и отвагой.

Треугольники, соединяющие двойные полосы браслетов, превратились в труху первыми. Следом наступил черед самих браслетов. Сперва — ручных. Потом — ножных. И только ошейник, сделанный из самых толстых полос металла, еще держался.

Я попыталась призвать Силу — осторожно, очень осторожно — и едва сдержалась, чтобы не закричать в голос. Прошла едва тонкая

струйка магии — но мне показалось, будто сквозь эррэ протекло живое пламя. Боль оказалась невыносима. Значит, надо было ждать.

Один из стражников начал клевать носом, второй толкнул его в бок и вполголоса выругал, но через несколько минут все повторилось.

Тем временем я сделала вторую попытку. Теперь я была готова к болезненному спазму и успела насытить эррэ небольшим количеством Силы прежде, чем боль вынудила меня прерваться. Совсем немного магии, но должно было хватить. Прикрыла глаза, вспоминая мотив, и начала шепотом напевать мелодию — к сожалению, без слов: моя память не настолько идеальна, чтобы вспомнить слова чужого языка, которые довелось услышать лишь один раз.

— Что ты делаешь? — прервал меня один из стражников.

— Вспоминаю песню, которую пел мой любимый, — ответила я тихо.

Волки переглянулись, потом бдительный стражник пожал плечами:

— Думаю, вреда от этого не будет.

И я продолжила...

Когда ошейник осыпался, мои верные стражи уже спали — безмятежные лица, уютно свернувшиеся тела. Спали так же сладко, как спал когда-то под песню Мервина желтоглазый единорожек.

Я поднялась на ноги, бесшумно потянулась, аккуратно заплела растрепавшиеся волосы, потом раскинула руки, подняла голову к небу, невидимому за парусиновым потолком, небу, которое, однако, я ощущала всем телом, и начала собирать Силу. Делать это можно было в любой позе, но так получалось быстрее.

Теперь дело за рунами.

Я вспомнила Ольфа, его открытое лицо с веснушками, почти невидимыми под сильным загаром, и светло-карими глазами, его русые волосы, отросшие в непослушные вихры. Если бы Реника догадалась принести хоть одну вещь, принадлежащую Волку, оказалось бы легче, но я могла справиться и так. Теперь пришел черед руны. Я начертила ее своей кровью прямо на дощатом полу — нож пришлось позаимствовать у одного из спящих. Теперь следовало выждать еще немного — и...

Караван казался пустым, но, если присмотреться, здесь и там были видны человеческие фигуры, прикорнувшие прямо на земле.

Недалеко от моей временной тюрьмы, у походного костра, уже умиравшего без пищи, лежал ги-Тесах, рядом — Ферана и еще несколько молодых Волков. У самой повозки, из которой я только что вышла, спало еще двое стражников.

Я огляделась по сторонам. Сейчас я вновь могла видеть в темноте. Где же Ольф? Если я правильно поняла послание Реники... Да, я поняла ее правильно. Ольф ждал меня, рядом — оседланные лошади.

— Зачем нам четыре?

Волк недоуменно моргнул. Да, точно — мне, только что чудом спасенной от неминуемой смерти, полагалось сказать что-то другое. Или сделать. Я не знала. Единственным, что вело меня вперед, был клубок нервной энергии, напитанный Силой.

— Запасные, — после короткой паузы ответил он. Я кивнула. Попыталась взяться за поводья ближайшей лошади и с удивлением увидела, как те выскользнули из руки. Странно. Я перевела взгляд на свои пальцы — они дрожали. Сильно.

— Риэль, тебя всю трясет, — тревожно сказал Ольф. — Тебе холодно?

Я покачала головой. Нет, мне было ничуть не холодно, вот только дрожь все усиливалась:

— Н-наверн-ное, м-магический от-ткат, — я только слышала про подобное, но никогда не испытывала. Стиснула зубы, чтобы они перестали стучать.

— Когда остальные очнуться? — Ольф с тревогой окинул взглядом спящий лагерь.

— Ч-через т-три ч-часа, — я сделала глубокий вздох. — Ос-ставь пред-дупреждение, чт-тобы ср-разу уход-дили.

Светлые брови Ольфа сошлись над переносицей, но он, не переспрашивая, лишь согласно кивнул. Сделает. Мне уже было все равно, как именно — дрожь уменьшилась, волной накатила слабость. Я прислонилась к теплему боку лошади, изо всех сил пытаюсь не соскользнуть в темный омут сна. Как не вовремя. Мне следовало быть сильной, следовало выжить и вернуться. Ради Мервина. Ради ребенка. Ради себя самой. И ради того выбора, о котором говорил Хранитель Лабиринта.

Я повторяла это себе снова и снова, и темный провал в сознании постепенно отодвинулся. Почувствовав осторожное прикосновение к

плечу, открыла глаза.

— Нужно ехать, — сказал Ольф. — Я оставил предупреждение и выпустил в поле остальных лошадей, чтобы отсрочить погоню. Но времени у нас не так уж много.

...Хорошо встречать рассвет в степи, наблюдая, как солнце красит небо акварелью волшебной красоты. Хорошо мчаться в рассвет, наслаждаясь пряными ароматами трав и свежестью ветра. Особенно хорошо, когда знаешь — этот рассвет мог стать последним в твоей жизни.

Должен был стать — последним.

Глава 3

Прошло два часа с нашего побега? Или уже три? Я не знала, не могла сказать — внутреннее чувство времени словно заснуло. То мне начинало казаться, будто караван мы покинули пару минут назад, то — что мчимся вот так уже целую вечность и рассвет никогда не закончится. Дрожь прошла, слабость тоже отступила, осталось только это странное чувство нереальности и безвременья.

Ольф молчал, и это было хорошо. Часть меня была благодарна ему за молчание, часть, которая понимала и пыталась контролировать то, что происходит. Говорить я не могла. Чтобы говорить, следовало включить сознание, но оно куда-то спряталось, оставив только тело, способное на простейшие действия и реакции. Не навсегда, нет. Та часть, что понимала, была уверена: скоро все восстановится.

Солнце стояло уже высоко над горизонтом, когда пелена, окутавшая мой разум, спала. Это походило на болезненное пробуждение от лихорадочного сна. Я вздрогнула всем телом, поводья выпали из рук.

— Риэль! Риэль? Что с тобой?

Я сделала несколько глубоких вдохов и повернулась к встревоженному юноше:

— Теперь уже ничего.

— Ты была словно не в себе. Не отвечала на вопросы, только понукала лошадь ехать быстрее.

— Да, — я встряхнулась. — Это был магический откат. Я перенапряглась, когда создавала руны сна для всего лагеря.

— Понятно, — Ольф нахмурился и добавил: — У тебя не было выбора, но это очень опасно.

— У меня не было выбора, — повторила я, думая о другом. Магический откат из-за одной единственной руны? Как же! Даже то, что некоторое время до создания руны я провела, лишённая доступа к Силе, не объясняло эту странную дрожь и последующее расщепление сознания. Я прекрасно знала пределы своих возможностей, но вчера я не использовала и третью их часть. Никакого истощения резерва, из-за

чего случаются откаты, у меня не было. Загадка. А может, особенность Лабиринта? Может, здесь рунная магия влияла на магов по-особому?

Я улыбнулась Ольфу, тот, расслабившись, ответил улыбкой. Подъехал ближе, положил руку поверх моей.

— Теперь тебе лучше?

— Да, — я осторожно убрала ладонь. — Намного. Как думаешь, будет погоня?

Ольф пожал плечами:

— Смотря что победит в ги-Тесахе: осторожность или гнев.

— Ольф, как все получилось? Спасти меня, я хочу сказать?

— Реника, — сказал он просто. — Идея была целиком ее. Она способна уничтожить любую материю, знаешь?

Я кивнула. Да, я помнила. Интересное проявление Дара.

— Блокираторы Силы, которые надел на меня ги-Тесах — они откуда?

— От магов Хиресса.

Я подняла руку к шее, где, кажется, так и остался след от ошейника. Похоже, у меня появилась личная причина не любить вышеназванных магов.

— Ольф, а как ты... теперь?

— В смысле? — юноша отвел взгляд, притворяясь, будто не понял вопрос.

— Клан вряд ли примет тебя обратно.

Некоторое время он молчал, я не торопила.

— Я пятый сын у родителей, — начал он медленно. — Там и кроме меня есть кому принять наследство и позаботиться о благополучии семьи. Я отправлюсь с тобой.

— Со мной — куда?

— Во внешний мир, о котором ты говорила. Где живут другие Волки и правит Дракон, — он задумчиво смотрел — почти на меня — но взгляд ушел дальше, к самому горизонту. — Мало кому выпадает шанс увидеть героев легенд во плоти. Свой я не упущу.

Отчего мне показалось, будто за этими словами крылось что-то еще?

Мы объехали Хиресс по широкой дуге, иногда часами ожидая под воздушными щитами, пропуская отряды местной стражи. Ги-Тесах оказался достаточно умен, чтобы попытаться уничтожить меня чужими руками. Интересно, какую историю он рассказал хирессцам?

— Почему они нас не видят? — Ольф с любопытством наблюдал, как всего в двадцати шагах проезжает последний всадник. — Не видят и даже не слышат?

— Я изменила свойства воздуха, — объяснила я. — Видел когда-нибудь, как от большой жары воздух плавится и идет волнами, подобно воде?

— Конечно.

— Как в пустынях возникают миражи? Отражения городов, расположенных за несколько дневных переходов?

— Приходилось.

— Я сделала почти то же самое: переместила наши образы на много миль отсюда, оставив видимыми только траву и лес.

Ольф недоверчиво покачал головой:

— Не скажу, что стало понятнее.

Я развела руками. Что ж, я не учитель.

— Я могу стать магом? — неожиданно спросил Ольф. Я удивленно посмотрела на него:

— Если у тебя есть Сила.

— Как это узнать? — глаза юноши вспыхнули энтузиазмом неопита.

— У нас это определяют мастера, — я пожала плечами. — У вас не знаю.

— Ты не можешь?

— Нет, — получилось слишком резко; пытаюсь смягчить, я объяснила: — Для этого требуются особые навыки, которых у меня нет.

— Но Ренику же ты как-то определила, — не отставал Ольф.

— Это она пришла ко мне, а не наоборот, про Дар тоже рассказала сама, — и торопливо добавила, пока Ольф не придумал задать еще какие-нибудь вопросы: — Я не мастер, даже не подмастерье, мне самой еще лет пять в ученицах ходить!

Дни казались зеркальным подобием друг друга — и первый, и второй, и третий. Хиресс был не просто городом, а целой страной, и пока что мы преодолели только половину его территории. Вечерами обходились без костров: меня грела магия, Ольфа — его вторая суть.

Ночь была как ночь. Звезды, частично закрытые облаками, как звезды. Сон как сон — обрывистые сюжеты, без всякого внутреннего плана переходящие друг в друга. А потом...

Там тоже ночь, тоже звезды. По небу ползут ленивые облака, темно-сиреневые в блеклом свете луны. Вот их очертания меняются, становятся силуэтом бегущего зверя — и возвращаются, как было. Но вокруг уже нет полей, под ногами — голая скала над морским приливом.

— Уже скоро, Райша, — доносится из пустоты знакомый шепот. — Дождись...

Я вскинулась, вскочила на ноги — и едва не упала, споткнувшись о теплый бок.

— Чтр-ро, Р-риэрь? — волчья голова поднялась, желтые глаза смотрели на меня с недоумением.

— Н-ничего, — я села на одеяло, которое третью ночь служило мне ложем. — Просто сон, Ольф. Прости, что разбудила.

Волк вновь положил морду на вытянутые передние лапы, но продолжал внимательно наблюдать.

— Спи, друг, — вновь улегшись, я подтянула под голову седло. — Завтра будет долгий день.

А у самой в сознании вновь и вновь повторялись эти слова, сказанные голосом Мервина. «Уже скоро, Райша. Дождись».

Дождись — чего?

Скоро — когда?

Могло ли быть, что Мервин действительно нашел меня, и это больше, чем просто сон? Могла ли я просто ждать? Но что с вампирами? Если знал Мервин, то знал и Дракон, а значит, заговор вампиров раскрыт, и договор, на который они вынудили меня пойти, больше не имел значения.

Но что, если это был просто сон, а я буду ждать и надеяться впустую?

— Риэль, почему ты оставила предупреждение для отряда? О чем оно было?

Я подняла голову: Ольф сидел напротив уже в человеческом облике.

— Ты спрашиваешь только сейчас?

— Уход от ответа, Риэль.

Я вздохнула.

— Иногда начертание рун притягивает... некоторых существ. Очень опасных существ. Я не управляю ими и не знаю, когда они придут, а когда нет.

— Что делают эти опасные существа?

— Пожирают всех, кто им попадет... Все же, почему ты спрашиваешь именно сейчас?

— Как появляются эти существа? По земле, воздуху, воде?

Я нахмурилась. Вопросы Ольфа звучали все более странно.

— Под землей.

— Значит, эти они идут за нами.

— Что?!!

— Сначала я не мог понять, в чем дело. Земля дрожит. Очень слабо, почти незаметно даже для волка, но я ощущаю направление. Эти существа приближаются.

— Ты уверен? Это не может быть... не знаю... признаком землетрясения, например?

— Нет, — Ольф покачал головой. — Землетрясения ощущаются иначе. Что-то идет по нашему следу.

— Тогда... разве нам не нужно спешить? — его спокойствие показалось мне неестественным, чужеродным.

— Эти существа приходят, чтобы угрожать тебе? — спросил он между тем.

— Нет, но...

— Они приходят защитить тебя?

— Защитить? Ольф, откуда эти странные идеи?

— Ты вообще знаешь, зачем нужна этим существам? — юноша словно не слышал, продолжая задавать вопросы. Потом вскочил на ноги и начал расхаживать по поляне:

— После того, как ты создала руну, уничтожившую отступников... После того, как мы все очнулись, Ферана отозвала меня в сторону и рассказала одну историю. Я сперва не мог понять, зачем... Ги Тесах как раз тогда объявил, что ты эль-туань и будешь казнена, и

рассказ Фераны показался не к месту. Но сейчас мне кажется, что она знала — и про план Реники, и про то, что ты сбежишь, и что я пойду с тобой. Она тоже Старшая, как и Ги Тесах.

— Что за история?

Ольф остановился, замер вполоборота, так что я видела только его четкий профиль, потом таким же резким движением повернулся ко мне:

— Рунная магия создана Прежним народом, — начал он. — Тем, кто жили до нас и вас.

— Мы называем их Древними, — поправила я его машинально.

— Не суть, — отмахнулся он. — Они создали руны, их магии подчинились многие миры. Но потом они попытались управлять Бездной и ее созданиями...

— Подожди! Хочешь сказать, что твой народ так много знает о Древних? Или это просто догадки?

— Ферана сказала, что есть книги... — Ольф встряхнулся. — Риэль, дело не в этом.

— Хорошо, — согласилась я. — Продолжай.

— Они создали последние руны, руны власти, но что-то пошло не так, и Бездна отправила своих детей уничтожить Прежних.

Я молчала, не зная, что сказать. У нас не сохранилось преданий о судьбе Древних, мы не знали, как и почему они исчезли. Неужели они действительно попытались подчинить силы, которыми нельзя управлять? Подчинить Бездну?

— Что это может значить для нас? Сейчас — что это значит?

Ольф нервно облизнул губы, бросил на меня быстрый неуверенный взгляд и, решившись, сказал:

— Кровь Тварей Бездны дает неуязвимость.

— Что?

— Легенды говорят, что тот, кто убьет Тварь и отопьет ее крови, приобретет неуязвимость против любого оружия, как простого, так и магического, — Ольф смотрел, словно мальчишка, с тревогой ожидающий, дадут ли ему на день рождения желанный подарок. До меня с некоторым опозданием дошло, к чему он вел. Я покачала головой:

— Нет, я не собираюсь участвовать в этом самоубийстве!

Ольф расстроено нахмурился, сжал губы. Потом открыл рот, осененный новой мыслью, которую я даже не хотела слышать. Я вскинула руки раскрытыми ладонями к нему, останавливая подготовленные слова:

— Нет, нет и нет! Реализовывать мечты о неуязвимости будешь без меня! У меня, знаешь ли, на эту жизнь еще много планов.

— Но Риэль, я знаю, как убить Тварь! — воскликнул он. — В книгах были описаны способы...

— Нет, — повторила я резко.

— Тогда что ты будешь делать, когда Тварь появится здесь?

— Попрошу ее вернуться домой.

— Смеешься? — недоумевающе спросил Ольф.

— В прошлый раз получилось.

— Так не бывает, — уверено возразил Ольф. Слишком уверенно для человека, знакомого с Тварями только по книгам и легендам.

— Сколько времени осталось до появления Твари? — поменяла я направление разговора. Юноша недовольно сдвинул брови, но больше не спорил. Лег, прижимаясь ухом к земле, вслушиваясь. Поднялся.

— Тварь ускорила движение. От пяти до десяти минут.

Мы ждали. Бежать не было смысла. Мой резерв полон, но что он против порождения Бездны? Единственный выход — договориться по-хорошему. Ольф был почти прав, когда не поверил мне — да, Тварь ушла, когда я велела, но к тому времени она насытилась. А я — не была ли я уже тогда одержима Духом, не потому ли червь послушался приказа?

— Я попрошу Тварь уйти, — сказала я Олфу. — Но если не подействует... О каких способах ты говорил?

Оборотень вновь нервно облизал губы:

— Для самого простого, — начал он, — нужна кровь прирожденного мага, данная добровольно. Нужны Нити четырех основных стихий, сплетенные друг с другом и погруженные в эту кровь. Все это требуется заключить в руну Риат и дать выпить двусущному. На время, равное горению двух пальцев свечи, двусущный обретет силу убить порождение Бездны.

— Выучил наизусть? — я подняла брови.

— У меня хорошая память, — ответил он отрывисто.

Моя кровь, мои Нити, руна, начертанная моей рукой. Насколько опасно это было для меня? Дать выпить своей крови, вкусить своей магии — это дать власть над собой. Не абсолютную, нет — ничто не смогло бы дать чужаку абсолютную власть над эль-туань. Но относительную... Доверяла ли я Ольфу до такой степени?

Он что-то явно не договаривал. Быть может, это была мелочь, не стоящая упоминания. Быть может, разница между жизнью и смертью.

— Риэль? — напомнил юноша. Слишком сильное звучало в его голосе нетерпение, слишком мало страха ощущалось перед чудовищем. Или я слышала то, чего нет? Опять издержки придворного воспитания?

— Руна Риат — ты знаешь, как она выглядит?

— Откуда? — удивился Ольф. — Я просто запомнил название.

Оттенок фальши — слабый, почти неуловимый. Двусущному, никогда не изучавшему магию, неоткуда было знать, как выглядит руна Риат, как выглядит любая руна. Но Ольф слишком пристально смотрел мне в глаза, пытаясь уверить в своей правдивости. Слишком пристально и слишком долго.

— Какие еще есть способы? — спросила я. Ольф нахмурился, но начал рассказывать. Их было три. И ни для одного из них, увы, не имелось ингредиентов. Для первого, например, был нужен пепел огненной элементали. Для второго — одновременное открытие четырех Врат, при том, что Лабиринт не позволял создать даже одни. Создала бы — давно бы вернулась домой. Для третьего и вовсе сущая ерунда: по хвостовой чешуйке от трех живых драконов. Ерунда, если забыть, что в известной мне части Сферы миров Крылатых всего двое — Карос Дакаант и его племянник.

— Риэль, у нас мало времени, можем не успеть, — в голосе и взгляде Ольфа проскользнула нервозность.

— Хорошо, — приняла я решение. — Не отвлекай меня.

Дав свою магию и кровь Ольфу, я стану уязвима. Но ритуал можно превратить в обоюдоострое лезвие, стоит лишь создать внутри каждой стихийной Нити еще одну, связующую, ведущую ко мне. Это доступ в суть Ольфа, если он вдруг пожелает — и сумеет — обернуть мою жертву во вред. Должно сработать.

Конечно, если Ольф не замыслил ничего дурного, я не воспользуюсь этими нитями. Страховка, только и всего.

Мне не нужна была обычная чаша для крови — воздух легко держал жидкость в прозрачных ладонях. Всего лишь небольшой локальный щит — но Ольф смотрел заворожено. Его восхищение магией смутило мою подозрительную половину — слишком оно было детское и наивное. Если юноша знал про такие серьезные ритуалы, как убийство Твари, любая стихийная волшба должна была казаться ему не стоящей внимания забавой.

Но связующие нити я все равно ввела.

Ритуал был прост. Настолько прост, что у меня закралось сомнение в том, что он вообще сработает. Почему я никогда не слышала о подобном?

— Можно? — Ольф сделал шаг к алой полусфере.

— Нет, — я предостерегающе подняла руку. — Сперва я попробую договориться с Тварью.

— У тебя не получится, — возразил он уверенно, но остановился в паре шагов от воздушной чаши.

Земля подрагивала, все сильнее и сильнее.

Мы ждали.

Вот почву прорезали первые трещины, еще узкие, в полпальца шириной. Вот они расширились, дрожь земли усилилась, так что устоять на ногах становилось все сложнее. Широкий пласт земли ушел вниз, кустарник неподалеку вздыбился горбом, растопырив длинные корни совсем рядом с магической полусферой. Та вздрогнула.

Ольф издал приглушенное проклятие и в прыжке оказался рядом с полусферой, словно бы мог достать ее сквозь щиты. Кровь не вылилась, конечно, — чтобы разбить мою магию, нужно было что-то посильное, чем тряска земли.

— Ты слышишь Тварь? — стоять было уже невозможно, я опустилась на одно колено, опершись рукой о землю.

— Она под нами, — Ольф оскалил зубы в звериной гримасе. Его вторая суть рвалась из человеческого тела. Я видела, как произвольно удлиняются клыки, как глаза то желтеют, то возвращаются к исходному цвету. Но пока разум человека держал волка под контролем.

Мне нужна была щель, достаточно глубокая, чтобы увидеть Тварь, и достаточно узкая, чтобы не упасть самой. Таких передо мной было аж три — на выбор. Я наклонилась к ближайшей и глубоко вниз

заметила движение. Тварь, словно чувствуя мой взгляд, замерла. В этот раз я не просто воспринимала ее эмоции, в этот раз гигантский червь обратился первым, и в моем разуме сформировались чужие слова:

«Отдай Другого. Зло. Отдай. Уничтожить».

«Кого?» — спросила я мысленно.

Перед внутренним взором с невыносимой скоростью начали мелькать образы всех разумных, которых я когда-либо встречала в своей жизни. Движение остановилось на Ольфе.

«Он — зло. Он — Другой. Отдай», — повторил червь.

«Почему — зло?» — спросила я и ощутила первую эмоцию Твари — недоумение. Вопрос был непонятен.

«Он — зло», — голос проговаривал слова медленно, четко. — «Он — Другой. Каждый Другой — зло. Зло — уничтожить. Других — уничтожить. Закон».

Магия вздрогнула, вырывая меня из концентрации, необходимой для разговора с Тварью. Я вскинула голову, прослеживая путь колебания Нитей. Ольф. Он стоял вплотную к сфере, и, наклонившись к чаше, пил кровь, насыщенную магией. Ее было немного, всего-то на два глотка, и я не успела вмешаться, остановить.

Но как — сквозь щиты?

Ольф же не маг — как он сумел?

Оборотень поднял голову, облизывая окровавленные губы, с довольным видом улыбаясь. В руках юноши начал формироваться огненный меч:

— Беги, Риэль, — сказал он, отворачиваясь от меня. — Беги отсюда.

И с размаху вонзил светящееся острие в землю. Земля содрогнулась — и успокоилась.

Что-то мне подсказывало, что спокойствие это продлится очень недолго. Вскочив, я побежала к кромке леса. Пятнадцать шагов, потом новый толчок. Уже привычно я припала к земле, развернувшись так, чтобы видеть Ольфа, который остался на поляне. Он стоял, обеими руками держа огненный меч, который теперь больше походил на копье.

Создание стабильного оружия из магических Нитей — уровень мастера. Изменение уже созданного оружия — еще выше, уровень арито.

Кто ты, Ольф? Кто ты на самом деле?

Сразу же за вторым толчком червь вынырнул из земли, поднялся почти на десять футов, навис над Ольфом; неизвестно, сколько еще было скрыто в глубине. Тварь была огромна, тело едва ли обхватили бы два взрослых человека. Но из раны хлестала кровь — желтовато-зеленая, словно сок растения. Тварь зашипела — не знаю, от боли или от гнева, и сделала резкое обманное движение, чтобы напасть на юношу с другой стороны. В открытой пасти я увидела два ряда острых длинных зубов.

Но Ольф оказался быстрее, чем Тварь. Я едва успевала следить за движениями оборотня.

Вот он нанес второй удар, шипение червя стало громче. И тут — непрошено, неожиданно — я словно раздвоилась. Одна часть меня продолжала наблюдать за битвой отважного юноши против отвратительного порождения Бездны. А вторая вдруг увидела красоту Твари, совершенство ее пропорций, вдохновляющую мощь, в противнике же — грязные полосы мерзкой чуждости, чернящие его лицо и руки. Полосы не магии, взятой у меня взаймы, но чего-то иного, злого, принадлежащего Другим.

Раздвоение длилось два удара сердца, а потом я вновь стала собой и видела только Ольфа и Тварь. Станный взгляд остался лишь воспоминанием.

Вот тварь была ранена во второй раз. Потом в третий. Потом — делая вид, что наносит удар мечом, Ольф бросил удавку Воздуха. Конечно, ведь я дала ему доступ ко всем стихиям. Бросил — и та впилась в червя, вошла в тело, словно прозрачная игла. Меч вновь стал копьем, удлинился и пробил Тварь навывлет. Короткое мгновение — и червь упал, извиваясь, забился в судорогах...

Ольф сказал верно: Тварь Бездны тоже можно убить.

Глава 4

Я поднялась на ноги, но возвращаться к поляне не торопилась. Возможно, придется бежать в противоположную сторону — подальше от Ольфа.

Тот стоял над подрагивающим телом червя, зеленоватая кровь которого уже перестала хлестать из ран, текла медленно и слабо. Ко мне лицо юноши было повернуто в профиль. Вот сосредоточенность и напряжение сменились радостью, вот он начал широко улыбаться, но без той нежности, которую я привыкла видеть обращенной ко мне. Эта улыбка наполнилась злым триумфом.

Кажется, я была забыта. И, кажется, я была рада этому.

Ольф разжал ладони, огненное копье истаяло в воздухе. Юноша вынул из ножен кинжал и сделал несколько глубоких параллельных надрезов на теле Твари, одновременно шепча что-то. Отложил клинок в сторону и поставил ладони под кровь Твари. Набрал, поднес ко рту, выпил. За первой порцией последовала вторая. Потом третья.

Замерев, я наблюдала за действием. Мне было жутко и немного противно.

На третьей порции Ольф остановился и надолго замер; взгляд устремился в одну точку, тело не двигалось и, кажется, даже не дышало. Подойти ближе? Или, наоборот, отступить дальше, вглубь леса? По-настоящему сбежать от оборотня я даже не надеялась: найдет по запаху.

Ольф резко вздрогнул, тело юноши начала сотрясать крупная дрожь, лицо побледнело, на лбу выступили крупные капли пота. Затем наружу вырвался волк.

Обычно вторая суть проявлялась быстро и безболезненно, но сейчас волк рвался из человеческого тела, словно хотел сбежать от чего-то. Лицо превратилось в оскаленную морду, в звериных глазах бился панический страх, хребет выгибался, на руках жесткой щеткой отрастала шерсть, ноги укорачивались, превращаясь в звериные лапы и вот Ольф — почти зверь — упал на четвереньки. Я услышала хриплый рык, полный боли.

И все закончилась.

Исчезла шерсть, тело выпрямилось, морда стала лицом...

...В волке было больше человеческого, чем в том, что смотрело сейчас из глаз Ольфа.

Ах да, про меня вспомнили.

— Риэль, — Ольф развернулся ко мне и жестом позвал приблизиться. Я говорила себе оставаться спокойной, но, не выдержав, вздрогнула. Его глаза...

— Твои глаза... — вместо шага вперед я сделала два назад и уперлась спиной в ствол дерева.

— Что с ними, Риэль? — Ольф, нежно улыбаясь, пошел ко мне сам. Пятиться дальше было некуда, а широкий ствол не желал раскрыться и поглотить меня.

— Остановись! Больше ни шагу! — я выбросила вперед ладони, готовясь поставить щит. Я потратилась на ритуал, но не настолько, чтобы опустошить резерв. Только подействует ли моя магия на то, во что превратился Ольф?

Однако юноша остановился, улыбка сменилась гримасой недоумения:

— Ты так обиделась, что я взял кровь без спроса?

— Обиделась? — то, что я испытывала, обидой можно было назвать в последнюю очередь. Сперва шли шок, растерянность, непонимание, страх, гнев.

Ольф обезоруживающе развел руками:

— Ты отвлекла Тварь разговором, мне подумалось, что это лучший момент для удара. Извини, что не предупредил.

Все было не так, но я не стала его поправлять.

— Так что такое с моими глазами? — уточнил юноша.

Я сглотнула. Что такое случилось с его глазами? Например, то, что это больше не были глаза человека. Или двусущного. Или любого другого разумного, которого мне приходилось видеть. С молодого мужского лица на меня смотрели желтые буркала. Как у червя. Как у единорога. Как у всех иных Тварей, которых я видела. Без зрачков, без радужной оболочки. Просто — во все глазное яблоко сплошная ядовитая желтизна.

Я называла то, что стояло передо мной, что разговаривало со мной, что улыбалось мне, Ольфом, но потому лишь, что шок выбил из

головы все лишние мысли. У меня просто не хватало фантазии назвать получившееся существо как-то иначе.

— Они желтые, — сказала я слабым голосом.

— Да? — неискренне удивился Ольф. — Как интересно. Не бойся, Риэль, это побочный эффект от крови Твари, это не опасно, — и сделал попытку шагнуть вперед. Меня словно подбросило:

— Стой! Сперва ты ответишь на все вопросы! — в моем голосе прозвучал приказ. Теперь либо Ольф бросит притворство, либо попытается убедить меня, что все в порядке. В первом случае я была готова без ограничений воспользоваться всей магией, которая мне доступна, а главное — связующими Нитями, которые, я надеялась, все еще были в Ольфе. Во втором я могла выиграть время, пополнить резерв и понять, что сейчас разговаривало со мной.

— Риэль, — Ольф вздохнул, — ну хорошо, спрашивай.

— На сферу со своей кровью я поставила щиты. Как ты смог проникнуть сквозь них?

— Щиты? — переспросил он. — Какие? Я не заметил.

— Не лги, — я поморщилась. — Ни один двусущный, даже с магическим Даром, не смог бы взломать их так быстро.

— Не смог бы? — повторил Ольф, поднимая брови. Я приложила немалые усилия, чтобы продолжать смотреть ему в лицо.

— Нет.

Он вздохнул:

— Не хотел об этом говорить, но придется. Ты ведь не отстанешь, пока не докопаешься до причины, да, милая Риэль?

С каждым мгновением в голосе и в интонации звучало все меньше прежнего Ольфа, все больше чуждой надменности. А обращение «Милая Риэль» и вовсе сочилось пренебрежением. Но я не возражала, ждала.

— Я полукровка, — объяснил он. — Двусущный только наполовину.

— Какая половина вторая? — пришедшая в голову идея обдала меня ужасом и отвращением. Неужели кадари?

— Не знаю, — Ольф пожал плечами. — Мать оставила сверток с новорожденным мною на пороге дома отца. Он всегда говорил, что она казалась ему просто человеком. Наверное, ошибался.

Связующие Нити, за которые я тихонько тянула весь наш разговор, наконец, поддались, и я позволила себе начать надеяться, что справлюсь.

— Ты сумел превратить энергию огня в оружие. На это способны только опытные маги.

— Я талантлив от природы, — отозвался он, ухмыляясь.

— Невозможно, — возразила я ровным тоном. — Как невозможно научиться читать, не зная ни единой руны.

— Неужели?

— Именно.

Ольф долго смотрел на меня, потом тяжело вздохнул. С лица словно спала маска надменного наглеца, и он стал почти прежним. Совсем прежним, если забыть о цвете глаз.

— Ладно, раз тебе это так важно. Риэль, — голос звучал устало, стал просящим. — Пожалуйста, не бойся меня.

Ольф показал на свои глаза:

— Это просто ритуал, это действительно не опасно. Через это проходят все.

— Все — кто?

— Все из народа моей матери. Она действительно оставила меня отцу еще младенцем, но мы поддерживали отношения. Она многое рассказывала мне о своем народе. О магии. О драконах...

— О ритуале ты знаешь тоже от нее?

— Да.

— Как называются ее люди?

Ольф произнес странное сочетание звуков, которое я не смогла бы повторить при всем желании. Набор согласных, больше похожий на змеиное шипение. Но что-то закопошилось на дне памяти. Что-то мне это напонило.

— Народ моей матери обнаружил, что выпитая кровь Твари дает самый прямой путь к магическому могуществу. Посмотри, — он вытянул руку вверх ладонью и на той сформировалась сфера огня. Форма сферы изменилась, превращаясь в алую бабочку, взмахивающую крыльями, потом в миниатюрного дракона, который открыл пасть, изверг облако черного дыма и исчез.

— Это не твоя магия, Риэль. Это моя собственная. Теперь мы на равных.

Я сглотнула. Нет, не на равных — я еще не умела так быстро сплести Нити стихий в подвижные формы. Все дело в опыте, а тот приходит лишь со временем.

Ольф тоже не должен был уметь делать то, что делает.

Я допускала, что, убив и выпив кровь Твари, можно получить Силу. Но это будет сырая Сила, заготовка, из которой только время и терпение выкуют умелого мага. Чтобы так, как Ольф... Я ведь когда-то слышала о подобном. Но когда? Где?

— Риэль, — юноша протянул мне обе ладони, сейчас пустые, улыбка стала нежной-нежной. Всю картину портили только глаза...

— Риэль, теперь, когда мы на равных... Я хочу сказать, о чем думал уже давно. Что понял почти в тот день, когда впервые встретил тебя... Я... — он нервно облизнул губы. — Я люблю тебя.

Даже если я проживу все три века, отпущенные эль-туань, даже если я услышу еще десятки признаний в любви, сегодняшнее навсегда останется в памяти как самое жуткое. Вовсе не потому, что у существа, сказавшего это, были желтые глаза Твари. Не потому даже, что в оное существо превратился тот, кто стал мне хорошим другом. Нет, просто я, наконец, вспомнила, какой народ говорит на шипящем языке, похожем на змеиный, какой народ способен овладеть магией, не изучая ее.

Дженнай.

Вечные странники.

Единственный народ, владеющий магией Разума.

Я полагала, никого из них не осталось. Жрецы говорили, что все дженнай — народ, первым предавший Властелина — были уничтожены Духами Бездны. Однако, пытаясь принести меня в жертву богам Хаоса, Стинн ар-Гор применил заклинание из арсенала дженнай. Как я поняла теперь, не случайно.

— Пойдем со мной, — продолжил между тем Ольф. — Пойдем к народу моей матери. Все будут рады увидеть тебя.

— Они живут в Лабиринте? — меньше, чем знакомится с родственниками Ольфа, мне хотелось только вновь оказаться на алтаре для жертвоприношений.

— Нет, я открою Врата.

— Из Лабиринта это невозможно.

— Милая Риэль, — в интонации опять проскользнуло высокомерие. — То, что ты не можешь что-то сделать, не означает, что оно невозможно в принципе.

— Ольф, я понимаю насчет Силы, но как ты научился связывать Нити? Когда узнал все остальное? Еще вчера ты представления не имел, как магия работает.

Снисходительный взгляд:

— Память рода, милая Риэль. Главное — получить Дар, а навыки придут сами.

— Понимаю, — сказала я медленно. Значит, таково проявление магии Разума. Похоже, легенды не передавали и половину того, какими страшными противниками были дженнай.

— Пойдем со мной, — повторил юноша, делая шаг.

— Ольф! Ольф, остановись. Я не могу пойти с тобой.

— Почему?

Потому что ты превратился в чудовище. Потому что ты происходишь из народа, худшего, чем кадари. Потому что мне страшно находиться с тобой рядом.

Конечно, я не сказала этого вслух. Нужно было придумать отговорку, в которую легко поверить, которая не оскорбит, которая позволит мне потянуть время еще немного.

— Риэль, я понимаю, ты пока не любишь меня, но... я не тороплю. Я готов ждать, сколько потребуется.

Как трогательно. Мой милый друг, почему я не верила ни единому твоему слову?

— Я не могу.

У Ольфа зло раздулись ноздри:

— Почему? — уже не спросил, а потребовал он. Желтые глаза смотрели на меня и внутрь меня. Тварь, чьи глаза он украл, так не умела. Взгляд причинял боль, и, чтобы остановить ее, я даже не сказала, а крикнула:

— Я люблю другого! Я жду его ребенка.

Молчание. Мне стало страшно — и не только потому, что я боялась реакции Ольфа. Нет, дело в том, что я вовсе не планировала говорить то, что сказала. Чужая воля продавила мою, заставив сказать правду.

Почему, ну почему Духи Бездны не уничтожили дженнай до последнего? Почему дети Властелина оказались столь небрежны в исполнении долга?

— Что ж, — вновь чужим высокомерным тоном проговорил Ольф. — Это ничего не меняет. Мы найдем применение еще одному эль-туань.

— Ольф, — прошептала я. — Ольф, что ты такое говоришь?

Презрительная усмешка:

— Ты про мою оболочку? — существо с лицом Ольфа показало на себя. — Этот мальчишка мне надоел. Знаешь, он и впрямь влюблен в тебя, маленькая эль-туань. Только полукровка никогда не сможет противостоять истинному кхашшиассу.

Значит, чуждость выражений и интонаций мне не почудилась. Ох, зачем ты пил кровь Твари, Ольф?

— Тогда кто ты?

— Память рода. В ваших терминах я дед того, кого ты знала как Ольфа, — дженнай сделал какое-то движение, и я слишком поздно поняла, что меня просто отвлекали разговором от творящейся волшбы. Нити подчинения, такие же, какие использовал Стинн ар-Гор, окутали меня плотным слоем. Без внешней команды я могла делать только две вещи: думать и дышать.

— Ты пойдешь со мной, — дженнай не приказал, он просто поставил меня в известность. Потом отвернулся и начал создавать Врата.

От Врат дженнай веяло холодом, они пахли грозой и жжеными листьями. Этого не должно было быть: Врата — воплощение магии, у них не бывает запаха. И холод они тоже не должны излучать...

Впрочем, и дженнай не должны были существовать, так что все нормально.

— Иди сюда, эль-туань, — поманил не-Ольф, и я послушно шагнула к нему. Но хотя тело подчинилось чужаку, мысли все еще были моими, как и связующие Нити, которые я успела ухватить. Последний шанс — как только шагнем во Врата, потянуть за них, сбить дженнай настройку и, сбросив сети подчинения, прыгнуть куда придется. Я не собиралась привередничать. Любой мир казался лучшим вариантом, чем место, где меня ждали родственники Ольфа.

«Не надо», — прозвучал тихий шепот на краю сознания.

Я вздрогнула. Мервин? Это действительно был Мервин или очередной обман дженнай?

«... в Бездне», — было сказано что-то еще, но я не расслышала. Звук голоса слабел, словно доносясь с большого расстояния. — «... Открою... помощь Дра...».

Я колебалась. Если упущу единственную возможность...

Дженнай сжал мое запястье и повел к Вратам. Те сияли, переливались злыми огнями.

Переход.

Мгновение непроницаемой черноты, потом вспышка — и я вновь, как прежде, начала видеть Бездну, ее прекрасное бархатное небо, усыпанное звездами. Обычно перемещение занимало лишь несколько мгновений, но время шло, а мы все также висели в пустоте, причем рисунок созвездий не менялся. Странно.

Не-Ольф вытянул вперед свободную руку, сделал резкий жест, одновременно шипя что-то на своем змеином языке, и вокруг нас проявилась серебристая сеть с мелкими ячейками. Должно быть, именно это препятствовало нашему движению. Дженнай отшатнулся:

— Кого ты позвала?

Я открыла рот, чтобы ответить, и внезапно поняла — тело вновь принадлежит мне.

— Никого, — сказала, избегая смотреть на Не-Ольфа. Вид сети казался куда приятнее, чем юношеское лицо, обезображенное желтыми бельмами глаз.

Сеть — творение Мервина? Дракона? Их обоих?

— Лжешь! — прошипел дженнай, рывком притягивая меня к себе. Грубо схватил за подбородок, заставляя повернуть лицо. Усилием воли я сдержала желание отдернуть голову, а свободной рукой воткнуть овеществленную Нить Холода ему в сердце. Рано.

— Кто поставил сеть? — потребовал Не-Ольф.

— Не знаю, — ответила я правду.

Дженнай убирал руку от моего лица. Похоже, он все еще был уверен, что внушенная покорность действует.

Сеть вздрогнула, а потом понеслась к нам.

Пора.

Не-Ольф держал меня крепко, но это было неважно. Мне потребовалась доля мгновения, чтобы призвать Нить Холода, сделать

ее материальной и перерубить левое запястье дженнай.

Сеть коснулась меня, прошла сквозь тело, не замедлив движения, и опутала дженнай. Желтые буркала глаз обратились ко мне, из обрубка руки хлестала кровь. Когда Не–Ольф открыл рот, я, ведомая инстинктом, зажала уши ладонями, но несколько пронзительных звуков прорвались сквозь преграду.

Проклятия? Определенно, проклятия...

Знакомые руки обняли меня за плечи, и не нужно было оборачиваться, чтобы сказать имя их обладателя. Мервин, мой Мервин. Между тем с противоположной стороны из пустоты выступил Карос Дакаант, приблизился к спеленатому Не–Ольфу.

Тело Не–Ольфа начало светиться желтым светом, сеть опала рваными хлопьями. Вскрикнув, я вжалась в Мервина. Таирт обнял меня крепче, шепча на ухо:

— Все хорошо, Риэль, все хорошо.

Кровь больше не лилась из культи дженнай, да и культи уже не было — из желтого света формировалась новая ладонь, в ней — копье, похожее на то, что убило Червя. Карос усмехнулся, сделал в пустоте один шаг, второй — и человеческая оболочка истаяла туманом. Теперь над разумным, таким крохотным по сравнению, высилась громада Дракона.

Не–Ольф не принял бой. Вместо того сделал резкое движение — и стрелой ушел вверх. Дракон взмыл следом. Догонит — поняла я с уверенностью. Невозможно уйти от Крылатого, особенно в Бездне — его родной стихии...

— Идем, — сказал Мервин, создавая Врата. Несколько мгновений — и вот мы оказались дома.

Дома.

Цветущий луг перед замком ан-Тоэль.

Заросли нестриженной травы и кустарников, зеленое буйство природы.

Упав на колени, я водила ладонями по венчикам травы и цветов, глубоко вдыхая знакомые ароматы.

Дома.

Потом подняла голову и посмотрела, улыбаясь, на Мервина, но картина перед глазами отчего–то начала расплываться.

— Все хорошо, Райша, не плачь, — мой эль-эро опустился рядом. Я покачала головой — я вовсе не плакала. Наверное, в глаза попала пыльца от цветов — их было здесь так много.

— Иди ко мне, — сказала ему, но голос прервался.

— Все будет хорошо, — пообещал Мервин, обнимая меня. — Щиты достроены, наша родина в безопасности. Все будет хорошо.

Я молчала. Перед глазами, как в калейдоскопе, сменялись образы: храм кадари, где меня пытались принести в жертву Богам Хаоса, Лабиринт, вырастающий до облаков, прекрасное бессмертное мое-чужое лицо, смотрящее из Зеркала Истины, и друг, ставший врагом...

Все будет хорошо?

Все действительно будет хорошо?

Правда?

Глава 5

После пары недель в родном замке Мервина мы перебрались в Квейн — город, который Дракон окончательно облюбывал как свою резиденцию. Старое тихое место, глухая провинция, где никогда ничего не происходило, постепенно становилось новой столицей.

Карос Дакаант конфисковал у местного барона его городскую резиденцию — большую, хорошо укрепленную старинную крепость в самом центре города — любезно оставив тому все остальные владения. Именно здесь, в правом крыле здания, жили мы с Мервином. В первый же день я встретила кузена Тора и несколько именитых сановников его отца. Видела и послов из стран, отдаленных от нас океаном. Тоже эль-туань, но с немного другим разрезом глаз, и кожа у них смуглее нашей — там, где они жили, солнце светило слишком ярко. Впрочем, присутствие живого Дракона внушало им не меньше благоговение, чем жителям Островной Империи. Что ж, в последних войнах со Сдвоенным миром они не участвовали — со стороны Дракона им бояться было нечего.

Заклучались союзы, в главном храме Властелина его именем и именем Савэто произносились клятвы — Карос не собирался повторять ошибок своих предшественников, оставивших мир эль-туань без присмотра. Однажды сломив Барьер и проникнув внутрь, он не уйдет, пока не убедится, что повторения грабительских набегов не будет.

Иногда я начинала думать, что он не уйдет никогда...

На третий день нашего пребывания в Квейне, в перерыве между приемами двух посольств, дошло дело и до меня...

Карос был очень корректен, даже вежлив, не произносил ни слова угрозы — без чего наши прежние встречи обычно не обходились — но беседа слишком походила на допрос.

Дракона интересовало все, что случилось со мной во время похищения, и потом в Лабиринте. Все имена, все детали, все ощущения. Я рассказала даже о встрече с братьями, хотя это самое личное, что он мог потребовать.

Говорила я и о том, что, по мнению Хранителя Лабиринта, от моего выбора будет зависеть судьба народа. Дракон не удивился, лишь кивнул задумчиво и посоветовал поискать в архивах записи о моем прадеде.

Осмелев от его почти благожелательного отношения, я даже спросила о том, что случилось с Не-Ольфом. Однако так далеко хорошее настроение Дакаанта не распространялось, он лишь приподнял брови, словно удивляясь проявленному нахальству, и сообщил, что больше меня не задерживает.

Выйдя из тронного зала, я огляделась по сторонам. Вот и Мервин — высокая тень отделилась от колонны. Таирт подошел, обнял меня, потом заглянул в глаза и спросил почти серьезно:

— Ну как, не съел он тебя?

Я вздохнула:

— Повезло — сегодня его уже кормили.

* * *

Основные архивы, хранившиеся в королевском дворце, Дракон сжег во время последней битвы, но некоторая их часть, находившаяся в Квейне, осталась целой.

Мы спустились вниз, в подземелье крепости, где в тщательно зачарованных залах хранилась история моего народа. Мы — это я и Мервин. Хотя после возвращения прошло уже несколько недель, таирт никуда не отпускал меня одну. «Два похищения — этого более чем достаточно», — говорил он, когда, устав от постоянного присмотра, я пыталась протестовать. Впрочем, в душе я прекрасно понимала — Мервин прав. Я даже не спорила, когда он навешивал на меня следящие Нити, только морщилась, пока они впитывались в одежду и волосы. Ощущение их слияния с моей собственной магией неприятно напоминало щекотку.

Хранитель архивов, сухонький старичок, испуганно вздрогнул, когда увидел нас. Обычная реакция простых эль-туань на появление Мервина — страх и неприязнь, граничащая с ненавистью, на мое — тревожное ожидание, смешанное с надеждой. В глазах наших людей я была последним символом свободного прошлого, а ныне заложницей

Дракона, Мервин же — предателем, сделавшим власть Дракона возможной.

Я осторожно листала старый пергамент, принесенный хранителем, ища нужное. Мервин не вмешивался, просто сидел рядом и смотрел на меня. Последнее время я постоянно ловила на себе его долгие взгляды. Если упоминала об этом вслух, он виновато улыбался и объяснял, что соскучился, вот только в его глазах наряду с привычной нежностью я слишком часто замечала болезненную тоску.

— Нашла, — я указала на нужные страницы. — Садись ближе.

Триста восемьдесят три года назад, сухими строками сообщала хроника, во время предпоследней войны мой прадед, незадолго перед тем взошедший на престол, попал в Сдвоенном мире в плен. Женщина из народа двусущных помогла ему бежать, и, вернувшись, во исполнение данного ей обещания король объявил: грабительских набегов больше не будет. Его решение возмутило знать — благородным эль-туань требовались новые рабы и новые богатства. Противостояние длилось около двух лет, потом, под давлением магов-арито, прадед сдался. Все его последующее правление набеги продолжались...

Я отодвинула пожелтевшие листы. Вот оно что. Сумел бы предок настоять на своем — и все стало бы так, как показал мне Хранитель Лабиринта. Чудо при Трааде, Завет с Драконом — очевидно, в том нереализованном прошлом прадед сумел заручиться поддержкой жрецов, противопоставив их влияние давлению магов-арито, сумел напрямую договориться с Драконом, жившим в то время, и тем самым укрепил свою власть, пошатнувшуюся из-за противостояния знатным родам королевства. Непростое решение, но возможное.

Но что должна буду сделать я? У меня не было никакой власти — ни реальной, ни даже номинальной. От меня ничто не зависело. Или же я просто не видела иного пути реальности, как не сумел увидеть прадед?

* * *

— Стало известно, что, хотя щиты над нашим миром готовы, кадари продолжают стоять Ветвь Бьелльхелла, — рассказал мне

Мервин несколько дней спустя.

— Значит, они нашли способ эти щиты пробить, — делала я вывод. — Смысла блефовать при таких затратах энергии просто нет. А что говорит Дракон?

— Ничего, — таирт покачал головой. — У Кароса новая забота — дженнай. Он сумел найти и уничтожить уже два их гнезда. Сам Карос тебе этого, конечно, никогда не скажет, но за встречу с дженнай-полукровкой он весьма благодарен. Оказывается, и в Бездне, и даже в самом Сдвоенном мире давно творятся странности, но Дракон никак не мог определить их источник. Сперва он полагал, что дело в Адептах Хаоса, но и после уничтожения их культа странности не прекратились. Кстати, вампиры, похитившие тебя, тоже действовали по наводке дженнай. Там начал распутываться такой змеиный клубок, что Каросу не до нас.

Я вздохнула:

— Я — просто магнит для неприятностей. Думаю, достаточно вывести меня в Бездну — и все дженнай, спрятавшиеся там, выйдут навстречу.

— Знаешь, шутить о таком в присутствии Кароса я бы поостерегся, — серьезно предупредил Мервин. — А то он и впрямь так поступит.

Потом таирт заговорил о нашей свадьбе.

— Карос запретил даже упоминать о ней, пока ситуация с кадари не разрешится. Когда выяснилось, что народ изгнанников помогал сопротивлению, желая ослабить страну перед собственным вторжением, восставшие притихли, все нападения на людей Дракона прекратились. Но если всколыхнуть народ известием о нашей свадьбе, последствия непредсказуемы.

Я молча кивнула — он был прав. Кроме того, моя свадьба с мужчиной, которого все считали предателем, подорвала бы то небольшое доверие, что еще осталось к имени Шоралл.

Колебались две чаши весов, и мое личное счастье падало в ту, что несла гибель тысячам.

Глава 6

Я проснулась от пронзительного скрежета, который будто ввинчивался мне в голову иглами. Открыв глаза, вместо нашей с Мервином спальни увидела лишь мельтешение зеленых и желтых огней. Вновь торопливо зажмурилась, зажала ладонями уши — и поняла, что звук слабее не стал.

— Риэль, вызови Нити! — прорвался сквозь скрежет голос Мервина. — Поставь полную защиту по всем стихиям!

Работать с Нитями оказалось сложно, мерзкий звук отвлекал, но я все же справилась — и скрежет стал куда слабее, отходя на периферию сознания, а огни исчезли. Когда я вновь открыла глаза, увидела нашу комнату и Мервина.

— Что это за звук? — я перевела взгляд на окно, где в щель между шторами струился яркий свет, хотя мои внутренние часы говорили о глубокой ночи. — Что происходит?

— Ветвь Бьелльхелла начала действовать, — Мервин сделал резкий жест ладонью, шторы разошлись в стороны, и несколько мгновений мы молча смотрели на ночное небо, до самого горизонта располосанное огненными линиями.

Я сползла с кровати, подошла вплотную к окну, распахнула створки и, высунув голову, посмотрела наверх. Все восемь огненных полос сходились в единой точке почти над нашими головами, деля склон неба на сектора — словно какой-то безумный бог перепутал небеса с праздничным тортом и нарезал их по числу гостей. «Почему восемь?» — возник у меня в голове неуместный вопрос. Или это количество тех, кто приглашен на вечеринку безумного бога?

Я обернулась к Мервину — лицо таирта заметно помрачнело. Похоже, представшее перед нами зрелище оказалось неожиданностью не только для меня. Еще пару секунд он смотрел на огненные полосы, будто что-то подсчитывая, потом взял с ночного столика широкий металлический браслет с гравировкой в виде драконьей пасти, надел на левое запястье и замер, глядя в пустоту перед собой, беззвучно шевеля губами. Я молча ждала. Неожиданно Мервин вздрогнул, потом выдохнул и повернулся ко мне:

— На Сдвоенный мир напали дженнай, Дракон не придет нам на помощь... По крайней мере, пока не отобьет атаку. Он сказал — это займет не меньше суток.

Я застыла.

— Сколько... — мой голос сорвался, и я начала снова. — Сколько времени мы сможем продержаться? Сколько выдержат щиты?

— Против кадари — очень долго, но если нам противостоит магия дженнай, то меньше часа, — сказал Мервин, потом поднял ладони в знакомом жесте вызова Врат. Ничего не произошло. Он попробовал снова — с тем же результатом.

— Что ты пытаешься сделать?

— Отправить тебя в безопасное место... Похоже, Теритт окружен барьером — я не могу пробиться в Бездну. Тогда сделаем по-другому, — он торопливо схватил меня за руку и потянул к выходу из комнаты. Я не поддалась.

— Что ты задумал?

Меньше часа, чтобы обрушились щиты... Меня обдало холодом при мысли о том, что сделают кадари — и их союзники дженнай — с моим народом за оставшееся время. Двадцати три часа... Останется ли от населения королевства хоть половина к тому моменту, когда придет Дракон? Отчего-то мне казалось, что нет. Это будет война на уничтожение — кадари нужна новая территория для своих кланов, а эль-туань — досадная помеха этому. Они сотрут нас с лица земли, разрушат храмы — связывающие Теритт со Сдвоенным Миром — и поставят новый Барьер против Дракона. Двадцати трех часов вполне хватит для этого — на стороне кадари несколько сотен миллионов взрослых воинов, великолепно владеющих как обычным оружием, так и магией, и Властелин ведаёт сколько дженнай.

В глазах Мервина я заметила то выражение, которое прежде видела только однажды, когда он вел меня на первую встречу с Драконом.

Страх.

Страх не за свою жизнь, а за мою.

— Из главного храма я смогу пробить барьер, сконцентрировав энергию щитов, — объяснил таирт торопливо. — Риэль, скорей же!

Резким движением я выдернула у него руку:

— Но тогда щиты точно рухнут!

— Им все равно без присутствия Дракона долго не выдержать. Вот этого, в небе — этого вообще не должно было случиться! Ветвь Бьелльхелла не должна создавать такое! Не может! Будь уверена, это не магия кадари, это творение дженнай!

Мервин пытался говорить спокойно, но я видела — еще минута, и он потащит меня в храм, не слушая никаких возражений. Если понадобится — то и силой.

— Значит, мы обречены?

— Нет, *мы* нет.

— Но наш мир? Наши люди?

Мервин на мгновение отвел взгляд — достаточный ответ.

— Скорее, Ризель! — повторил он. — Я не знаю, сколько...

Яркий свет залил целый сектор неба, продержался несколько мгновений, потом погас. Скрежет, отзвук которого я продолжала слышать все это время, затих.

— Они прошли первый слой щитов, — сказал Мервин. — Райша, не время спорить!

— Ты прав, — согласилась я, чувствуя, как к горлу подступает ком страха. Оттуда, сверху, шла смерть — а я не хотела умирать. Я хотела, чтобы и я, и Мервин, и наш ребенок жили. Но...

— Я не пойду в храм. Я не брошу свой народ.

— Что? — переспросил таирт, явно уверенный, что ослышался.

— Я останусь, — ответила я твердо.

Выражение лица Мервина поменялось, и я поняла — с уговорами покончено. Сейчас он спеленает меня Нитями, как паук муху, и, если понадобится, отнесет на руках. Торопливо сделав шаг назад, я подняла ладонь:

— Именем Савэто, клянусь, — передо мной повис алый шар, свидетель клятвы. — Клянусь, если ты силой заставишь меня покинуть Теритт, я убью себя.

На руке возникла метка клятвы. Мне было страшно, очень страшно — но выбор я сделала.

Тот выбор, о котором говорил Хранитель Лабиринта?

Я не знала, не могла этого знать, но дороги назад не было.

— Райша... — Мервин смотрел, словно не мог поверить. — Зачем?

«За что ты так со мной?» — услышала я невысказанное.

— Это мое решение, — сказала я, глядя ему в глаза. — Я останусь, и ты останешься тоже, потому что любишь меня. Если мы погибнем, то погибнем вместе с нашим народом. Видишь, все просто.

— Какой в этом смысл? — в его голосе прозвучало отчаяние.

— Ты сильнее, чем был мой отец, а он считался лучшим магом нашего мира. Ты сможешь удерживать щиты до тех пор, пока не придет Дракон.

Я знала, что права, но таирт покачал головой.

— Риэль, я...

— Ты сможешь, — повторила я, не отводя от него взгляда. Мои глаза горели, словно готовые пролиться слезами, но влаги в них не было. — Ты сможешь, любовь моя, душа моя, я знаю — ты сможешь. Ради меня. Ради нас.

«Мервин», — сказала я мысленно, глядя на мужчину, которого любила, — «Мервин, чужак в своей стране. Не принятый эль-туань и сам отказавшийся от них, предавший своего короля, свой народ, пустивший врага на свою родину. Мервин, ты не захочешь — и не сможешь — до последней капли крови, до последней крохи магии защищать тех, кто из года в год отвергал тебя. Но ради меня и нашего ребенка — ты сделаешь это».

Я сказала это мысленно, но, казалось, будто вслух, казалось, будто Мервин услышал меня, будто смог прочесть в моей душе...

Мой эль-эро молчал, опустив голову, молчал долго, потом поднял глаза и посмотрел с такой болью, что у меня заболело сердце.

— Я пойду с тобой в храм, — сказала я ему. — Мы будем вместе до конца.

— Нет, — Мервин покачал головой. — Когда я переведу энергию всех щитов на себя, произойдет выброс дикой магии. Это опасно для ребенка. Обещай мне, что останешься в крепости и спустишься в подземелье. Если кадари сумеют проскользнуть сквозь щели в щитах, там будет безопаснее.

— Обещаю.

Подойдя к Мервину, я обняла его. Сперва он стоял неподвижно под моими руками, потом, с прерывистым вздохом, обнял в ответ.

— Люблю тебя, — прошептала я. — Всегда, чтобы ни случилось, знай — я люблю тебя. Сердце мое, душа моя — люблю...

Когда Мервин ушел, когда за ним закрылась дверь, у меня подкосились ноги. Опустившись на пол, я зажала рот руками, но рыдания рвались наружу.

Что я наделала?

Во имя Властелина, что я наделала?

Ни один эль-туань, даже владеющий Темной магией, не сумеет держать щиты для целого мира сутки и не сгореть при этом, не сжечь в себе всю магию до последней капли...

Мы не можем жить без магии, как не можем жить без крови.

Я знала это — и только что отправила своего эль-эро на верную смерть.

Отправила его умирать, чтобы дать моему народу шанс выжить.

Глава 7

Когда, приведя себя в порядок, я вышла из покоев, коридоры замка были полны эль-туань. Мужчины, все вооруженные, спешили к выходу, кто-то из женщин истерически рыдал.

Вторжение Дракона, случившееся меньше года назад, Квейн почти не задело, местные жители видели лишь отблески прежней войны. Но кадари мимо не пройдут — и нам всем доводилось слышать о мастерстве их воинов, силе их магов и безжалостности каждого из изгнанников. Я знала, что детали моего первого похищения — с попыткой принесения в жертву Богам Хаоса — недолго оставались тайной. Любая судьба лучше потери души: многие из нас предпочли бы умереть в битве, чем оказаться на их алтаре.

— Дракон? — незнакомая женщина схватила меня за рукав. — Он придет? Он остановит их?

— Да, — сказала я с уверенностью, которой не ощущала. — Обязательно.

В подземелье было светло, просторно и свежо — заслуга старой магии. Я видела Нити всех стихий, но особенно много Нитей Воздуха — даже если крепость обрушится и все ходы окажутся перекрыты, нам будет чем дышать еще несколько недель.

Сперва в подземелье находились только женщины и дети, потом начали появляться раненые — эль-туань, выжившие после столкновения с отдельными отрядами кадари, которые прорвались сквозь щели в щитах. Раненые говорили, что в этих отрядах были и другие, похожие и не похожие на изгнанников — и убить этих других оказалось куда сложнее, чем кадари. Дженнай — думала я, но не произносила вслух.

Порталы — как и Врата — не открывались, эль-туань из других городов и стран не могли прийти нам на помощь.

Но щиты пока стояли.

Щиты стояли...

Я утешала испуганных, помогала лечить раненых и старалась не думать, изо всех сил старалась не думать о том, что если Дракон не

появится в ближайшие часы, то я больше не увижу своего эль-эро живым.

Раненые рассказывали, что кадари пытались прорваться в храм. Изгнанники не могли не почувствовать изменения в крепости щитов после того, как Мервин перевел их на себя. Не могли не заметить и место главной концентрации Силы. Раненые говорили, что огненные полосы на небе стали слабее, что новых вспышек не было. И они, они все, спрашивали у меня — сможет ли наместник удержать щиты до того, как придет Дракон.

Сможет, — говорила я им, — конечно, сможет. Он ведь самый сильный чародей нашего мира. Сильнее даже, чем был мой отец.

Я не плакала. Принцесса Шоралл не имела права плакать там, где ее могли видеть подданные, даже если это были бывшие подданные. Принцесса Шоралл должна была излучать уверенность в победе и безмятежное спокойствие. И никто не знал, как болело у принцессы сердце, как она ждала чуда, которое не торопилось случиться, как она отсчитывала каждую минуту, во время которой ее эль-эро еще был жив...

Наступило утро, перетекло в день, потом в вечер... Я молила Властелина, я звала Его Дочь — но Она не пришла.

Вечер стал ночью.

С каждым часом атаки кадари, прорвавшихся сквозь щели, становились все яростнее, число наших раненых и убитых росло, но защитники у храма еще стояли, и щиты еще держались.

Уже зарождался рассвет нового дня, когда пол подземелья дрогнул. Потом я ощутила знакомую волну Силы — словно с поводка спустили магический ураган. Почувствовала — нас достиг лишь отголосок, настоящая битва развернулась в небесах.

— Дракон! — крикнул кто-то. — Дракон пришел!

И я побежала — по туннелю к выходу из крепости, потом к площади, где стоял храм Властелина. Камень брусчатки местами блестел от крови, местами был оплавлен в огне, мне все чаще приходилось огибать тела, и, в конце концов, я просто начала переступать через них.

Вот и храм, у входа в который стояла горстка выживших защитников; не обращая внимания на них, я вбежала внутрь, и дальше,

за алтарь, в дальний альков — небольшую комнату, куда сходились Нити всех щитов.

И замерла на пороге.

Мой таирт сидел в кресле, держа в ладонях матовый шар, от которого, полупрозрачные, уходили в пустоту Нити. Казалось, что Мервин заснул, утомившись... Голова склонилась набок, глаза закрылись, густые ресницы бросали на щеки длинные тени. Просто задремал.

Я подошла, ступая бесшумно, коснулась ладонью теплого лица. Сколько раз, проснувшись первой, я будила его вот так. Наклонившись, прижала губы к губам. Вот сейчас он очнется, откроет глаза и улыбнется мне. Вот сейчас...

Я не знала, сколько прошло времени.

Не хотела знать...

— Его магическая суть выжжена, принцесса, — произнес знакомый голос. — Благодаря вашему вмешательству тело останется живым еще несколько дней, но души в нем уже нет.

Я подняла голову — рядом стоял Карос. В его пронзительных синих глазах, обращенных на меня, виделось что-то, подозрительно похожее на сочувствие.

Мое вмешательство — своей кровью на груди таирта я начертила руну сна, как делала уже однажды. Тогда его раны зажили, но сейчас ранение слишком глубоко, и я не знала никого, способного стать врачом. Быть может, Дочь Властелина смогла бы, но Она так и не пришла на мой зов.

— Не думал, что Мервин пожертвует собой, защищая эль-туань, — продолжил Дракон. — Ваши сородичи, принцесса, не были добры к нему.

— Ради меня, — сказала я тихо, убирая прядь черных волос, упавшую Мервину на лицо. — Он сделал это ради меня. Таким оказался мой выбор...

Мы молчали.

— Вы можете... помочь? — спросила я, не веря, и, предсказуемо, Карос покачал головой.

— Я не бог, принцесса. Не в моей власти призвать душу в тело с выжженной магией.

Призвать душу...

— Вы можете увидеть, осталась ли в Мервине хотя бы кроха магии? Хоть что-то?

Карос перевел взгляд на таирта и несколько мгновений вглядывался в нечто, невидимое мне.

— Да, осталась — но это лишь несколько жалких искр.

— Если... если тело будет жить, сможет ли Дар восстановиться?

— Если тело будет жить, если пройдет достаточно времени — то возможно. — Дракон поднял брови. — Что вы задумали, принцесса? Душа уже ушла и не вернется, а без нее получится только кадавр, бездумная послушная машина.

Я положила Мервину руку на грудь, туда, где должно было биться сердце. Я не слышала ударов, но знала, что они есть. Один удар в минуту? Два?

— Пока тело живо, — сказала я негромко, — его душа не уйдет за Звездную Завесу.

— Это безнадежно, принцесса, — Карос покачал головой. — Его душа может бродить неприкаянным призраком в любом из миров великой Сферы, поскольку в мире Теритт его больше нет. Такова магия дженнай — они умеют извлекать души своих врагов. Мервин и без того продержался очень долго. Лучшее, что вы можете сделать — это смириться и позволить ему спокойно умереть, чтобы дух мог переродиться.

Смириться?

Я почти улыбнулась абсурдности его предложения.

— Вы, сир, вы смогли бы смириться, если бы вам предстояло жить с душой, мертвой наполовину?

— Мне приходилось хоронить своих любимых, — он помрачнел.

— А мне — видеть, как они умирают, — сказала я.

Я не обвиняла — глупо обвинять море за разбитый в щепы корабль. Я не ожидала извинений — стихия не просит прощения за жизни, которые она унесла. Я просто говорила то, что было и что есть.

— Я видела смерть своей семьи, мне было больно, но душа осталась живой. Но Мервин — мой разделенный эль-эро. Его жизнь — это и моя жизнь. Его смерть — это и моя смерть.

— Так что же, отправив наместника сюда, вы тем самым совершили самоубийство? — Карос казался искренне удивленным.

Неужели Мервин не объяснил ему, что значит быть эль-эро? Или Дракон просто не поверил?

— Да, — ответила я. Непослушная прядь черных волос опять упала Мервину на лицо, и я опять убрала ее. Чуть улыбнулась — упрямая, как и все в нем. — Да. Если умирает один эль-эро, второй в скором времени следует за ним. Через год, два или три — мало кому удастся выдержать дольше. Когда половина тебя умерла, жить дальше слишком больно.

Карос ничего не сказал на это, я тоже молчала.

Спустя несколько минут Дракон развернулся и ушел, оставив меня наедине с Мервином. Карос не спросил, сколько проживу я. Полтора года... Полтора лет будет достаточно, чтобы родить ребенка и выкормить его. А потом я уйду за Звездную Завесу — туда, будет ждать меня мой эль-эро...

Глава 8

В замке ан-Тоэль было пусто и тихо: последние оставшиеся слуги все же решились отправиться в Сдвоенный Мир — родину своих предков. Я думала о том, чтобы, когда тело Мервина умрет, обрушить стены замка и расплавить их камень, превратив в гробницу, но одна мысль остановила меня. Возможно, наш сын, когда вырастет, захочет увидеть родной дом своего отца — я не имела права лишать его этого.

Стасис, в который я погрузила тело моего таирта, еще действовал, сердце билось, а если приставить к губам зеркало, можно было увидеть облако редкого дыхания.

Прошло три дня.

Иногда я чувствовала, как знакомые и незнакомые эль-туань пытались проникнуть внутрь, но моя магия, наложенная поверх древней магии самого замка, не пускала их — явный знак, что я никого не желала видеть. Все пытавшиеся вежливо уходили, но на четвертый день нашелся тот, кому не было дела до чужих чувств и желаний. Хотя, возможно, он просто не заметил преграду на пути.

Дракон выступил из Портала в пяти шагах от меня. Я сидела на краю ложа, где лежал Мервин, но при виде Дракона поднялась, склонила голову.

— Чем обязана, сир?

— Принцесса, — он слегка кивнул в ответ, потом подошел к таирту и коснулся пальцами его лба.

— Что?..

— Я привязал его Нити напрямую к Источнику, — пояснил Карос. — вам больше не нужно питать их своим присутствием. Тело Мервина будет жить, даже если вы отлучитесь.

— Отлучусь, сир? Что вы задумали?

— Не хочу вас обнадеживать раньше времени... — начал он. Я замерла, боясь верить, что действительно слышу эти слова.

— Возможно, есть шанс вернуть душу наместника, — продолжил Дракон. — Полагаю, вам это интересно?

Не в силах вымолвить ни слова, я кивнула. Карос открыл Врата и сделал приглашающий жест. Я подошла ближе.

— Мы направимся в ваш мир?

— Да, там нас ждет ваш старый знакомец. Когда-то вы даже интересовались его судьбой.

— Ольф? — переспросила я удивленно. — Вернее, дженнай, захвативший его тело?

— Верно, — согласился Дракон, и мы одновременно вступили в пределы Врат. Бездна в этот раз ощущалась по-другому — не как холодное бездонное пространство, усыпанное звездами, а как нечто живое, дышащее, счастливое приветствовать моего спутника.

— Вам здесь рады, — сказала я.

— Мною довольны, — ответил он, усмехнувшись. — Дженнай слишком долго были невидимой язвой на теле Бездны. Теперь старая рана очищена и начнет рубцеваться.

Из Врат мы вышли на лужайку перед каменным особняком, красивым, но построенным в непривычном для меня архитектурном стиле, несколько не похожим ни на наши дома, ни на гнездо Волков. Здание было большое, прямоугольное, с пологой черной крышей и однотонным белым цветом стен. И только пять колонн у входа чуть ослабляли его давящее математическое совершенство.

— Официальная резиденция Дакаантов в мире людей, — любезно пояснил Карос в ответ на мое удивление. — Вернее, одна из резиденций. Здесь проще создать надежную клетку для дженнай. Они оказались достойными противниками даже для меня, принцесса.

При последней фразе в его голосе скользнуло удовлетворение.

Охрана у входа при виде Дракона взяла на караул, но взгляды всех постоянно перебегали с Кароса на меня и были полны растерянности, непонимания и даже доли восхищения.

— Почему они так смотрят? — спросила я вполголоса.

— Люди чувствуют, что вы отличаетесь от них, принцесса, но не могут понять, в чем дело. Эль-туань — редкие гости в Сдвоенном мире, особенно в его человеческой части.

Мы спускались по каменным ступеням, ниже и ниже, и казалось, будто сошли уже глубже, чем сам дом был в высоту, а лестница все никак не заканчивалась.

— Однажды я ошибся в вашем отношении, принцесса, — вновь заговорил Дракон. — Помните, вероятно, ваше посещение тэрайи?

— Того страшного слепца? — я вздрогнула, будто вновь ощутив прикосновение пергаментных пальцев старика к своему лицу.

— Можно назвать его и так, — согласился Карос. — Тэрайи способен видеть пути будущего. Не само грядущее, а его поворотные моменты, вернее, людей, от которых такие моменты зависят. Людей, подобных вам, принцесса. Мое логическое предположение, что дело в династическом браке с наследником Островной империи, оказалось ошибочным. Ваша судьба заключалась в том, чтобы заставить Мервина пожертвовать собой ради тех, кто его проклинал и ненавидел.

Я промолчала. Слова Кароса были жестоки, но оттого не менее правдивы. Впрочем, судьба или нет, но выбор я сделала сама и не жалела о нем. Две жизни за жизнь всего народа — это такая малая цена... Как бы больно, как бы плохо мне ни было, не жалела.

— Вы все еще ненавидите меня, — сказала я негромко. — Почему решили помочь?

— Ненависть — слишком сильное слово, — поправил меня Карос и добавил после паузы. — Скажите, принцесса, вам доводилось видеть ядовитых бабочек ру-ту?

— Да, в королевских оранжереях.

— Значит, помните, какими прекрасными и беззащитными выглядят эти создания, и как быстро убивает даже одно прикосновение их тонких лапок? — и на мой кивок продолжил: — Вы, принцесса, словно одна из них: ядовитая не меньше, чем любой из рода Шоралл, но своей красотой и видимой хрупкостью вводящая в заблуждение. Вами хорошо любоваться издали, но не дай Властелин потерять бдительность...

Я растерянно моргнула. Дракон действительно признал, что опасается меня? Он — меня?! Я не знала — мне стоило рассмеяться на его слова или заплакать?

— Не думайте, будто я помогаю *вам*, принцесса, — продолжил Карос. — Помочь я хочу Мервину, а если вы, благодаря этому, тоже останетесь живы, что ж — пусть будет так...

Я промолчала — да и что на это можно было сказать?

Наконец бесконечная лестница закончилась, перед нами оказался длинный коридор, освещенный магическими светильниками, обычно очень яркими, но здесь едва мерцающими. Впрочем, неудивительно — еще стоя на последних ступенях, я ощутила сильное давление на свою

магию. Набросила защиты — все, которые смогла, — но даже так с каждым следующим шагом мне все больше хотелось развернуться и убежать прочь. Впрочем, Карос быстро заметил мое состояние, сделал рукой в воздухе непонятный жест, после чего давление исчезло, и я вновь смогла нормально дышать.

Последняя дверь направо — и мы оказались в просторной комнате, разделенной пополам такой же серебристой сеткой, которую использовал Дракон против дженнай в Бездне. Первая половина была пуста, а вот вторая, за сеткой, своей обстановкой очень напоминала ту камеру, в которой после похищения меня держали вампиры. У сетки, почти вплотную, но не касаясь, стоял Не-Ольф и смотрел на нас. Я поежилась, на мгновение встретившись с желтыми гнилушками его глаз. Больше никакого притворства не было, только ярая, ничем не прикрытая ненависть.

Осталось ли там, внутри, хоть что-то от настоящего Ольфа, или дженнай полностью поглотил личность юноши?

— Ты сможешь построить для нее мост, о котором мы говорили? — без всяких приветствий спросил пленника Карос.

Не-Ольф долго молчал, вглядываясь в меня.

— Да, — произнес хрипло.

Я посмотрела на его бледное лицо, отмечая странные серые пятна на коже, коричневые круги вокруг глаз и неожиданную худобу пленника. Похоже, атмосферу этой темницы, удушающей магию, даже дженнай не мог переносить без последствий.

Карос кивнул, повернулся к двери, жестом приказывая мне следовать за ним.

— Он должен был только посмотреть на меня и сказать «да»? — уточнила я недоверчиво, когда дверь в камеру за нами закрылась.

— Именно так, принцесса.

— И... что это за мост?

— Путь, по которому ваша душа сможет последовать за душой Мервина и привести ее назад в тело. Дженнай владеют Магией Разума, только они способны построить его.

Я нахмурилась:

— А если он солжет? Если вместо обещанного он отправит мою душу в ловушку?

Дракон усмехнулся:

— Солжет? Принцесса, вы разве все еще не знаете? *Мне* солгать невозможно... — он сделал паузу, потом, когда мы начали вновь подниматься по лестнице, добавил: — До чего удивительно вьется ваша судьба, принцесса. Вьется и рвет планы всех, кто пытается вашу судьбу изменить.

Вам будет, вероятно, интересно узнать, что ваше похищение вампирами было подстроено третьей стороной. Дженнай рассказали вампирам сказку о неких предметах, якобы способных побороть Жажду, а потом последовательно убивали всех, кого вампиры посылали в Лабиринт. Дженнай были нужны именно вы и именно внутри Лабиринта...

Тому, кого вы знали под именем Ольфа, не повезло оказаться единственным живым внуком-полукровкой их недавно погибшего *шеннайшты*. Это... На нашем языке самым близким аналогом будет король-жрец. Чистокровный дженнай не позволит памяти предка завладеть своим разумом, а вот полукровки — легкая добыча. Но память предка так просто не проснется, для этого нужен ряд условий, самым главным из которых является сотворение рунной магии поблизости от означенного полукровки. Дженнай бы с удовольствием сделали это сами, явившись в Город-на-Перекрестке, где жил Ольф, если бы смогли пройти мимо Храма Памяти. Но Хранитель не пропустит ни дженнай, ни их союзников кадары. И тогда они решили отправить вас — эль-туань, достаточно юную и не запятнанную преступлениями, чтобы духи из Храма выпустили вас живой, и достаточно хорошей владеющую рунной магией. Они высчитали время похищения так, чтобы вы попали в тот же караван, что и Ольф, и они договорились с отступниками о последовательных нападениях на этот караван, чтобы вы, наконец, использовали самую сильную магию в своем арсенале.

Рассказывая мне о вашем путешествии, вы упомянули о странном магическом откате, случившемся после того, как вы создали руну сна — вторую руну за все ваше пребывание в Лабиринте. Так вот, первая руна, убившая отступников, пробудила в Ольфе дженнай. Вторая руна напитала этого дженнай Силой, а потом эту Силу он продолжал пить из вас и дальше — именно в том была причина вашей необъяснимой слабости. Но то пробуждение было лишь частичным, по-настоящему

дженнай завладел телом полукровки только тогда, когда он попробовал кровь Твари Бездны — впрочем, это вы знаете и сами.

— Но если дженнай не могут попасть в Лабиринт, как там оказалась мать Ольфа?

— Ее там никогда и не было. Некоторые Волки, из их Старших, знают пути во внешний — наш — мир. А там — случайная встреча, короткий роман, а потом, спустя должно время — неожиданное для кавалера последствие в виде курлыкающего свертка. Отец Ольфа принес сына в Лабиринт из внешнего мира.

— И Хранитель пропустил? Духи Храма пропустили полукровку дженнай?

Дракон остановился и бросил на меня странный взгляд:

— На младенцах нет грехов, принцесса, даже на младенцах дженнай. У духов не было причин мстить ребенку.

— Когда вы сжигали мою столицу, там горели и дети!

— На младенцах грехов нет, — он пожал плечами, не потревоженный моими словами, — на мне есть.

Сглотнув, я отвела взгляд, заставляя себя не думать, не вспоминать...

Когда мы вышли на последний пролет лестницы, я задала последний вопрос.

— Когда дженнай сможет построить этот мост?

— Когда я прикажу, — Карос пожал плечами. — Однако сами поиски могут занять много времени, в вашем положении это нежелательно. Кроме того, вы можете и вовсе не вернуться.

Я коснулась своего живота — все еще плоского. Верно. Карос был прав — я не могла покинуть свое тело, пока ребенок не родился.

— Полтора года, — сказала, глядя на него. — Я буду готова через полтора года. Но проживет ли Мервин так долго?

— Да, — уверенно ответил Дракон. — Я позабочусь об этом.

Глава 9

Последний день.

Сегодня на закате я спущусь в подземный зал и лягу на каменное ложе рядом с Мервином. Карос приведет дженнай, и тот построит мост, чтобы моя душа смогла повторить путь, совершенный таиртом. Когда это случится, Дракон погрузит мое тело в такой же сон, в котором покоится тело Мервина, и привяжет Нити магии напрямую к Источнику.

Что будет ждать на той стороне? На что окажется похож тот мир? Сколько времени потребуется, чтобы найти Мервина?

Только будущее ответит.

Ребенок, отчаянно плакавший, наконец заснул. Еще не умея говорить, он чувствовал мой грядущий уход и страшился его. Родился сын, и, как и предрекал Камир, в нем куда больше от Шоралл, чем от ан-Тоэль. Наши светлые волосы, наши черты лица, наша фамильная магия. Уже сейчас я могла сказать — он вырастет в сильного мага. От отца я видела в нем только глаза — глубокие, черные, где зрачок невозможно отличить от радужной оболочки. Возможно, впрочем, что он унаследовал и Темную магию Мервина — у моего эль-эро этот дар пробудился только в пятнадцать лет.

Первый год в жизни эль-туань присутствие матери необходимо — чтобы правильно соединились Нити, чтобы магическая связь со стихиями сформировалась как нужно. Сироты, с рождения лишенные материнской заботы, никогда не вырастут в сильных магов, не смогут полноценно развить свой дар. Первый год в жизни своего ребенка я провела с ним — и только Властелин знал, как больно это было, когда, день за днем, по кусочку умирала душа, лишенная поддержки эль-эро, а мне нужно было продолжать жить.

Я провела ладонью по голове сына, поцеловала его маленькое тельце. Я знала, что он не проснется — я не поскупилась на Силу в наведенном сне. Покидать его было больно, но остаться дольше я тоже была не в силах.

Керьен — я сама выбрала сыну имя. Почему мы никогда не говорили с Мервином о том, как назвать ребенка? Казалось, впереди

еще столько времени...

Керьен Шоралл? Керьен ан-Тоэль? Пусть — если мы не вернемся — он выберет это сам.

Последний день.

Вчера с ребенком на руках я была на прощальной службе в храме Властелина, том самом, где Мервин удерживал щиты. В глазах многих, смотревших на меня, я видела слезы. О чем они думали, глядя на последнюю из рода Шоралл? Чем была я для них — живой женщиной или символом славного прошлого? Хотя имело ли это значение? Главное другое — они приняли нашего с Мервином ребенка, на него не ляжет тень предательства, совершенного отцом.

Все искуплено.

Весь последний год я писала историю своей жизни — если мы не вернемся, хотя бы ее я оставлю своему ребенку. Ее — и мир, где ради его родителей его будут любить, а не ненавидеть.

Скоро появится Тор, чтобы забрать племянника — кузен обещал заботиться о ребенке, пока мы с Мервином не вернемся. Тор не сказал «если» — но мы оба понимали, что и это тоже возможно.

Даже Карос не знал, сколько времени у меня будет на поиски. Несколько лет? Десятилетий? Даже погруженные в стасис, с Нитями, соединенными с Источником, наши тела начнут умирать. Когда редкое биение сердец прекратится? Успею ли я до того?

Я посмотрела в окно — еще немного, и солнце коснется кромки горизонта. Тогда я в последний раз пройду по безлюдному тихому замку, где зачарованные головы каменных грифонов будут поворачиваться мне вслед. Где, шагая, я буду слышать лишь себя — и тишину. В подземелье я в последний раз посмотрю на Мервина, коснусь его лица рукой, поцелую неподвижные губы и лягу рядом.

Последний день.

Последний закат.

Пора.